

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК **ВОЛГА** 3-4 2016
Литературно-художественный журнал

Анастасия Ястребкова

Евгений Мельников

Победители литературного конкурса молодых авторов
«ВОЛЖСКАЯ ВОЛНА» стр. 98

XXI ВЕК

ВОЛГА

3-4 2016

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.Б. Амусин – член Союза писателей России, председатель Ассоциации Саратовских Писателей
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Новокуйбышевск)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
В.А. Кремер – член Союза писателей России (Саратов)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы, ответственный секретарь Ассоциации Саратовских Писателей
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
М.С. Муллин – член Союза писателей России и Ассоциации Саратовских Писателей
Г.П. Муренина – директор музея Н.Г. Чернышевского, член Ассоциации Саратовских Писателей
Н.В. Шаталина – член Союза журналистов России (Саратов)

3-4 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД

Владимир МЯЛИН. **Резные края фотографий**..... 3

ОТРАЖЕНИЯ

Виктор БИРЮЛИН. **Вот такие дела** 8

ПОЭТОГРАД

Роман КРУГЛОВ. **Всё в мире на живую нитку**... ..19

ОТРАЖЕНИЯ

Михаил МУЛЛИН. **Андрюшкин папа**22

ПОЭТОГРАД

Галина ТАЛАНОВА. **Замерзают слова на ветру**.....37

КАМЕРА АБСУРДА

Валерий КАЗАКОВ. **Старушки-подружки**42

ПОЭТОГРАД

Алина СЕРЁГИНА. **Бабочка и океан**86

ОСТАНЕТСЯ МОЙ ГОЛОС

Борис ОЗЁРНЫЙ. **Боевая разведка**91

В САДАХ ЛИЦЕЯ

Евгений МЕЛЬНИКОВ. **В дни скитаний**98

Алёна ЖИЛКИНА. **Два эссе**103

Анастасия ЯСТРЕБКОВА. **Воскресенье**105

НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ

Алексей ГЕРАСИМОВ. **«Дорогие мои, хорошие...»**.....108

К 55-ЛЕТИЮ ПОЛЁТА

ПЕРВОГО КОСМОНАВТА ЗЕМЛИ Ю.А. ГАГАРИНА В КОСМОС

Владимир ЕФИМОВ. **Наземные нестыковочные узлы**124

РЕЦЕНЗИИ

Михаил МУЛЛИН. **О пользе знакомства со знакомыми**133

Елизавета МАРТЫНОВА. **О серьёзном и несерьёзном**.....136

Елизавета ДАНИЛОВА. **Незримое в зримом**.....137

Елизавета МАРТЫНОВА. **Следуя музыке**.....139

Елизавета МАРТЫНОВА. **«Светом любви обручённый...»**141

ВОЛЖСКИЙ АРХИВ

Ирина СЕМЁНОВА. **Талантливое и быстрое перо**143

ТЕАТРАЛЬНОЕ РЕВЮ

Натэлла ЛЕВИЦКА. **Личности и личинки**.....148

**Владимир
МЯЛИН**

РЕЗНЫЕ КРАЯ ФОТОГРАФИЙ...

Из мест, где сумрачно и тесно –
Из ниш, подвалов и углов,
Я слышу музыки чудесной
Мне душу просквозивший зов.

И вот дрожит душа больная
На лестнице, где чёрный ход,
Где была чердачная сквозная
И сказка гулкая живёт.

И тёмной музыке подобна,
Как тусклый жар распалена –
Весь Божий свет принять беззлобно
Уже готовится она.

Свеченья проём, тишины поворот
И снег, словно дом, где никто не живёт –
С глухим телефоном настенным,
Где ветра порою стучат башмаки
И музыки чёрной пылятся круги
В картонной коробке вселенной.

Добро ли случайное, стылое зло –
Но всё же с тобою нам, друг, повезло:
Бессрочными бродим теньями,
От холода ёжась, по гулким дворам.
И медленный снег открывается нам,
И время мерцает над нами...

-
- Владимир Евгеньевич Мялин родился в 1961 году в Москве. Публиковался в журналах «Московский Парнас», «Арион», «Волга–XXI век», «Волга», «Интерпоэзия», «День и ночь», «Эмигрантская лира», «Бег», «Русский писатель», «Европейская словесность», в антологии современной русской поэзии «Созвучье слов живых» и др. Автор книг стихотворений «Из ближнего рая», «Вином и хлебом».

Член СП России. Живёт в Москве.

В коробке времени – меж скачущих колёс,
В зажатости пружин, в сцепленье шестерёнок –
Из мрака бытия ты Божью ноту нёс,
Кукушечью и хриплую спросонок.

И маятник живой тоске твоей
Не находил угла, и сны твои, как гири
Латунные, не слушались цепей
И за пределы жизни выходили.

НЕДОУМЕНИЕ

...Его снежком припорошило –
Оно сияло и цвело,
Оно страдало и любило –
И в темь кромешную сошло...

Но этот свет необычайный,
Но эти странные права –
На неразгаданную тайну,
Что и в кромешной тьме жива...

Благословенна наша бедность –
Ещё покуда нищета
Не навела на щёки бледность,
Не печатала уста.

Ещё покуда (неспроста!)
Нам снятся сны, не выгорая, –
Печуркой, лампочкой из рая,
Томленьем Божия куста...

Проходит жизнь, но остаются нам
Бездомье снов и невесомость тени,
И дождь косой, и взгляд по сторонам,
И череда раздробленных мгновений...

И их собрать в оплывшую свечу,
В антоновку рябую, в вербу в банке,
В автобус ржавый я порой хочу –
И застолбить на вечную стоянку...

В иголку с ниткой, в старческий клубок,
В отцветший бархат бабочки на вате...
И в горловой неведомый рожок,
Тоски которого на вечность хватит.

В простылом тазу, где отбита эмаль,
Замёрзла зима, как на грех.
И колешь в тепле твердоклювый миндаль
И грецкий волнистый орех.

А в печке, треща, веселятся дрова,
Огню подставляют ладонь.
И к ночи – дощатая сказка жива,
Как пешка и шахматный конь.

И слушаешь, слышишь её немоту –
В висках ли, в поленьях, в щелях...
Зима разложила сушить бересту,
Зажгла серебро в волосах.

И странно, и страшно, что ночь у крыльца,
Что месяц безлик и остёр,
Что свищут дрова – и гудит без конца
Заснеженный времени бор.

НА МОТИВ КАРТИНЫ ВЕРМЕЕРА «ДЕВУШКА С ЖЕМЧУЖНОЙ СЕРЁЖКОЙ»

В ушке – жемчуг розоватый,
Губы алы, бледен лик.
Снег идёт, подобье ваты,
И в снегу портрет возник.

Он парит и вьётся, стоя
Детским змеем на ветрах.
Одеянье золотое.
Слово замерло в устах.

Ничему не возвратиться:
Вечность снежная прошла.
Лишь повязка шевелится,
Как лазурь, вокруг чела,

Златом падая на спину.
Помни, юная моя,
Золотую середину
Снега, жемчуга, житья.

Взгляд жемчужный, взгляд чудесный
Ни за что не отводи!
Если сердцу в раме тесно –
Снег и вечность впереди.

У вежи колодец стоял.
Журавль, ведро опуская,
Скрипел и упорно молчал,
Как будто бы что-то скрывая.

И вот незаметно пришла
Трёхсотая осень золотая.
Журавль раскрывает крыла,
В дождливое небо взлетая.

Его не увидишь с земли –
В такие глубокие выси
Ветра журавля занесли.
Колодец бревенчатый высох.

Плывёт по долине косяк,
Углом становясь, – и рыдает.
Трубит деревянный вожак –
И долю свою забывает.

У вежи колодец молчит.
К нему не приходят напиться.
А угол осенний летит,
Трубит деревянная птица.

АВРААМ

Авраам заносит луч,
Словно лезвие, над сыном.
Ангел, лёгок и могуч,
Руку старца отодвинул.

Луч вонзился в тишину,
Утро веет сизым дымом...
Может быть, и я усну,
Став, как облако, незримым...

Может, встану на горе
И, вдыхая дым пастуший,
Замолчу о той поре –
Тишина забьётся в уши...

Слух отнимет тишина,
Авраамов луч уколёт –
Станет лёгкою спина,
Словно облако на воле...

Посмотри, как зима бронзовеет.
А над ней незажжённой свечой
Снег стоит – и несбыточным веет,
И щекам от него горячо.

...И тревожно... А впрочем, не надо
Ни высот, ни падений, ни дней...
Вьюги бросовой ворох измятый,
Полыхнувшие угли огней...

Да и было ли долгое чудо,
Хлопья памяти, снега зола?
Жизнь пришла неизвестно откуда,
И зачем, непонятно, – прошла...

КУСТ

Стареешь, облетаешь, куст?
Твоя злачёная икона –
Как Божий мир, что нищ и пуст
До льдистой хрипотцы и звона.

Я тоже ростом невысок,
Зато корнями близких чую.
И мёрзлый разветвляю сок,
И зиму чувствую... иную.

Резные края фотографий,
Времён и мгновений осот:
Отец в желтоватой рубахе –
И дедов неведомый год.

И дед в сапогах мой и кепке,
С бедой в чёрно-белом стекле –
Хвативший весёлой и крепкой,
С картошкой, печённой в золе.

Прабабка на снимке картонном
Скуласта, скучна, молода.
И мужа, и брата бессонно
Качает забвенья вода...

И спят они в дымке, за рамой,
Два века в себе хороня.
И всё не стареют упрямо,
И в небо глядят сквозь меня.

**Виктор
БИРЮЛИН**

ВОТ ТАКИЕ ДЕЛА

Эссе

В МОНАСТЫРСКОМ

Довелось заехать в село Монастырское, на родину известного советского писателя Михаила Алексева. Первый же встречный на вопрос: «А где здесь дом Алексева» – ответил: «Да я в нём живу».

Бывший дом героя труда и лауреата многих премий и наград со всех сторон окружён густыми рядами картофеля. В большом кирпичном квадратном здании, выделяющемся среди обычных деревянных домов, когда-то было одиннадцать окон. Половина их заделана. Хозяйка объяснила: «Он стихи писал, ему света больше надо было, а нам к чему столько окон?»

До этого в доме, уже после Алексева, жил председатель местного колхоза имени Горького. Литературному классику посередине площади поставлен памятник: молодой Горький с книгой в руке, с развевающимися волосами, стройный, высокий, бодро смотрит вдаль и одновременно – на дом Алексева.

А вокруг пустой, в ухабах площади – деревенское безлюдье, серые, незавидные постройки. Село доживающее. Уже закрыта школа, а с ней и школьный музей с алексеевскими экспонатами.

Не знаю, где писал Алексей своих «Драчунов», но трагедия голодомора, о которой он рассказал на страницах романа, разворачивалась вот на этих пыльных ули-

-
- Виктор Владимирович Бирюлин родился в 1951 году в городе Астара в Азербайджане. Окончил филологический факультет Саратовского государственного университета. Автор многих прозаических, литературно-критических и публицистических книг. Печатался в журналах «Волга», «Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник», «Волга–XXI век», «Сура», «Иные берега» (Финляндия), альманахе «Порт-Фолио» (Канада). Живёт в Саратове.

цах, окрепнувших было и захиревших уже при продовольственном изобилии.

На этой изъезженной, истоптанной земле страдала верная Журавушка, здесь тянула свой тяжёлый воз старая ленивая, но надёжная кормилица Карюха, где-то должен быть и Вишнёвый омут в протекающей рядом речке. Может, смотрелись в него, волнуясь от влекущей тайны, и эти две девчушки, которые, спокойно и весело переговариваясь, прошли по своим делам за околицу.

Я не нашёл «алексеевского гнезда». В его доме, о котором писатель при жизни тепло вспоминал, живут случайные люди. Канул в Лету и окружавший его, казалось – на века, колхозный мир.

Но заросли деревьев вокруг села по-прежнему густы и зелены. На песчаной речной отмели привычно играют дети. Далеко вокруг раскинулись поля новых хозяев сельской жизни, с колосющейся пшеницей, кормовыми травами и подсолнухами. Они весело смотрели после прошедших дождей в чистое голубое небо.

ЛЁГКИЙ СТУК МОЛОТКА

Дождь шёл всю ночь и утро. Стоило ему утихнуть, как всегда бодрая воробьиная семейка, деловито чирикающая, тут же устроилась на проводе напротив лоджии.

Мокрый сад по-своему хорош.

Когда опрыскивал клубнику, подлетела пчёлка, села на верхний ободок стоящей под краном лейки, чтобы попить. И когда я лейку понёс, она всё ещё пила воду.

Перед баней сидит, нахохлившись, птенец. Судя по молча порхающему рядом чечету – его. Маленький замерший пушистый комочек в ожидании помощи.

Трясогузка по-домашнему похаживает в беседке, покачивая хвостиком и не обращая на меня внимания.

Уже и зимние яблони доцветают, и поздние жёлтые тюльпаны. Виноградные кусты пушатся – больше там, где солнечнее, теплее.

Хожу, что-то делаю, а сознание витает как бы вне меня, само по себе, со стороны осмысляя мою жизнь. Не представляю её без садовой зелени, неумолчного щебетанья птиц, ласковых солнечных лучей или умиротворяющего постукивания дождевых капель.

Не могу жить и без постоянных размышлений обо всём на свете, начиная с домашних рыжих муравьёв, так докучавших одно время, и заканчивая загадками Вселенной, не дающими спокойно спать астрономам.

Тянет к мудрецам и талантливой молодёжи.

Недавно весь день переписывался по электронной почте с писателем Ириной Сотниковой из Крыма, сказавшей, что мир изменился везде, в каждой точке и он больше не измеряется деньгами. Тем временем сварил густую ароматную гороховую похлёбку и картофель испёк к приходу жены со службы.

Сегодня я один. Грустновато. Но разве я не винодел? И у меня в погребе нет вина? И вот передо мной бокал с вином, кусок сыра с домашним хлебом. А вино недурное – терпкое, с молодой горчинкой, свежее. И грусть потихоньку испаряется. Вновь ощутил в себе и вокруг сладостный ток жизни. Его легко нарушить лёгким стуком молотка по дереву. И невозможно прервать грохотом железных небесных исполинов, взлетающих с заволжского аэродрома.

Перед заходом солнца напоследок осветило сад. Воздух ещё потеплел.

ХОРОШЕЕ ВСПОМИНАЕТСЯ ЧАЩЕ

Читаю книгу Филиппа Делерма, француза, предпочитающего писать о солнечных, а не сумрачных днях. Доверчиво погружаюсь во французскую жизнь с её уличной пестротой, обязательными круассанами на завтрак, укромными провинциальными уголками и открытыми всему миру вокзалами и дорогами. Такой далёкий от моей повседневности мир, но в чём-то и близкий.

Делерм пишет, что не стоит разбрасываться временем, когда тебе за шестьдесят. Конечно, новые впечатления нужны как свежий воздух. И всё же не стоит расстраиваться, если не успел посмотреть на ещё одно заморское чудо.

Брожу по осеннему саду. Наслаждаюсь цветением поздних хризантем. Привычно оглядываю каждое дерево, каждый куст.

Рыжий уличный кот повадился ходить к новым соседям обедать и требует, если вовремя не подадут. После их отъезда улёгся на солнышке возле виноградных кустов, несколько раз мяукнул и спит безмятежно.

Стайка скворцов кормится напоследок в малиннике и траве под яблонями. Ходят живо, держатся вместе, головки с хитрыми глазками при ходьбе ёрзают вперёд-назад. Так же они кормятся и в далёкой Нормандии, у Делерма в саду.

С прополки сада начинается много хорошего.

И о душе Древней Японии хокку о цветах, горных деревушках и одиноких путниках кому-то расскажут больше, чем многостраничные героические эпосы.

Женщина в минуту беды зовёт своего мужчину: «Фандор! На помощь!» И он устремляется к ней как ветер. Ничто, кроме смерти, не остановит его. В этом вся суть цивилизации мужчин и женщин. И детей. Когда ребёнок зовёт на помощь, к нему неудержимо устремляются и отец, и мать.

Пережившие потрясение, спасшиеся от смерти люди, как правило, не скрывают своих чувств. Но есть и молчание. И разве не в их молчании соль горя?

На днях помог старушке сумку с колёсами на ступеньку магазина поднять и парню на инвалидной коляске подъём преодолеть. И кольнуло: редко я помогаю больным, слабым. А ведь душа так этому радуется.

ТРОПИНКОЙ СЧАСТЬЯ

На служебной вечеринке он поцеловался на брудершафт с сотрудницей, к которой не испытывал особых чувств. Но поцелуй вышел настолько терпким, бархатистая упругость её губ оказалась настолько желанной, что он запомнил его и стал искать в близости с другими именно такого поцелуя. И не находил. Тогда он потянулся к этой женщине, но не сумел очаровать её. Может, она оказалась из тех, кто упрямо живёт по принципу: «я другому отдана и буду век ему верна», хотя бы этот другой предпочёл её подругу, или ещё по какой причине.

Он всё ещё ждёт верного случая, надеется, ищет путь к её сердцу, к поцелую, который – он верит в это – приведёт их обоих к счастью.

Человек он не глупый и понимает, что все его затянувшиеся старания, как всё затянувшееся, скорее тщетны и только отражают его неутолённое желание. Но не хочет, а пожалуй, и не может противиться этому нетускнеющему чувству.

УМЫЛ РУКИ

В начале весны в сад заглянула небольшая ладная серая кошечка. Побродила между кустов смородины с зазеленевшими почками, делая вид, что охотится. Но, не дождавшись моего угощения, замыкала, стала тереться о ногу.

В другой раз она припоздала и только облизнулась, с досадой глядя на мой уход.

Наступило сытое привольное лето. Заметно прибавилось дачников, всегда готовых угостить от своих щедрот и прохожего, и кошку, неважно чью. Среди белых, рыжих, чёрных и прочих хвостатых и пушистых, шныряющих вокруг, несколько раз показывалась и серая кошечка.

Однажды я услышал призывное мяуканье возле крыльца. Вышел из дачи и увидел её со встревоженным, напряжённым взглядом.

Я не приваживаю кошек, тем более уличных, мало ли что. Внукам для игр хватает и соседской Аськи, на редкость спокойной трёхцветной красавицы. Поэтому не стал церемониться с незваной гостьей, выпроводил за ворота. Она всё так же настойчиво мяукала и за воротами, заглядывая мне в глаза. И ещё долго мяукала уже после моего возвращения во двор.

Серая кошечка явно нуждалась в помощи. И, едва смолкло зовущее мяуканье, как я стал искать себе оправдания, приговаривая, что безответственно приручать тех, за кого мы не сможем потом отвечать. Только ведь серая кошечка не набивалась в нахлебницы. Она всего лишь просила помочь. Скорее всего, в помощи нуждались её народившиеся котята. Да и прогнал я её, чего уж там, просто потому, что не захотел лишних хлопот.

Этим летом серую кошечку я больше не видел.

ХРОНИКА ОДНОГО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Владимир Петрович недолюбливал свои дни рождения. И всё-таки уже с утра ждал звонков от родственников, знакомых и сослуживцев. С выходом на пенсию он даже стал аккуратно отмечать поздравлявших, записывая запомнившиеся пожелания.

Так было и сегодня.

Первой, видно, едва добравшись до редакции, позвонила давняя приятельница-журналистка. Дежурно поздравив, она тут же, как обычно, пустилась посвящать его в свои сложные отношения с окружающим миром. На этот раз в борьбу с вороватой туристической фирмой, закончившуюся проколотыми колёсами в машине мужа и угрожающими эсэмэсками.

К Владимиру Петровичу вся эта трепотня никакого отношения не имела, но была, надо отдать должное, забавной. Да и появился особенный, именинный настрой.

Его усилил звонок мамы, заметившей, что, когда она его рожала, ей было двадцать два года, и с тех пор она всегда старше его на этот срок.

Что она хотела этим сказать? А, какая разница! Голос её был мягок и ласков. Владимир Петрович расчувствовался, пошёл на кухню, налил коньяка в небольшой кубок из оникса, подаренный знакомым армянином, выпил не спеша и сразу ощутил разливающееся внутри тепло. «Как же хорошо дома, в тишине, в родных мелочах», – прошептал он, выглядывая в окно. Из-за осенних серых туч показалось солнце, и его лучи заблуживали на крышах припаркованных во дворе машин. Протянулась дорожка из солнечных пятен.

Позвонил ещё один давний приятель и сослуживец, наговоривший кучу приятных слов и попросивший виноградных черенков. Владимир Петрович невольно усмехнулся, вспомнив недавний его приезд на дачу с женой и внучкой-подростком со смартфоном в руках, сразу спросившей, есть ли здесь «вай-фай».

Звонки продолжались, пожелания и комплименты медовым ручейком вливались в уши и текли куда-то дальше, рождая такие же ответные мысли и слова. Всё это сбивалось, в конечном счёте, в некий добрый ком, неторопливо катящийся через весь день рождения.

Его пригласили на открытие художественной выставки, ему процитировали слова Омара Хайяма о музыкантше, вине, ручейке и закате, намекая, что, мол, всё это у него есть и, значит, он безмерно богат.

«И впрямь какие-то именины сердца», – улыбнулся Владимир Петрович.

Конечно, как и другим, ему хотелось, чтобы его чествовали не по случаю, а за всё, что им было сделано, создано и сказано. Да мало ли чего захочется человеку в день его рождения! Например, он ждал звонка от одной приятной во всех отношениях дамы, а она не торопилась, может, и забыла.

Между тем прибывало и сведений из жизни звонивших. Никто, слава Богу, не заболел и не умер, хотя понятно, что негативом в такой день его не нагужали.

В мире его друзей в прошедшем году была затеяна пристройка к даче, выращены огромные тыквы, родилась ещё одна внучка, завёлся необычайно умный спаниель, состоялась поездка в Сочи на Всемирные хоровые игры, получилось хорошее домашнее вино, готовились экзотические салаты, уходили на пенсию, учили внуков русскому языку, настраивали сбившиеся телеканалы и даже ездили в далёкую Америку.

Тем временем за окнами серело. В сквере напротив ворона и грач долбили лёд в застывающей луже.

Прошелестевшая за какие-то часы чужая и своя жизнь склонила Владимира Петровича к созерцанию. Но созерцать в квартире особенно было нечего. Разве что цветущий жёлтый кактус.

За поздравлениями и хлопотами на кухне уже вместе с женой, отпросившейся со службы пораньше, день наконец незаметно прошёл.

Вскипело на пару вечерних часов домашнее праздничное застолье.

Но уехали и дети с внуками.

Владимир Петрович посмотрел из окна за их разъездом. Длинные лучи света автомобильных фар успокаивающе проплыли вдоль дома и скрылись за поворотом.

«Ладно, прощай ещё один день рождения, – приговаривал Владимир Петрович, помогая жене убирать со стола. – Не важно, что прошёл, важно, что был».

ПРАЗДНЫЕ И БЕЗЗАБОТНЫЕ

Июльский полдень, солнце печёт, видно, опять к дождю. Никитка съел с моей ладони горсть малины, покатал машинку, поездил на велике. Отправился в дачу спать.

Глядя на него, размышляем с сыном о беззаботности. Решили, что беззаботность – это не отсутствие забот, а отсутствие ответственности за них. И поэтому она возможна только в раннем детстве. Никитка беззаботен, наслаждается праздностью в надёжном окружении семьи. Он делает, что хочет, смеётся, плачет и в ус не дует. А мы всегда чем-то озадачены.

Впрочем, вспомнив недавно умершего отца соседей по старой квартире, пришли к выводу, что благословенная праздность может осенить и в конце жизненного пути.

Старик доживал один. Дети постоянно звали к себе, но он упорно отказывался. Умер в весьма преклонном возрасте. Он не хватал звёзд с неба, но любил приговаривать, что его желудку хлеба требуется всё меньше, а сердцу по-прежнему не обойтись без всего мира. И всё-таки после смерти жены он предпочитал одиночество, повторяя, что и одиночество составляет компанию.

В жизни ему приходилось не раз и не два менять род занятий. За давностью лет он уже не мог точно сказать, какое из них было самым важным для него.

Высокий, сухой телом, со спокойным взглядом выцветших синих глаз на узком лице, он внешне был похож на старинного монаха. Но

в Бога не верил, считая, что достаточно и одного великого чуда – природы, источника всего сущего. Он был убеждён, что есть только одно место, где человек может жить в радости – на Земле, в кругу семьи и близких людей. И старался не отчаиваться и не терять веру в будущее.

Он полюбил слушать шум летнего дождя и, если оказывался на даче одного из сыновей, всегда выходил на веранду, усаживался на лёгкое складное кресло и долго сидел ещё после дождя, вдыхая свежий, чистый воздух, вспоминая, может быть, свой сад, в котором когда-то был счастлив.

На склоне лет он научился отвлекаться от всего внешнего, раздражающего и погружаться в душевное спокойствие. Иногда, напротив, его взгляд, казалось, пытался проникнуть в глубину событий и предметов. Видно было, что он испытывал от этого удовольствие.

До последних своих дней он вёл дневник, много читал, смотрел по телевизору исторические реконструкции, документальные фильмы о животных и растениях, сушил на зиму огородную зелень, заваривал чай с мятой.

ВОТ ТАКИЕ ДЕЛА

Замёрз Ниагарский водопад! Тут же устроили шум по этому поводу. Но, оказалось, он и сто лет назад замерзал. И ещё раньше, понятно, такое случалось.

Во время застольного конкурса на знание стран мне досталась Франция. Увы, ничего не отгадал. Не знал я, сколько во Франции замков, сколько ступенек в Эйфелевой башне и какой самый известный продукт в Бургундии. Оказалось, что не вино, а дижонская горчица.

На фотографии видна стёжка шагов через снежное поле к стогу сена на лесной опушке. В этой стёжке проглядывается чья-то жизнь. Стоит только задуматься, дать волю воображению.

Импрессионистам всё равно, кто рядом с ними воет о гадостях. А вот воюющие, как правило, болезненно реагируют на тех, кто пишет о простых радостях жизни. В самом деле, рядом с радостным смехом любые завывания выглядят нелепо.

С утра махнули с сыном в село Синодское посмотреть на новый памятник политруку Клочкову, на старинную церковь, вернее, на оставшийся от неё фундамент, закинуть спиннинг в месте впадения Карабулака в Терешку, попить чая из термоса, устроившись на корнях большого пойменного дерева, поговорить. В том числе о смысле, который должен, как утверждается, лежать в основе наших действий. Пришли к выводу, что «хочу» тоже является смыслом вполне достаточным.

В кабинете стоит запах банного веника из дубовых листьев и веточек абхазского эвкалипта. Немного и надо, чтобы душа встрепенулась, вспомнила хорошие денёчки.

Отпарил, отскрёб и смазал потрескавшиеся за садовое лето ступни – почувствовал себя жеребёнком с чистыми, звонкими копытцами.

Если стрелять в засевшего в доме врага – дом неминуемо пострадает. Чтобы его не повредить, следует не на курок нажимать, а выпроводить врага вон через порог. Но это трудно. Поэтому – удар, ещё удар. Враг убит, но и дом разрушен. И кто его будет отстраивать? Нажимающие на курки этими навыками не обладают.

Окружающая всеобщая неразбериха представляется уже распадом самого мироустройства. Впрочем, оно постоянно распадается, одновременно умудряясь вновь собраться. Ну, как-то опять соберётся. Но сейчас-то распадается, что наводит сердечную тоску и огорчает мысли. При взгляде на подрастающих внуков невольно задаёшься вопросом: как же им жить в этом набирающем злобу мире? Слава Богу, они об этом пока не задумываются, играют в свои обычные детские игры.

Заладили, что в одну реку нельзя войти дважды. Так войдите в другую. И вы увидите, что вода в ней такая же.

Вот такие дела...

РОЖДЕНИЕ МОЛЧУНА

Семья съехала из сада, и у Владимира Петровича сразу испортилось настроение. Несколько дней он жил один и вдруг поймал себя на мысли, что его перестали раздражать громкие крики, плач и смех соседских детей, бывало, достававших его во время обеденного отдыха. Напротив, ему стало их не хватать. С соседями было не так пустынно. А пустынность подваливала к вечеру, потихоньку попугивая.

«Я один и свободен!» – успокаивал он себя.

Молодые японцы уходят в модное домашнее затворничество. И считают себя не одинокими, а находящимися в уединении. Вот и он нашёл уединение, к которому давно стремился. И куда более комфортное, чем у японцев: им и уединиться-то по-настоящему негде.

Впрочем, одиночество или уединение – и то, и другое выматывало душу, в этом Владимир Петрович не мог не признаться самому себе.

К тому же при разговоре у него стал садиться голос. Раньше такое случалось, но редко, он и не задумывался на этот счёт. С утра прокашлялся – и вновь зажурчал словесный ручей. А поговорить он любил – только повод дай. Любого мог переговорить. Правда, с возрастом он стал умерять свой речевой пыл. И даже жалеть, что был так часто несдержан: «Кому нужна вся эта болтовня?»

Пробуя в беседке вино нового урожая, он заметил, что говорит здравицы вполголоса, чуть не шёпотом. Если ты за столом один, чего шуметь-то?

Но проблема была не в том, что он один, а в том, что он не мог быть один. Не было у него такого навыка. Не стоял он за станком целыми сменами, не крутил баранку днями напролёт и в высоких кабинетах не сиживал в пугающей тишине. Напротив, всегда был с людьми, в коллективе.

Много лет назад зубной врач посоветовал ему жевать всеми зубами, не жалея подлеченных, поскольку любой человеческий орган в бездействии умирает.

Неужели хрипотца появилась в голосе оттого, что он стал меньше говорить?

Владимир Петрович попробовал отвлечься просмотром телепрограмм, послушать других, если уж самому не с кем поговорить. Не помогло. Напротив, говорить захотелось ещё меньше – мир настойчиво погружался в очередную бессмысленную борьбу, угрожая отнять последнюю надежду на спокойную жизнь.

Оставалось только молчать, дожидаясь возвращения семьи, звонков.

Или самому возвращаться в городскую суету, чего ему совсем не хотелось.

ОБЫЧНЫЕ ЛЮДИ, ОБЫЧНАЯ ЖИЗНЬ

Одного знакомого сослуживца прозвали Мистером Плохо, поскольку тот всегда ждал от жизни одних только неприятностей. При случайной встрече я показал ему тыквенные семена, которые мне перед этим передал общий наш приятель. Он сразу предупредил, что тыквы своими могучими корнями обедняют почву.

В городском дворе заметил шедшего навстречу высокого рыхловатого на вид пенсионера лет семидесяти. Он нёс из магазина в целлофановом пакете недорогую колбасу. Видно, к ужину купил. Поравнявшись с ним, услышал, как он тонким голоском выводил, и очень точно, арию Герцога из оперы Верди «Риголетто»: «Сердце красавицы склонно к измене...»

Настоящий генерал, пусть и в отставке. Высокий, осанистый, с твёрдым взглядом. Взял слово на поминках. За столом все невольно подтянулись. А генерал, вертя рюмку с водкой в руке, пустился в рассуждения о бессмертии души. И очень долго рассуждал.

Мужчине поставили смертельный диагноз. Тогда он стал добиваться звонка от женщины, которой до этого безуспешно предлагал руку и сердце. Она позвонила. Он попросил её согласия в случае выздоровления. Она ничем не рискует, дни его сочтены, но так ему будет легче расставаться с этим миром. Растроганная, женщина согласилась. Но, что удивительно, мужчина чудесным образом выздоровел. Уже сам позвонил ей и то ли в шутку, то ли всерьёз сказал: «За тобой должок!»

Рано утром на затерянный среди камышей дачный пляжик вышли двое. Он – пожилой, лысоватый, но подтянутый, крепкий. Она – заметно моложе, выше его, тоже хорошо сложенная. Что-то в их слегка напряжённых взглядах говорило, что за плечами каждого

из них – своя непростая жизненная история. Но вот встретились, и им хорошо вдвоём. Они неторопливо подошли к берегу, доверчиво касаясь друг друга. Зайдя в воду, уже перед заплывом, поцеловались. Коротко, чувственно, нежно. Вначале нырнул и энергично заработал руками он. Потом к нему неспешно подплыла она. Вскоре их головы над водой затерялись в солнечных бликах раскинувшейся во все стороны волжской глади.

По больничному коридору кардиологического отделения прогуливается 91-летний дед. Коренастый, широколицый, со взглядом хитреца. Идёт быстро, слегка наклонившись вперёд. В палате говорят, что пять лет назад он в очередной раз женился. А в отделение напросился для профилактики.

Высокий, грузный, с заметным животом мужчина лет под пятьдесят. Часто говорит по мобильному телефону, отдавая кому-то распоряжения и по выходным дням. По всему, начальник какой-то. Сидит возле дачного мангала в затрапезной рубашке, со всклокоченной головой и небритый. К нему от дома по дорожке между цветов идёт жена. У неё красивое, холёное лицо, пышная, ещё стройная фигура, красная футболка, обтягивающие жёлтые шорты, сигарета в зубах, прямой, уверенный взгляд. Хозяйка!..

Всю жизнь человек отличался острой памятью, быстрым мышлением. А на старости лет погрузился в беспмятное существование. Забывает и жену, умершую всего год назад. Зависит, как в детстве, от опекающих его близких людей. В минуты просветления осознаёт своё беспомощное, безнадёжное положение и тихо плачет.

Приятная, интеллигентная пара выгуливала по дачным улицам таджикскую суку внушительных размеров и туркменского слегка перекормленного шестимесячного кобелька, уже переросшего её. Проходя мимо моего сада, пара обратила внимание на низкую обрезку яблонь. Поговорил с ними о созревающей алыче, обрезке винограда. Как и я, они не терпят беспорядка на земле и собирают в своём саду даже опавшую яблочную и прочую завязь. Интересные, знающие люди. Но мне почему-то подумалось, что они бездетны..

На старом кладбище возле районного центра уже давно не хоронят. Растущую траву каждый год исправно скашивают и убирают. Ржавеющие оградки красят. Красуется несколько надгробий из мрамора и гранита. Встречаются и заброшенные могилы с накренившимися крестами. На песчаной почве деревья и кусты растут медленно, поэтому светло и внизу, и наверху. Тихо. Недалеко от кладбища начинается улица. Когда отъезжал, встретил на ней группу хорошо одетых людей, шедших с молодым высоким священником. Женщина рядом с ним несла небольшой чёрный ящик, бережно прижимая его к себе обеими руками.

Мама то и дело вспоминает детские годы, проведённые в Ленкорани на берегу Каспия. До войны там жило много русских, занесённых в те сытые края разными судьбами. В шутку просит, чтобы её свели поговорить с кем-нибудь из азербайджанцев. Она ещё помнит их язык. Наверное, это помогло бы маме вновь почувствовать аромат своего далёкого рая, настоящего на солёных брызгах моря, жарком солнце, беззаботном смехе и бескорыстном товариществе.

На пустующем дачном участке рядом с автобусной остановкой третий год сидит на привязи здоровый беспородный пёс, очевидно, не вписавшийся в городские условия. Хозяева поставили ему просторную будку, привозят еду, воду. Вначале пёс вскакивал при каждом проходящем мимо дачнике, живо реагировал на ворон, ворующих у него из миски. Иногда лаял, выказывая свои сторожевые навыки. Но постепенно затих, равнодушным взглядом провожая и людей, и наглых воробьёв. Как он живёт здесь зимой, когда вокруг ни птиц, ни людей, один слепающий снег да ветер? Ну, жив, курилка!

На дорожке городского сквера стоит старушка с вытянутой рукой, в её ладони семечки. К ней подлетают синицы, доверчиво садятся на пальцы, запястье и склёвывают. Старушка стоит тихо, смотрит тепло и задумчиво.

**Роман
КРУГЛОВ**

ВСЁ В МИРЕ НА ЖИВУЮ НИТКУ...

Жаль, что эта весна не для нас.
Эта жадная мука цветенья
Ветки в вазе и птичьего пенья
На границе рассветного сна.

Горечь – сразу цвести и ветшать,
Петь в томительном непостоянстве.
В перевернутом болью пространстве
Мне светло и бессильно дышать.

Я пишу, точно по волосам
Тебя глажу – ты дремлешь, не зная.
Ты не слышишь, а вовсе не злая.
Спи, а я проживу это сам.

Острый писк тишины повисает ночами
(Паганини висит на последней струне),
Глохнет воздух, от кофе тревожно вдвойне,
И кругом разговоры о близкой войне.
Наступает зима... Это было начало.

Мы любили недолго. На пепле цветы
Вырастают мгновенно, непреодолимо.
Аромат их мешается с запахом дыма

-
- Роман Геннадьевич Круглов родился в 1988 году в Ленинграде. Поэт, прозаик, критик, редактор. Член секции поэзии Союза писателей России, член бюро секции критики Союза писателей России. Заведующий искусствоведческой частью альманаха «Молодой Санкт-Петербург». Преподаватель Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена и Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения. В сборниках и периодической печати публикуется с 2001 года. Автор книг стихов «История болезни», «36 кадров», «Двигатель внутреннего сгорания»; сборника литературоведческих и критических статей «Грани». Лауреат литературной премии «Молодой Петербург» (2009), премии им. Б.П. Корнилова (2013).

И насмешки (ведь это интрижка всего лишь),
И душа исковеркана до немоты:
Невозможно простить – ни за кем нет вины.
Но в потёмках постыдной этой зимы
Мне согреть бы тебя, если рук не отдёнешь.

Ночью во мне, в полутьме, в тишине
Еле заметно шевелится вера,
Так неясна, будто ответ во сне,
Воспоминанья о запахе ветра.

Вера в себя, в правду действий моих,
В чувство, поступок, движение, стих.

Как я на людях её торможу,
Марионеткой плясать заставляю,
Чтобы смеялась, как будто живая!
То я шепчу над ней, то ворожу.
То ли молитва, то ли проклятье...
Верочка, мёртвая девочка в платье
Белом, хоть грязен потёртый ажур,
Всё-таки белом.

Кипят черёмухой дворы –
Их запахом болей, гори,

Благодари судьбу за то,
Что грязь, и холодно, и дождь,

И ты живёшь. И дождь лови,
И задыхайся от любви.

Ходи-тряси тупой башкой,
Как этот голубь городской –

Асфальта сизого кусок
И от небес на волосок.

Всё в мире на живую нитку.
По-свойски ветер хлопает калиткой,
И в дом заходит стужа не стучась,
Листает книгу, остужает чай.

Слежу, как намело сугроб у двери
И забредают в дом лесные звери,
Толкуют книгу, сияются понять...
Мне не проснуться, руку не поднять.

Но сон растаял – даже это зыбко,
И не поймать за хвост живую нитку,
Но почему-то нужно (и – скорей!)
Снег вымести и сесть учить зверей.

На полустанке я смотрел на звёзды,
Смеялся, пил взахлёб холодный воздух,
По телефону получив посланье
О том, что ты соскучилась по мне.

Снег штриховал железную дорогу,
Состав стоял в дыре, забытой Богом,
Ну а меня Бог вспомнил – было счастье,
Сверкнуло в выси, в Вышнем Волочке.

Михаил
МУЛЛИН

АНДРЮШКИН ПАПА

Анатолий Дунаев, успешный экономист солидной фирмы, поймал себя на том, что мало двигается. Сидячая работа днём и чтение хороших книг вечером (телевизор он включал крайне редко) привели к тому, что бывший перво-разрядник по гимнастике в теперешние свои тридцать два года не смог стоя завязать шнурки на ботинках, не сгибая колен. Не будь Анатолий в студенческие годы спортсменом, он, скорее всего, просто не заметил бы потери формы, но, как бывший чемпион института, он неприятно поразился своему открытию.

«Снаряды, растяжки – это когда-нибудь потом, – решил Дунаев, – а вот прогулки часа по полтора в день – начну сегодня же!»

Сказано – сделано. Надев после ужина шорты с майкой и обув удобные кроссовки, Анатолий дошагал от «пентагона № 2» (так все саратовцы называли дом, в котором он жил) до набережной и вскоре (с непривычки вразвалочку, но энергично) двинулся в сторону головноюгой ротонды.

Уже через несколько минут в общем-то ещё молодой организм Анатолия вспомнил былые нагрузки, походка выровнялась, стала почти «гимнастической», упругой – такую непроизвольно демонстрируют спортсмены при подходе к снарядам: перекладине или брусьям.

«Не всё ещё потеряно!» – с удовольствием признал Дунаев и даже поймал на себе несколько заинтересованных взглядов девиц и молодых мамаш, прогуливающихся с уморительно забавными чадами.

Трудно поверить, но как раз чада гораздо больше привлекали внимание Анатолия. Особенно те, которым было

-
- Михаил Семёнович Муллин родился в 1946 году в селе Старо-Костеево Бакалинского района Башкирской АССР. Окончил Башкирский сельскохозяйственный институт. Публиковался в журналах «Наш современник», «Литературная учёба», «Волга», «Волга–XXI век», «Степные просторы», «Кукумбер», «Простокваша» и др. Автор книг «Как перевернуть землю», «Вера», «Катамаран», «Это я устроил дождь», «Кукушка с часами». Член Союза журналистов России и Союза писателей России. Живёт в Саратове.

около пяти лет – столько сейчас было бы его, Анатолия, сынишке, не попади он в автомобильную аварию...

«Некоторых, наверное, и зовут так же...» – подумал Дунаев и вздрогнул.

– Юра-а-а! – прикрикнула одна из мамаш на своего подвижного карапуза. – Не надо ловить голубей! Хорошие мальчики не гоняют птиц, а кормят их крошками.

«Да, конечно, – согласился Анатолий, – вот и Юры здесь есть. Между прочим, имя не я предложил, а жена, Нина, то ли в честь Первого космонавта Земли, то ли в честь высоко ценимого ею телеведущего Сенкевича... Царства им небесного обоим... всем четверым!»

Вид и голоса детей не расстраивали Анатолия, а радовали. Они потому и привлекали его внимание, что напоминали о Юрке, а девушки и молодые мамыши... Ни одна из них не походила на Нину, вот и были они Дунаеву безразличны.

«Ходьба полезна, – заключил Анатолий, – а слушать эту мелюзгу и вообще радость! Может, даже заговорить с кем-нибудь из этих умников? Хотя ныне с этим строго: на незнакомого дядю, заговорившего с чужим ребёнком, смотрят уже с подозрением... Дожили! Дальше уж и катиться некуда. Так вот и происходит разобщение народа и... внедряется пошлый индивидуализм...»

За четыре года, прошедших с аварии, набережная стала значительно хуже, хотя и приобретения у неё, на взгляд Дунаева, появились тоже: снесли омерзительный забор, загораживавший Волгу у моста, и на противоположном конце улицы также открылось живое пространство, за которым река казалась особенно голубой, а в одном месте появились скульптурная группа «Одноклассники» и сразу пять удобных скамеек.

Анатолий сел на одну из них верхом, то есть так, что ноги его оказались по разные стороны решётчатого настила, и откинулся спиной на подлокотник, ставший таким образом как бы спинкой лавочки. Поступил он так не столько ради удобства, сколько ради возможности видеть и простор реки, и уже упоминавшихся «Одноклассников».

«Скульптурная группа – не шедевр ваяния, – заключил Дунаев, – но всё-таки не «Памятник любви» у ротонды, изображающий два обращённых друг к другу злобных профиля одного пола, причём неизвестно какого. «Одноклассники» видом своим явно не раздражают, а площадке придают законченный, точнее, завершённый вид».

На скамейке бронзовой парты сидела девушка-старшеклассница, с замечательной осанкой и милым бронзовым лицом. А на крышке парты сидел её литой одноклассник – явно современный и неглупый. Впрочем, молодой человек в некоторых ракурсах выглядел несколько старше школьного возраста, однако незначительно... Раскрытая книга, лежавшая на парте между «одноклассниками», удачно подчёркивала серьёзность молодых людей и их устремлённость в прекрасное, как всегда, будущее. Так что даже то, что юноша сидел в неподобающей для реальной ситуации позе – на крышке парты, не выглядело как что-то развязное, вызывающее.

Анатолий с интересом рассматривал скульптуру, которую видел первый раз. «У школьников в связи с нею могут со временем возникнуть легенды, забавные приметы, – подумал он, – а вот маленьким детям она очень понравилась!»

И в самом деле: некоторые дети из колясок тянули к «Одноклассникам» ручки, а те, что передвигались самостоятельно – на своих двоих ли, на самокатах или на трёх- и двухколёсных «великах», – поворачивали к памятнику, бросали свои транспортные средства и начинали «играть со скульптурой», будучи уверенными, что это специально для них изготовленная большая игрушка – не какие-то там Барби и Кен, а почти живые тётя и дядя.

Дети трёх-четырёх лет забирались на парту, садились на колени девушке и юноше и очень любовно и старательно гладили их лица ладошками. Особенно им нравились чудная коса стройной «одноклассницы» и её локоть и плечо, которые от детских ласк и забот были уже затёрты до яркого металлического бронзового блеска.

Непоседы сновали по «Одноклассникам» как по замечательным спортивным снарядам – вверх, вниз и во все четыре стороны. Уходили – и снова возвращались, чтобы погладить «игрушечных» тётю и дядю.

Но одна девочка так полюбила бронзовую пару, что уже несколько минут не уходила от скульптурной группы. По праву первой «освоившей» «Одноклассников», все остальные дети считали её законной хозяйкой «игрушки».

Во всяком случае, именно так её, по наблюдению Анатолия, воспринимал четырёхлетний мальчуган, лихо примчавшийся на самокате. Мальчик был восхищён скульптурой. Бросив самокат, он с опаской посмотрел на «хозяйку», нежно гладившую ладошкой лицо «одноклассницы», и, не встретив с её стороны сопротивления или какого-либо протеста, не вполне уверенно поднялся на скамейку бронзовой парты. Тут он снова с сомнением посмотрел на свою активную сверстницу – и забрался на крышку парты.

Но и против этого, на его счастье, «хозяйка» протестовать не стала.

Анатолий Дунаев это наблюдал с нарастающим интересом. Ему было уже ясно, что мальчик «вынашивает» свои планы, но никак не мог сообразить, что от него ждать.

Мальчуган между тем забрался на колени бронзового юноши, и было заметно, что это ему очень нравится. А вот на бронзовую «тётю» он никакого внимания не обращал. Потом мальчуган неохотно снова перебрался на крышку парты, как вскоре выяснилось, для серьёзных переговоров с девочкой, которая начала играть со скульптурой раньше и, стало быть, с точки зрения «опоздавшего» мальчика, имела на неё большие права.

– Ты давно тут? – спросил он девочку.

– Давно! – отрезала та.

– Она – твоя? – спросил мальчик, тыча пальцем в «одноклассницу».

– Да! – убеждённо подтвердила девочка. – Это моя тётя.

– А... – Мальчик очень заволновался и робко указал на «одноклассника»: – А это твой папа?

– Нет! – решительно произнесла девочка.

Она что-то хотела добавить ещё, но обрадованный мальчик безапелляционно тут же утвердил свои права:

– Это *мой* папа! – И тут же обнял «одноклассника», стал гладить его по щекам и... забрался к нему на плечи!

«Боже мой! – резануло сознание Анатолия. – У него нет папы! Он видел, как другие дети сидят на плечах у пап, и вот захотел получить такое же счастье! Пусть и игрушечное. Но ведь игра у детей – это жизнь, воспринимается как реальное событие...»

К скамейке подошла пожилая женщина, аккуратная, с умным, интеллигентным лицом:

– Можно мне присесть на вашу лавочку? – спросила она Дунаева.

– Конечно, конечно! – заторопился Анатолий. – Садитесь, пожалуйста! – И он перекинул левую ногу через скамейку, сев «как все».

– Если вам так удобно, то продолжайте сидеть, как и прежде... – поспешила заверить его в «лояльности» женщина.

– Нет, нет, – возразил Анатолий, – я ведь сначала сел верхом для того, чтобы Волгу видеть да вот эту новую скульптурную композицию и... то, как к ней относятся дети...

– Я тоже с удовольствием смотрю, как малыши прямо любовно ласкают ладошками этих одноклассников. Для детей же это большая игрушка. И, к счастью, без пьедестала, то есть доступная ласкам!

– Это верно, – согласился Дунаев, – но, к сожалению, не всё меня сегодня тут обрадовало...

– И что же печально?

– Да вот... у этого замечательного мальчугана нет папы...

И он тихо, чтобы не услышали дети (которым, по правде сказать, было не до посторонних разговоров), рассказал, как мальчик заявил свои права на бронзового папу.

– Да, – подтвердила женщина, – а я-то всё никак не пойму, откуда у ребёнка такая нежность к бронзовому юноше? Дети без отцов – это, увы, у нас национальная проблема... Недополучают они отцовской ласки... И строгости...

– ...И вырастают закомплексованными, – подтвердил Дунаев. – У детей не складывается стереотип поведения. Они не знают, как вести себя в полной семье... Потом мальчики вырастают маменькиными сыночками, в армии становятся жертвами дедовщины или, наоборот, её жестокими сторонниками, а у девочек потом не складываются отношения с будущими мужьями...

– Вы это точно заметили, – согласилась женщина. – Только вот выход-то где же? Пап на всех не хватает! А мальчик этот очень хороший – сразу видно. Уж вот не всем, так хоть ему бы папу найти!

– А вот и мой непутёвый внук с купания от ротонды идёт! – обрадовалась она и указала на крепкого симпатичного юношу.

– Идём, бабуля! – взял её за руку внук, и они отправились домой.

«У детей игра – это реальная жизнь, – снова подумал Анатолий. – А что если... поиграть с ним?»

– Мальчик, – сказал он, подойдя к «Одноклассникам», – как тебя зовут?

– Андрюшка я, – очень заинтересованно отозвался мальчуган.
«Не хватает ему общения, – отметил про себя Дунаев, – вот ведь как охотно представился мне».

– Андрей – очень хорошее имя, – произнёс Анатолий.

Мальчик раскраснелся от удовольствия.

– Андрюшка, а хочешь, мы с тобой в игру поиграем?

– Давай! А в какую?

– Ну... – замялся Дунаев, – ну, например, в папу и сына. Хочешь, я целых полчаса буду твоим папой? – спросил Анатолий и тут же осёкся, засомневавшись: «Не опасная ли это игра? Не травмировать бы душу ребёнка...»

Мальчик посмотрел на Анатолия с недоверием: не обманет ли дядя? Но всё-таки согласился – столь велик был соблазн.

– Только ты мне подсказывай, как играть, – сказал Дунаев. – Что, по-твоему, папа должен сделать для сына?

– Покатать на плечах, – сразу догадался Андрюшка. – Серёжку вчера его папа на шею себе посадил и так носил по улице, – объяснил свой выбор мальчик.

– Ну, не на шею, – не согласился Дунаев, – а, наверное, всё-таки на плечи.

И он тут же усадил Андрюшку себе на плечи – так, чтобы тот мог держаться руками за его лоб. Анатолий легко и упруго зашагал по той аллее второго яруса, которая наиболее удалена от Волги, и с удовольствием нёс неожиданный груз, осознаваемый им как драгоценный. Он совершенно забыл, что у мальчика может быть мать, что она, увидев удаляющегося с её сыном незнакомого мужчину, может вообразить бог весть что, встревожиться и даже вызвать милицию или добежать с жалобой до милицейского пункта, что находится совсем близко, на Набережной Космонавтов. Да ведь и шёл он как раз к этому самому пункту!

– А может, нам пробежаться, Андрей? – спросил Дунаев у «седока».

И действительно побежал.

Андрюшка был в восторге. Мальчика, похоже, распирала гордость: как же, его везёт папа!

– Ур-ра! – прокричал он. – Я еду даже выше, чем вчера Серёжка на своём папе! И Серёжкин папа не бежал, а только тихо шёл.

– А полчаса закончатся завтра? – вдруг с надеждой и тревогой одновременно спросил мальчик Анатолия.

– Полчаса?.. – замялся Дунаев. – Нет... знаешь... вот посмотри на длинную стрелку моих часов. – Анатолий остановился, снял с руки часы и подал их Андрюшке. – Поверни их так, чтобы кнопка «заводилка» была справа... – И, сообразив, что «справа» для малыша ни о чём не говорит, поправился: – Сбоку... Запомни, куда длинная стрелка сейчас показывает: вверх или вниз?

– Вбок, на «заводилку»... ну, на кнопку...

– Вот! А когда она будет показывать точно наоборот – напротив «заводилки», как раз и пройдёт полчаса. Но это будет... сегодня, через тридцать минут... понимаешь?

– Полчаса скоро кончатся, – уныло догадался мальчик.

– Ну, ничего, – ответил Анатолий и легкомысленно «успокоил» ребёнка, – завтра мы с тобой ещё полчаса поиграем.

Дунаев перешёл на шаг, развернулся и отправился в сторону ротонды, к тому месту, откуда и начал «катать» Андрюшку.

– А то придёт твоя мама, – вспомнил наконец о такой возможности развития событий Дунаев, – и не обнаружит тебя у скульптуры. Она же сразу заволнуется...

– Она не заволнуется, – возразил Андрюшка, – она же в магазин пошла, а меня оставила поиграть с Аней из соседней квартиры... Она так часто делает – ведь Аня большая.

– Она, выходит, старше тебя?

– Она уже скоро во второй класс пойдёт учиться.

– Так почему же она отпустила тебя со мной? – уже удивился Анатолий и сам сильно заволновался, представив, что его могут обвинить в похищении ребёнка.

– Она не отпустила! – возразил Андрюшка. – Она с другими подружками встретилась, и они пошли за мороженым. Скоро вернутся, – успокоил тут же мальчик Дунаева и потребовал: – А ну-ка, покажи часы?

Дунаев, прежде чем предъявить часы на контроль мальчику, сам на них взглянул: прошло почти пятнадцать минут. Он поднял руку к глазам своего «седока».

К его удивлению, малыш сумел понять, что стрелка прошла почти половину отмеренного ей пути.

– Прошла половина полчаса? – уточнил, заметно загрузив, Андрюшка.

– Верно, – подтвердил Анатолий.

– Тогда, – сказал мальчик, – давай пойдём рядом, и ты будешь держать меня за руку. А я буду держать тебя. Как... Серёжка папу.

– Идёт! – согласился Анатолий.

Он снял мальчика с плеч, поставил на асфальт и протянул Андрюшке руку с раскрытой ладонью. Мальчик вложил свою ладошку в ладонь «папы на полчаса» и крепко сжал своими пальчиками указательный палец Дунаева. Они шагали как двое мужчин, как два верных друга, которые вместе готовы в разведку ходить. Впрочем, Андрюшка, конечно же, ничего ещё не знал о разведке.

– А моя мама – детский врач и работает в больнице! – похвалился мальчик. – Только она сейчас в отпуске.

– Ну, тебе повезло с мамой! – искренне ответил Анатолий.

Справа, с самого верхнего яруса набережной, от жилых домов к тенистой аллее, по которой шли Анатолий и Андрюшка, по одной из лестниц спускалась молодая женщина в длинной, до щиколоток, юбке из лёгкой жёлтой с крупными зелёными цветами ткани и светлой кремовой кофточке, украшенной по вороту и на груди вышивкой, изображавшей что-то вроде васильков. Её Дунаев, в отличие от всех других женщин и девиц, почему-то сразу уловил боковым зрением, несмотря на то, что по сторонам не глядел. Позднее он понял, что в женщине привлекло его рассеянное внимание: конечно же, поход-

ка. По лестнице незнакомка спускалась на редкость грациозно: легко, быстро, как бы не касаясь ногами ступеней. Корпус её оставался прямым, казалось, женщина неспешно летит.

«Профессиональная танцовщица или... бывшая художественная гимнастка, а теперь тренер», – заключил Анатолий.

Даже сумка через плечо (не дамская, а хозяйственная, хоть и небольшая) смотрелась на стройной незнакомке словно украшение. В её лице Дунаев уловил странное сочетание философского спокойствия и нервозности или обречённости.

«Гордая, – мысленно охарактеризовал женщину Дунаев, – такие, несмотря на красоту, часто бывают одинокими».

Они почти столкнулись, потому что женщина спустилась с лестницы как раз в то время, когда Анатолий и мальчик подошли к ней. А едва не столкнулись потому, что женщина легкомысленно смотрела не под ноги, а вправо, на то место, где располагалась скульптурная группа «Одноклассники». Андрюшка, гордо шедший слева от Анатолия, не видел её. Но тут он слегка опередил Дунаева и обрадованно крикнул:

– Мама! Я же не там, а здесь. Я с *папой* гуляю!

Он отпустил руку Дунаева, обнял ноги «гордой» женщины, спустившейся по лестнице как с облаков, а затем указал на Анатолия.

Женщина вздрогнула, строго и удивлённо посмотрела пронзительными синими глазами на Дунаева и только потом испугалась.

– Где вы его нашли? – спросила она у Анатолия.

– Я не нашёл, да он и не терялся, – неуверенно заговорил Анатолий. – Он сам меня нашёл у «Одноклассников»...

– Тогда почему вы вводили его?!

– Он не вводил! – возразил Андрюшка. – Он был моим папой полчаса. И я сам катался на нём, как Серёжка на своём папе. Только *мой* папа, – мальчик приобнял одной рукой Анатолия, – выше Серёжкиного, и мы гуляли бегом...

Женщина от этого объяснения успокоилась не вполне и, подняв мальчика на руки, строго спросила уже его:

– С чего ты взял, что это – твой папа? Он вовсе не твой папа.

– Покажи часы! – потребовал вдруг малыш у Дунаева.

Тот поднёс к лицу мальчика запястье с часами.

– Ещё папа! – твёрдо возразил маме Андрюшка. – Длинная стрелка ещё не напротив «заводилки»! А завтра он снова будет моим папой! Мы договорились.

– Что это значит? – так же строго обратилась женщина к Дунаеву.

– Ну... мы так играли... – пытался выпутаться из сложного положения Дунаев. – Мы договорились, что он как бы мой сын, а я... его отец. Я... действительно не подумал о последствиях... – мямлил Анатолий. – Извините, если что-то вышло не так.

Красивые синие глаза Андрюшкиной мамы стали злыми и надменными:

– Полагаю, что не сын мой догадался до такой глупости... безответственности?

– Ну да... – выдавил из себя Дунаев. – Он объявил, что его папа – бронзовый юноша из скульптуры... И я решил обрадовать ребёнка – стать на время его *живым* отцом...

– Прекрасно! – съязвила женщина, испепелив Дунаева взглядом с макушки до стоп. – А каково ему, – она кивнула на сына, – теперь *без папы* остаться? Вы об этом подумали?

– Нет, – развёл руками обескураженный доводами Дунаев.

– А надо было бы подумать, прежде чем такие *игры* начинать!

И уже явно со злым умыслом морально уничтожить Анатолия, забыв, однако, что может причинить боль и сыну, обратилась к Андрюшке:

– Ты хочешь сейчас распрощаться с... *этим* папой?

– Не хочу, – заявил мальчик.

– Ну вот – видите?! – Победоносно взглянула женщина на Дунаева. – Если вы такой альтруист, может быть, и не станем расставаться? Почему бы такому доброму *папе* не пойти и не прочитать *сыну* сказку на ночь?

Тон реплики был нескрываяемо издевательским, но вопрос был сформулирован так, что Анатолий не нашёлся, что тут и ответить, а потому, приняв вызов и сам этот тон, неожиданно для себя да и для синеглазой Андрюшкиной мамы согласился.

– Да я и не уклоняюсь! И сказку, пожалуй, прочту. Идёмте, раз уж вопрос ставится так.

Ответ его для женщины прозвучал как вызов и тоже с раздражённой иронией.

– Ах, вот даже как! – удивилась Андрюшкина мама. – Идёмте! Возьмите только наш самокат. И, кстати, может быть, вы снова «прокатите» ребёнка на плечах? – иронический смешок прыснул с её губ.

– Охотно! – опять согласился Дунаев.

Андрюшка с удовольствием пересел к нему на плечи – и так, втроём, они начали подъём по лестнице.

«Ах, если бы не твоя заносчивость, – подумал Анатолий, глядя на идущую рядом с ним женщину, – цены бы тебе не было! А впрочем, это же ещё и маска... Способ самозащиты. Немало, выходит, самолюбие твоё уязвлено было! Многих таких «самозащита» сгубила!»

– Стоп! – сказала Андрюшкина мама. – Надо же... – Она набрала номер на мобильнике. – Аня? Это тётя Ирина говорит. Слышишь меня? Вы зачем же Андрюшку без присмотра оставили? На пять минут? А его нигде нет? Ну да ладно, теперь-то хоть не ищи – мы с ним уже домой идём...

– Значит, вас Ириной зовут? – произнёс Дунаев, высоко оценив то, что она успокоила девочку Аню. – А меня Анатолий. Анатолий Дунаев.

– Ну, знакомиться вообще-то необязательно.

– Я не в том смысле... Однако надо же как-то называть...

– Ирина Локтева, – неловко, без удовольствия и сухо-официально ответила женщина и тут же обратилась к Андрюшке: – У меня к тебе, сын, большая просьба: когда во двор дома войдём и в подъезде... ты, пожалуйста, не хвались никому, что на *папе* едешь? Хорошо?

– Хорошо, – разочарованно ответил мальчик. – И Серёжке, если встретится?..

– И Серёжке...

– Потому что хвастаться нескромно?

– Да, я тебе это постоянно говорю. И вообще, пусть это будет нашей тайной – твоей, моей и *папиной*.

– Хорошо! – обрадовался Андрюшка. – Это будет нашей *семейной* тайной!

Дом на набережной оказался, что называется, в двух шагах. С лавочек во дворе старушки с любопытством и удивлением рассматривали Дунаева, а он почему-то несколько не смущался от такого внимания.

Поднялись на третий этаж. Смущённо и нервно, а потому и неловко – с третьей попытки – Ирина вставила ключ в скважину дверного замка.

«Всё-таки нервничает, отчаянная голова! – с удовольствием подумал Анатолий. – А хорохорится-то как! Если бы попала в скважину с первой попытки, можно бы заключить, что владеет собой, железная леди! Интересно, долго ли рисоваться сумеет?»

– Прошу вас, *папенька*, в дом! – широко жестом, насмешливо пригласила между тем Ирина.

Дунаев отметил, что квартира Локтевых почти такая же, как у него, зато гораздо ухоженней и, что было даже обидно, чище.

«Не белоручка госпожа Локтева, – заключил Дунаев и с удовольствием прочитал на корешках книг, стоящих на полках: «А. С. Пушкин», «Ф. М. Достоевский», «Андрей Платонов», «Валентин Распутин», «Василий Белов», «Павел Васильев»... Ещё и не дура... Однако!»

Однако долго пялиться на чужие книги, находясь у незнакомой женщины, всё-таки неприлично. Поэтому он тут же переключился на «арсенал» Андрюшки: игрушечные танки, автомобильчики, самолёты, а также пистолеты и сабли.

– Да ты хорошо вооружён, Андрей! – одобрил *папа*. – При случае вполне можешь объявить войну французам – а чего они казнили свою Марию Антуанетту?!

– Нет! – не согласился Андрюшка. – Я против них воевать не буду...

– А против кого же?

– Против тех, кто на нас нападёт.

Они начали игру в войну с использованием имеющегося Андрюшкиного арсенала, голосами воспроизводя частые выстрелы, вой и разрывы снарядов, и Дунаев незаметно для себя увлёкся игрой, как будто и ему было года четыре или уж не больше десяти. А Андрюшка и вообще был счастлив. Но тут вошла Ирина и сказала:

– Война прекращается по случаю перерыва на чаепитие!

Андрюшка всем существом своим выразил было несогласие, но его мама добавила:

– С пирожными из магазина.

И это сразу сбило с мальчика «милитаристский дух», сделало мирным домоседом. Он даже добровольно, без напоминаний пошёл мыть руки. А вот Анатолию хозяйка дома вымыть руки настойчиво предложила, так как он решил, что ему пора уходить.

– Нет, вы уж, пожалуйста, останьтесь, раз пообещали Андрею сказку прочитать!

Кроме обрадовавших Андрюшку пирожных к чаю были поданы свежеприготовленные блинчики с сыром, надо признать, очень вкусные.

«Давненько я таких не ел», – подумал Дунаев и сообразил, что это следует сказать вслух, что тут же и сделал.

Андрюшка, однако, блинчиков категорически не хотел, и Анатолий предложил ему:

– Давай поменяемся: ты мне – блинчики, а я тебе – пирожное. Если, конечно, нам мама позволит.

Мальчик посмотрел на Ирину умоляюще – и она одобрила «делку» мужчин, чем очень обрадовала обоих.

Однако на этом демократия закончилась – после ужина Андрюшке было предписано спать. И Анатолий действительно прочитал ему сказку, выбрав из книжки историю про Мальчиша-Кибальчиша и Военную тайну.

Мальчик заснул. Выйдя в зал, Дунаев увидел в кресле кисло улыбающуюся Ирину.

– Ну, как вам? Вживаетесь в роль папы? – саркастически и очень тихо поинтересовалась она и, не дав ответить, менторски продолжила: – Наверное, графа Экзюпери читали?

– О том, что мы в ответе за тех, кого приручили? – догадался Дунаев относительно хода её мыслей.

– Вот именно!

Она намеренно продолжала сидеть, не предлагая гостю сесть.

– Или вам всё равно, поиграл с человечком – и бросил, как игрушку? А ведь он же потом до-о-олго, может быть, переживать будет: пообещали мечту заветную осуществить – да забыли...

– Пардон, – неуверенно возмущился Анатолий, так и не решившись сесть ни на диван, ни на стоявший рядом стул, – игра для детей всегда происходит с вживанием в роль. А выйдя из роли, они не считают, что... что-то потеряли. Просто для них начинается другая игра, то есть другая столь же настоящая жизнь!

– Уже и теорию подготовили! – хохотнула женщина. – А кстати, чего вы стоите? – как бы спохватилась она, хотя Дунаев ясно видел, что Ирина всё это время поступала совершенно сознательно, испытывая гостя. – И вообще... Где же ваша попытка... завладеть вниманием одинокой красивой женщины, обременённой ребёнком и лишённой мужской ласки? Или последнего не заметно?

– Ещё как заметно! – ответил Дунаев, подвинул стул и сел точно напротив Ирины.

Колени их почти соприкасались. Он решил в отместку сбить с неё подтрунивающую лихость и смутить женщину рассматриванием в упор.

Большие синие глаза Ирины в контрасте с провоцирующей речью были не злыми, а уже любопытными и... затравленными. Дунаеву

стало жаль её, и он не хотел, чтобы она это поняла – ведь обидно же будет, опять начнёт хорохориться, глупости говорить!

Взгляд его с глаз скользнул по красивому носу с тонкими нервными ноздрями. По губам со смытой перед чаепитием (демонстративно?) помадой, отчего они стали походить на свежие лепестки цветка; по подбородку с ямочкой, шее («лебединая» – оценил Анатолий) и упёрся в грудь, точнее, в груди, упруго приподнявшие кофточку, – и снова смутился: «Да у неё, куда ни погляди, везде на что-нибудь наткнёшься! Вот, – подумает она, – опять пялится! Однако не отводить же от неё глаз! Это уж вообще малодушие какое-то...»

Он резко, как застигнутый за подглядыванием, поднял глаза и упёрся взглядом в её синь, в которой явно добавилось интереса (непонятно только, какого) к нему, а иронии или страха уже не было и следа.

И Анатолий решил отплатить за её издевательство той же монетой:

– А штой-то вы, такая красивая, в одиночку сына воспитываете?

– Для комплимента довольно грубо, – ушла в защиту нападением Ирина, – а принять за сочувствие... тон не позволяет...

– Да какой комплимент?! – отказался Дунаев. – Просто правду сказал. А в сочувствии вы явно не нуждаетесь. Да и с чего бы мне так растаять?.. Просто любопытство меня разрывает: ведь для того, чтобы с такой, как вы, расстаться, основания должны быть веские. – Он вдруг легко рассмеялся своему предположению и уже шутливо высказал его: – Наверное, у вас характер плохой? А мужики нынче пошли ранимые – вот ваш и сбежал! И сын страдает, прежде всего, по вашей вине. Хотя, что это я? – спохватился Анатолий. – Извините за прямоту, но ваш бывший – тоже... хорош гусь! Раз Андрюшка его даже и не видел, бронзового «одноклассника» своим отцом объявил...

Анатолий ждал гнева Ирины и уже совершенно не хотел его. Однако женщина в кресле оставалась спокойной. Точнее, стала вдруг (Дунаев видел это) неожиданно спокойной.

– Вовсе и не сбежал. Я вообще замужем не была... И в ваших глазах я теперь, должно быть, совершенно пала?

Признание удивило Анатолия.

– Падения я ещё никакого не вижу, – возразил он скорее из вежливости – так неуверенно это прозвучало.

– Ну как же, «в подоле принесла» всё-таки. Впрочем, я вас вижу в первый и последний раз, как случайного соседа по купе в поезде, поэтому могу и рассказать, тем более что вам, как сообщить изволили, *любопытно*. Удовлетворю ваш законный для попутчика по купе интерес: я очень любила этого... отца Андрюшки. Поэтому не было мне тогда никакого дела до штампа в паспорте. А теперь оказалось, что это и к лучшему. Обидней было бы стать женой низкого человека. А так... самым страшным в этой истории было как раз именно разочарование в том, кого считала идеалом. Знаете, у своих родителей я «раскопала» пластинку виниловую... На ней Гелена Великанова поёт: «Не страшно, если вдруг тебя разлюбят. Куда страшней, когда разлюбишь ты». Она права!

– Я это очень понимаю! – живо согласился Дунаев и снова как бы нырнул с головой в синеву Ирининых глаз.

Ему чуть ли не до спазма в горле стало жаль разоткровенничавшуюся женщину – и он как-то будто понял её. «Эта бравада и это внезапное признание доказывают, что мир в её душе так и не наступил. Она – это же... просто загнанный зверёк, – подумал Анатолий. – А успокоения-то и быть не может, пока не отболит или пока не обретёт... новую любовь», – сообразил он. И ему захотелось приласкать Ирину, обнять, как расстроенного ребёнка, погладить по голове, по этим красивым волнам причёски, но, увидев, как снова напряглись глаза женщины и металлическая жёсткость проявилась в лице, Дунаев вынужден был вернуться к несерьёзно-насмешливому тону, как ему показалось, единственно возможному в сложившейся ситуации.

– Ну а меня-то, совершенно незнакомого, почему не побоялись в дом пригласить?

– Господи! Да что вас бояться-то! – довольно непосредственно всплеснула руками Ирина.

– Помилуйте! – делано возмутился Анатолий. – Это уж прямо обидно. По-вашему, я, что, совсем уж не мужчина?

– После того, как выяснилось, что вы не похитили ребёнка, страх у меня совершенно исчез, – пояснила свою мысль Ирина. – А потом... взрослый человек, способный на равных с ребёнком увлечься игрой, опасным быть не может. Нет, вы уж определённо обиды – настоящей – нанести мне не можете. На домушника тоже не походите, да у меня и красть-то нечего. И вообще – высшее образование и порядочность у вас на лбу написаны.

– Спасибо.

– Ну, вот, – недовольно и слегка капризно произнесла Ирина, – женщина перед вами раскрылась, а вы о себе ничего так и не сказали... На неудачника не похожи, а всё-таки...

– Четыре года назад моя жена и ребёнок попали в автомобильную катастрофу – и погибли, а я с ними, к сожалению, не был, – начал Анатолий, но резко прервал себя и перешёл на прежний тон. – А что ещё написано на моём лбу? Раз уж читать взялись...

– Написано, что вы ко мне за время нашей беседы стали относиться гораздо лучше...

– Это верно, – подтвердил Анатолий.

– И, пожалуй, даже теплее... А посему нам надо немедленно расстаться!

– Видимо, из опасения, что и вы станете относиться ко мне теплее? – опять начал ёрничать Дунаев.

– Видимо?

– Ага, я ведь тоже кое-что прочитал у вас на лбу.

Они одновременно встали – и сразу оказались совсем рядом, лицом к лицу. И от этой неожиданной близости Дунаев ощутил в груди и в голове сладкую тёплую волну. И это не было неприятно. «Влюбляюсь, что ли?! – усмехнулся он над собой. – Впрочем, надо уносить ноги, раз уж прямым текстом прогоняет».

– Приятных сновидений! – сказал он и, церемонно поклонившись, вышел из квартиры.

– А вам ещё непременно повезёт! – услышал он вдогонку. – И это опять-таки... у вас на лбу написано.

Странно, но от этого нелепого утверждения у Дунаева вдруг стало хорошо на душе.

После аварии, отнявшей жену и сына, у Дунаева надолго расстроился сон. Друг-психиатр даже выписывал ему рецепт на транквилизатор. Однако «химия» сна не давала, а просто «вырубала» сознание на ночь. К счастью, молодой организм как-то справился с бедой. И вот сейчас, спустя четыре года, Анатолий снова не смог заснуть в своей постели. Правда, бессонница не была мучительной. Не была даже и неприятной... Он вспоминал то игры с Андрюшкой, то... беседу с Ириной. «Не беседа, а единоборство какое-то! «Война полов», как в испанских танцах. Танцы сидя! Такого никогда бы не придумал сам. А вот же случилось».

Потом Дунаев всё-таки заснул. И ему снилось море, синее и ласковое. Он плыл и качался на заботливых волнах, одновременно пребывая в неге. А белоснежные барашки на гребнях приятно щекотали ноздри. Неожиданно почувствовав в море твёрдое дно, Дунаев встал на ноги и, всмотревшись в синеву, вдруг понял, что перед ним и не море вовсе, а синие глаза Ирины. Дальше и вообще пошёл какой-то вздор. Анатолий понял: то, что он принимал за волны, на самом деле были волосы той же... Андрюшкиной мамы. И не барашки совсем на волнах, а просто стоит рядом белокурый мальчик Андрюшка и говорит: «Покатай меня на спине...»

Дунаев проснулся и расхохотался от нелогичности сна, всех этих нелепых превращений. «Хорошо ещё, сам дельфином, например, не стал, – улыбнулся Анатолий, – чтобы уж сподручней мальчика на спине катать! И вообще... Я, что, в неё втюрился, что ли?»

Не успев в этом разобраться, он снова заснул. И на этот раз ему приснилась большая поляна, усыпанная золотыми одуванчиками и перламутровыми ромашками. Он увлечённо играет на ней в футбол с мальчиком. Они по очереди встают в «ворота» меж двух кустиков и по очереди же забивают друг другу мячи. И даже непонятно: Андрюшка это бьёт по мячу или его, Анатолия, подросток сын Юрка... А над поляной – внимательное синее небо.

– Это не небо, а просто на нас мама смотрит, – пояснил Анатолию Андрюшка, совершенно неотличимый от Юрки.

Проснувшись, Анатолий решил: «Вечером пойду на набережную. К Андрюшке. И... к Ирине!»

Только вот... она-то, наверное, не видела похожих на мой снов. Да и обида на... (как зовут «низкого человека», не сказала, да и не надо) не располагает её к... Как это я вчера определил: «затравленный зверёк»? Неверно. Она – раненый ангел!»

Удивившись такому сравнению, при серьёзном анализе объективно говорившему о том, что мыслит он не объективно, а, напротив, весьма романтически, Дунаев укрепился в своём намерении. А посему после работы и ужина, надев шорты с майкой и обув удобные кроссовки, он направился к «Одноклассникам». У «пентагона» он остановился,

осознав, что дело, с которым он идёт, требует другой одежды: костюма-тройки и галстука. Поколебался, вернулся домой и переоделся соответственно случаю. Даже платок под цвет галстука в нагрудный карман пиджака всунул. Конечно, так, чтобы уголок чуть-чуть торчал. В магазине по пути он купил коробку конфет, а также игрушечный автомат и положил их в красивый пакет.

«А уж как там Ирина прореагирует, так пусть и прореагирует! – решил он. – Всё-таки с Андреем пообщаться она мне не запретит! Хотя с чего я взял, что *они* вообще придут к скульптуре?!»

Но они пришли. Мальчика на аллее он узнал сразу издалека. А относительно Ирины сначала были сомнения: Андрюшку за руку вела стройная женщина с прекрасной «летающей» походкой, одетая в тщательно подогнанное по фигуре праздничное лазоревое платье. И туфельки на ней были отменные – такие по торжественным случаям обувают. И это всё-таки была Ирина. Увидев и узнав Дунаева, они с сыном неуверенно остановились. Мальчик выглядел обрадованным и одновременно растерянным, смущённым.

– Здравствуйте! – решительно, как давнишним знакомым, сказал Анатолий.

Он пожал руку Андрюшке.

– Прекрасно выглядишь! – неожиданно «на ты» обратился он к Ирине. – И одета изысканно...

– Мне отчего-то показалось, что сегодня праздник, – объяснила она и, как бы проведя взглядом по костюму Дунаева, спросила: – И вы... ты тоже так считаешь?

– Точно, – согласился Дунаев и обратился к Андрюшке: – А ты хочешь сегодня со мной поиграть?

– В папу и сына?

– Да.

– Хочу. А долго мы будем играть? Полчаса?

– Нет! – уверенно возразил Дунаев.

Он хотел сказать: «Всю жизнь», но, не зная мнения Ирины на этот счёт, на всякий случай, произнёс:

– Очень долго.

На лице Ирины он не увидел выражения протеста.

– А мама сегодня праздничный ужин приготовила! – сообщил мальчик. – Она сказала, что гулять сегодня будем недолго, чтобы ничего не испортилось...

– Вот как! – Анатолий не знал, как к этому относиться, что это значит и вообще имеет ли он, Анатолий, какое-нибудь отношение к этому ужину.

– Андрей сегодня с утра раз сто спрашивал, придёшь ли ты к нему, – сообщила Ирина.

– И что ты ему отвечала?

– Я решила, что ты человек обязательный, раз пообещал, значит, обязательно придёшь...

– Я не мог не прийти. Да и не хотел... не приходиться...

– Значит, я угадала. И, значит, идёмте-ка... домой, пока ужин не остыл...

– Я захватил вам подарки, – опомнился Анатолий, вынул из пакета конфеты и автомат. – Впрочем, пусть тогда они останутся в пакете, до дома я их сам донесу.

– Нет, – возразил Андрюшка, – автомат понесу я!

– А конфеты – я! – неожиданно решительно сказала Ирина и взяла коробку вместе с пакетом.

– Ну, – предложил Дунаев мальчику, – поедешь на мне?

Андрюшка внимательно осмотрел его костюм и практично, «по-взрослому» отказался:

– Я не маленький – сам дойду.

По двору они шли, взявшись за руки так, что Андрюшка был посередине. Подаренный автомат для этого он гордо повесил на плечо. Ирина в свободной руке несла пакет с чуть выступавшей наружу коробкой конфет – так, чтобы *все* видели!

После весёлого *семейного* ужина Анатолий прочитал мальчику очень понравившуюся ребёнку сказку «Ковёр-самолёт Кости Белова».

Когда малыш уснул, Дунаев вышел в зал, где его ждала Ирина. Она уже убрала и вымыла на кухне посуду. Теперь она была одета попроще, но (что обрадовало Анатолия) не в домашний халат. На столике стояли кофейник, две чашки и лежала принесённая Дунаевым коробка с оставшейся ещё половиной конфет.

Ирина, как видел Анатолий, была всё-таки несколько напряжённой, но вчерашней затравленности и защитной насмешливости в ней уже не ощущалось. «Интересно, – подумал, откровенно любуясь ею, Анатолий, – видела ли она прошлой ночью хоть что-нибудь похожее на мой сон? Или просто решила отблагодарить меня за «приличное поведение» и за то, что с сыном пообщался? Сомнительно, чтобы она так уж обо мне мечтала, но если хоть чуть-чуть оттаяла, то я...»

– Что ты видела во сне? – спросил Дунаев.

– Ничего, – ответила Ирина, – я не спала вообще, но не устала... – И повторила произнесённое ещё на набережной: – Андрюшка с утра сто раз спрашивал: будешь ли ты и сегодня его папой. Волновался... И я успокоила его – заверила, что сегодня будешь.

– Правильно сказала! – одобрил Анатолий. – Да он наверняка и сам догадывался – мальчик развит не по годам. Речь у него как у первоклассника... С чего бы это?

– Результат развивающих игр! И... я не жалею времени на разговоры с ним...

Они стояли рядом, так близко друг от друга, что Дунаев ощущал волнующий запах духов женщины. Он видел лицо Ирины, чувствовал лёгкое тёплое головокружение. Такого с ним не случалось давно.

– А ещё, – продолжила Ирина, – Андрюшка задал странный, детский вопрос...

– Какой?

– Он спросил: а если *он* (то есть ты) захочет стать его папой совсем, то... соглашусь ли я на это...

– И что ты ему ответила?!

– Я ответила, что согласна...

**Галина
ТАЛАНОВА**

ЗАМЕРЗАЮТ СЛОВА НА ВЕТРУ...

Безвольный март.
И снова снег чернеет.
И подступает лёгкая печаль,
Что солнца нет,
И ничего не греет,
И все родные улетели вдаль,
И смотрят издалёка сокровенно,
Как я в ручье корабликом плыву, –
Он замерзает к ночи постепенно.
Лишь кажется,
Что в полный рост живу.
А я вмерзаю в лёд с сугробом рядом.
Чем ближе к ночи,
Тем белее снег.
Прохожие окидывают взглядом
И продолжают, запыхавшись, бег.

-
- Галина Таланова (Галина Борисовна Бочкова) – биофизик, кандидат технических наук, автор семи книг стихов и двух романов. Стихи и проза публиковались в журналах «Нева», «Юность», «Роман-журнал XXI век», «Север», «Аргатак», «Волга–XXI век», «Вертикаль. XXI век», «Природа и человек», «Литературная Немига», «Работница», «Сура», «Берега», «Золотое руно», «Подъём», «Истоки»; альманахах и коллективных сборниках: «Невский альманах», «Гостиный двор», «Российский колокол», «Новый Енисейский литератор», «Литературная республика», «Земляки», «Лучшие поэты и писатели России» и других. Произведения были переведены на английский, шведский, итальянский, японский, болгарский и венгерский языки. Член Союза писателей России. Лауреат премий «Болдинская осень» (2012) и журнала «Север» в номинации «Проза» (2012), лонг-листер премии им. А.И. Бунина («Проза» (2011, 2015); «Поэзия» (2012)), VI Международного славянского форума, дипломант Международного конкурса им. О. Бешенковской (Германия, 2015) и конкурса «Лучшие поэты и писатели России» (2013) в номинации «Поэзия».

Опять гремит с утра –
И душная истома.
Не верится в прогноз,
Что кончится тепло.
Хоть вдалеке ещё
Звучат раскаты грома,
Уже звенит протяжно
Всё в трещинах стекло.
Уже за Волгой дождь –
Им берег тот завешан,
Как будто горизонт
Над морем потемнел.
Живёшь среди травы.
Ход дней здесь
Так неспешен.
Как лук-батун, растёшь,
Не выпуская стрел.
Что цели?
Тлен и дым.
Уйдёшь, как все уходят,
Как падает листва
И засыхает ствол.
Пушинка на ветру.
Круговорот в природе.
Сравнявшийся с землёй
От вод весенних холм.

Лунный диск на воде,
Над водой – будто пар.
Так подвижны луны очертанья!
И, как зуммер, пищит неотвязный комар.
Крик совиный в ночи – как рыданья.
Но протянешь ладонь –
И весь свет облетит,
Опадёт, словно цвет у жасмина.
Лунный свет чешуёй на воде заблестит,
И никак не собрать воедино.
Я хотела б забыть
И не помнить о том,
Как любила я лунные ночи,
Где стоял за спиной
Освещённый наш дом.
Только жизнь оказалась короче...
Брошу камень –
И призрачный диск пропадёт.
И закружатся в танце осколки.
Соловей как безумный в чащобе поёт.
И впиваются в сердце иголки.

Словно ключ в глубине,
Обожжёт меня память.
Как ракушка на дне,
Острым краем изранит.
Мне бы дно не искать –
Растворяться в течение.
Всё равно не поймать
В сильной ряби свеченье:
Словно стайка мальков
Чешуёй заблестела,
Но – меж пальцев улов.
Так и жизнь пролетела.

Мята приникла к моей голове.
Тёплый песок протекает в ладонях.
Вот подошли мы к последней главе
Лета: за кромку ныряет и тонет,
Будто бы солнце в студёной реке.
Вот так и жизнь западает за тучу.
Линии жизни на влажной руке,
Будто бы прутики ивы плакучей,
Тянутся робко к ладони за край
И обрываются где-то у края.
Помнится в розовом свете тот май,
Что поманил предвкушением рая.
Помнится тяжесть созревших плодов,
Что обломили печальную ветку.
Сколько ещё там осталось годов,
Что на ветру пока держатся крепко?

И я когда-нибудь уйду
Туда, откуда нет возврата.
Из жизни вашей пропаду
И стану лёгкая, как вата.
Я буду там среди теней
Бесплотных,
Словно ветер в поле,
Смотреть на город их огней
Спокойно, без тоски и боли.
Огни, как свечки, там горят.
Мерцает равнодушно пламя
Какую ночь и год подряд.
И не поймать тепло руками.

*Светлой памяти моей мамы,
поэтессы Эльвиры Бочковой*

Шум машин за окном бесконечный,
Будто падает с гор водопад.
Запах в комнате мятно-аптечный.
Вот и первый в году снегопад.
Посветлело на улице мгlistой.
Лепит снег, ударяясь в окно.
Мамин голос всплывает вновь чистый,
И звенит от трамвая стекло.
Плачет музыка всласть где-то в доме.
Тих шарманки старинный мотив.
Пчёлы стынут меж рам в сладкой коме.
Хоть трамвая звоночек визглив –
Не разбудит.
Уже не очнутся.
Своё жало и жизнь сохранят.
Скоро-скоро морозы начнутся.
Сколько в дозе: лекарство иль яд?
Сколько яда в предзимней печали?
Или выведет в свет голубой?
Помню: ёлки ветвями качали
В Рождество, где вела за собой...
Через сказку, где всё голубое,
Где волшебный зажётся фонарь...
Он всё светит поэтам-изгоям,
Растворяя осеннюю хмарь.

И ноги ватные от бега,
И путь растянется в кольцо.
Декабрь плеснул пригоршню снега
В разгорячённое лицо.
Но всё вернулось:
Город пыльный,
Что снега ждёт,
А не тепла,
Чтоб выпал мягкий и обильный
И посветлела б ночью мгла.
Стучит дверями как зубами,
Дрожит ветвями на ветру,
Подъездов серыми губами
Вздыхает грустно поутру.
И я опять брожу по краю,
Стою на краешке зимы.
За руки тёплые хватаю
Любимых, что пришли из тьмы.
Ловлю,

Но тени отступают
И жалко жмутся по углам,
Как первый снег, в паренье тают,
Не приникая лбом к рукам.

Вот и ёлка, как в детстве, стоит.
И в шарах отражаюсь забавно,
И гирлянда диодов горит,
И снежинки качаются плавно.
И блестит серебристый налёт
На сосульках,
На звёздочках – иней.
Лишь подарок под ёлкой не ждёт,
На который смотрела разиней,
Будто верила в эту игру,
Где гостинцы – от Деда Мороза!
Не в предчувствии чуда замру –
Снова сердце кольнула заноза:
Сколько хвоей осыпалось дней?
С лысой ветки упала игрушка –
И разбилась на бисер огней,
Как из рук коченеющих кружка.

Замерзают слова на ветру,
Превращаются в звонкие льдинки.
Дни летят, как монетки, в дыру,
Как в часах вниз стекают песчинки.
Истекут –
Значит, время пришло
Уходить вдаль по свежему снегу,
Что скрипит, как под губкой стекло,
Или прыгнуть с обрыва с разбега
И лететь, не раскрыв парашют,
Обмирая от чувства полёта.
...Как бельё, крутит время нас в жгут,
Но всё манят, как птицу, высоты..
И простынки как птицы парят
На верёвке на старом балконе,
Об расцветшие стёкла звенят –
И печаль душ родных в этом звоне.

Валерий
КАЗАКОВ

СТАРУШКИ-ПОДРУЖКИ

В одном большом доме на улице Карла Либкнехта жили две старушки. Эти старушки были старые-старые, но молодились, а по вечерам выходили погулять на свежем воздухе. Кисейные платья надевали на себя, белые перчатки с длинными рукавами, широкополые шляпы с мантоньерками из шёлковых лент и всякие другие модные одежды, скрывающие морщинки и дряблую кожу. У них были большие носы, едва заметные выцветшие брови и глаза хитрые-хитрые. Правда, под глазами у них порой появлялись тёмные круги, на висках седина висела кудельками, но старушки в шляпах старались этого не замечать. Бодрыми и полными энергии были эти старушки.

Своих мужей они давно похоронили. Без мужей им как-то сразу стало спокойнее жить на свете. Взрослые дети их не беспокоили, поэтому старушки всю наслаждались жизнью. Когда никто их не видел, они даже на ходу подпрыгивали иногда этак шаловливо. Подпрыгнут на одной ноге и смеются. Подпрыгнут на другой и снова смеются. Вот какие они могутные ещё, вот сколько энергии сохранилось в них!

В общем, такая компания была у них, что они обе всегда вместе. И никаких споров у них между собой не было, пока они не обращались к поэзии. Потому что одна любила Ахматову, а другая Цветаеву обожала.

– Ахматова – гений, – говорила одна старушка в шляпе и делала нижнюю губу коромыслом, как бы утверждая сказанное всем своим видом, а особенно губой. – У неё каждое стихотворение – шедевр.

– А для меня Цветаева лучше всех, – перебивала её другая.

-
- Валерий Николаевич Казаков родился в 1955 году в селе Русский Турек Уржумского района Кировской области. Публиковался в журналах «Наш современник», «Русская провинция», «Нижний Новгород», «Бежин луг», «Русское эхо», «Подъём», «Волга–XXI век». Автор книг: «Аборигены из Пентюхино», «Одна», «Другая жизнь», «Тень улетающей птицы», «Дисгармония». Член Союза писателей России. Лауреат премии имени Аркадия Филёва и премии имени В.М. Шукшина на Всероссийском литературном конкурсе «Светлые души».

– Это почему?

– Потому что у неё все стихи разные. По ритму даже.

– Ишь, куда хватила! По ритму. Много ты в ритме понимаешь... – говорила первая старушка в шляпе и снова делала губы коромыслом.

В общем, сразу было видно, что она бывшая профессорша.

Так спорили-спорили две старушки в шляпах, а потом начинали читать стихи. Читали, читали, читали, пока не забывали слова и не сбивались с дороги. Тогда одна старушка садилась на лавку в сквере, а другая продолжала стоять, носком ботика тёмный камушек пошевелевая. Потом та, что на лавке сидела, спрашивала:

– Тебе пенсию добавили?

– Да, – отвечала та, что стоит.

– А на сколько?

– На тысячу. А тебе?

– Мне меньше...

На этом разговор прекращался. Проза жизни старушкам в шляпах не нравилась. Они боялись, что когда-нибудь они заговорят о ценах на мясо в магазине «Магнит». Скучотища-то какая!.. Нет, до этого они не опустятся. Вот посидят ещё немного и пойдут кормить голубей к памятнику греческому богу, который стоит напротив Адмиралтейства. Большой такой мужчина, мускулистый, солидный. Всё у него на месте. Там, наверное, уже гвоздики зацвели на клумбе. Возле такого мужчины и посидеть приятно.

Старушки направились вдоль Александровского садика к памятнику Гераклу. Шли, шли, шли... Выдохлись. Постояли немного, отдышались, дальше пошли. Тут уж не до прыжков и споров.

Пришли к памятнику, а там молодая пара целуется. Ну надо же, а! Целуются, и всё тут! Нет никакого ни стеснения у нынешней молодёжи, никакой совести нет. Совсем обнаглели... И всегда так. Всегда какие-нибудь наглецы хорошее место испортят. Стыдно смотреть прямо! Потому что эта белокурая дрянь сидит у него на коленях, а он, чернявый с кудрями, обнял её своими ручищами за талию и ловит её губы своими губами. Фу, гадость-то какая! Фу!

– Это наше место, – грубо сказала одна старуха в шляпе молодой паре, которая целовалась.

– В чём дело? – отрываясь от губ любимой, переспросил чернявый.

– Чего надо? – повторила писклявым голосом белокурая дрянь.

– Это наше место. Здесь не целуются, – проговорила грозная старуха в шляпе, которая умела делать губы коромыслом.

– Как это? – округлила глаза белокурая девица.

– Мы всегда тут сидим, и никто до вас не целовался тут. Для интимной близости надо другие места выбирать, – пояснила бывшая профессорша, нависая над молодой парой как грозная туча.

– Да, другие надо выбирать места, – поддержала её подружка, высунувшись из-за плеча той, что стояла ближе к молодым. – Это безобразия! Вам не мешало бы Цветаеву почитать. Или Блока.

– Пойдём отсюда, Рита, – сказал чернявый, выпуская из рук белокурую девицу. – С этими одуванчиками я драться не буду. Их толкнёшь – они рассыплются... Пойдём.

– Сам ты рассыплешься, – дрожащим голосом ответила та старушка, что была за плечом у подруги.

– Нет, я сейчас им покажу, как людей оскорблять! Я сейчас им покажу! – зло заверещала белокурая дрянь, снимая с ноги остроносую туфлю.

Нехорошая оказалась девица эта – злая, да ещё и драчунья.

– Перестань, – стал останавливать её чернявый.

– Дай, дай, – верещала белокурая, – дай хоть раз дам им по башке!

– Не дам! – растопырил руки чернявый.

– Дай, говорю.

– Не дам!

Пока молодые препирались, обе старушки в шляпах порядочно струхнули и даже попятнулись от греха подальше. Они, надо сказать, были вовсе не такие грозные, какими хотели казаться. И шляпы у них были выцветшие. И стихи они читали иногда чужие, неизвестно чьи. Но уж точно не Ахматовой и не Цветаевой. Потому что им хотелось памятью блеснуть, а память у них временами была совсем как решето. Удерживалось в ней только то, что не успело провалиться в тёмную бездну.

– Всех голубей распугали. Всех!.. – стали сокрушаться старухи в шляпах, когда молодые люди отошли от них достаточно далеко.

– У, паразиты!

– Целоваться им негде, видите ли! Надо на люди лезть. Ну и молодёжь пошла нахальная! Раньше такого не было.

– Нет, не было. Некогда было – надо было работать. Стыдно было. Время было не то.

Перед обедом старухи в шляпах старались попасть в кафе, которое всегда было возле Исаакиевского собора, через дорогу. Которое раньше, когда старухи были чуть помоложе, называлось «Бульонная». Там раньше пахло вкусно. Так пахло, что прямо на улице хотелось съесть чего-нибудь. Хотя бы сухарь какой-нибудь, который с прошлого лета в кармане затерялся.

В кафе старухи садились возле окна и заказывали себе по пирожку с капустой и по чашечке кофе с молоком. Деньгами не швырялись они и не шиковали. Пили кофе и смотрели в широкое окно. Одна чувствовала себя как в Париже на бульваре Сен-Жермен. Другая просто вздыхала и смотрела на прохожих. Какой уж там Париж, честное слово! Так бы и поела ещё чего-нибудь мясного. Но неудобно. Хочется быть изысканной и утончённой. А утончённые люди много не едят.

Будучи в кафе, та старуха в шляпе, которая чуть повыше, начинала «производить впечатление». Когда-то она работала преподавателем философии в институте имени Герцена и знала много красивых слов. Например, она могла сказать такую фразу: «А знаешь, Ася, вся наша жизнь – это всего лишь атрибуты десятого аспекта. Без предикатов... Ничего возвышенного в ней нет, честное слово. Сплошные залежи холодной прозы. И ни одной проталины счастья».

После этой фразы губы коромыслом она не делала. Потому что это было не её утверждение, а констатация факта.

Вторая старушка в это время деловито доедала свой пирожок, потом быстро поднимала хитрые глаза с тонкими коричневатыми веками, вытирала салфеткой морщинистые губы, смотрела в окно, поправляла кофточку кисейную, смахивала крошки с тёмной юбки, трогала широкополую шляпу с атласным бантом и переспрашивала:

– Что?

– Э-э-э! Всё равно не расслышишь. Не буду повторять.

– Не повторяй, – обижалась Ася.

Когда полдник завершился, когда есть было уже нечего, та, что была профессорша, элегантно поправляла волосы и предлагала:

– Может, посетим Эрмитаж?

– А что там? – переспрашивала Ася, некрасиво пожёвывая губами.

– Говорят, коллекцию Эдгара Дега обновили. Какой-то меценат две картины подарил.

– Да что ты!

– Да. Что-то новое, говорят...

И старушки направлялись в Эрмитаж. Переходили дорогу, переходили Александровский садик. Снова переходили дорогу, потом небольшой сквер устало переходили, который перед Зимним Дворцом. Шли, шли, шли и приходили на набережную Невы, которая в мраморе вся до самого горизонта. Там северный ветер начинал продувать их. Продувал, продувал, продувал, да так сильно, что старухам в шляпах после долгой ходьбы становилось прохладно. Они боялись простудиться, боялись, что шляпы ветер унесёт. Поэтому спешили в кассу музея приобрести билеты со скидкой, которая полагается всем пенсионерам в шляпах, которые молодятся.

Идти в зал французских импрессионистов нужно было мимо скульптур Родена. А у Родена в Эрмитаже только любовные композиции. То есть примерно то же самое, что они в сквере видели, только ещё хуже. Потому что голые.

Ася, когда мимо шла, сильно нагибала одну полу выцветшей шляпы, чтобы этой неприличности не видеть вовсе. Потому что неудобно прямо. А её подруга, наоборот, нисколько не стеснялась рассматривать. Ей даже нравилось это всё нехорошее. Однажды она сказала Асе, что в этом сплетении голых тел у Родена поэзия есть. Это не любовь – это настоящее искусство, музыка, симфония в мраморе. И сделала губы коромыслом. Ахматову любит, а такое говорит! Ну, какая может быть поэзия в сплетении голых тел? Какая симфония? Это нехорошо. И зачем только Роден там одеяла не изваял? Непонятно даже.

Пред входом в зал французских импрессионистов старухи в шляпах всегда старались отдохнуть. Устало садились возле стены на лавку. Лавка не скрипела под ними, потому что они были лёгкие. Ася худыми пальцами охватывала коричневое запястье правой руки и старалась сосчитать у себя пульс. Раз, два, три... Сбивалась со счёта и снова считать начинала. Раз, два, три, четыре, пять... И снова сбивалась.

– Пахнет тут чем-то, – говорила после недолгого молчания профессорша.

– На этом этаже туалетов нет, – отвечала подружка.

– А тебе уже надо?

– Да нет... вроде.

В зале французских импрессионистов почему-то всегда было много народу. Но к картинам Пикассо никто не подходил. Никому не хотелось смотреть на серые шахматы, треугольники и кубы. Все старались увидеть полотна Поля Сезанна, Клода Моне и Эдгара Дега.

Старухи в шляпах спешили к картинам Дега. Они не могли без восторга смотреть на «Голубых танцовщиц», «Репетицию балета» и «Абсент». Эдгара Дега и Клода Моне нельзя было не любить. У них на картинах было так много реального синеватого света, столько воздуха, что старухи в шляпах начинали ощущать себя молодыми женщинами у моря. Прямо на берегу какого-нибудь залива, где дует бриз и кричат чайки. Даже слеза иногда наворачивалась. До того было приятно видеть.

И вообще французы – молодцы. Жаль, что мы с ними так нехорошо обошлись в 1812 году. По деревням вилами добивали. Ужас какой, какая дикость! Сейчас бы жили вместе. Вместе за хлебом ходили, в кафе, в бульонную, в Александровский садик. Вместе кормили бы голубей.

– Dire bonjour.

– Bonjour, Madame.

Старухи в шляпах очень любили французов. Прямо боготворили их. За язык с прононсом, за переливистое «эр», за изысканное искусство. Ведь, по сути, всё красивое там родилось, во Франции у них. Немцы с англичанами ничего такого не придумали и миру не подарили. Чтобы за душу брало. Только пакости какие-нибудь. А французы... Ах! Что там говорить! Кто сказал, что русские – самый красивый народ? Глупости это. Французы самые красивые.

Той, которая не Ася, а Софья Михайловна, когда-то очень хотелось быть француженкой. Одно время она даже хотела родиться во Франции. Умереть и родиться потом снова. Чтобы жить где-нибудь в Сен-Дени. Гулять по набережной Сены, кормить голубей на Монмартре...

Из Эрмитажа старухи возвращались удовлетворённые. Им казалось, что день прошёл не зря. Кто-нибудь завтра спросит у них, где они были, а они в ответ этак снисходительно: «На вернисаже, у Клода Моне».

На них будут смотреть с недоумением. Кто такой этот самый Клод Моне? Почему они не знают такого? А они принципиально не будут пояснять. Для чего пояснять тем, кто французов не любит и ничем французским не восхищается? Кто не носит даже шляп с монтаньерками. Кто не знает, что такое настоящее искусство...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Как-то у одной из старух в шляпах, у той, которая Ася, случился день рождения. Раньше никакого дня рождения у неё не было, не было, а тут вдруг случился. Да ещё осенью. Ася неожиданно вспомнила, что ей исполняется 75. Вспомнила и испугалась. Неужели так много? Она быстро подошла к зеркалу, взглянула на себя. Нет, не много ещё. Надела очки – много. Сняла очки – нет, не много.

Как известно, очки старых женщин не молодят, особенно когда смотришь не на других, а на себя, да ещё осенью, да ещё в пасмурный день, да ещё если настроение плохое и любимой кошки рядом нет. Никто не мурлычет и не трётся преданно об ногу.

Утром ей позвонила подружка-профессорша. Мужским после сна голосом спросила:

– Ну что, будешь отмечать дату?

– Где? – испугалась Ася. – Как?

– Как, как... Будешь отмечать день рождения, говорю?

– Ну, – неуверенно ответила Ася, – надо бы...

– Я предлагаю махнуть в ресторан!

– Какой? – снова испугалась Ася, предчувствуя, что не осилит больших расходов. И вообще, зачем в ресторан, если она знает дешёвую бульонную, где пахнет дорогими блюдами.

– На Невском. Называется «Русский амфир», – деловито продолжила Софья.

– А-а-а...

– Чего?

– А он нам по карману? Недорогой ресторан-то этот?

– Дорогой-недорогой – смотря что заказывать будешь, – проговорила Софья Михайловна со знанием дела и замолчала.

Ася почувствовала, что её подружка сделала губы коромыслом. Потом в трубке что-то щёлкнуло. Старуха на том конце провода прочистила горло и снова спросила:

– Ну, решила чего?

– Идём, – как можно более твёрдо ответила Ася, хотя была в жутком смятении. Ресторан в центре города. Это, наверное, так точно – всё равно что купить себе новые сапоги на меху.

Весь день Ася была в тревоге. В тревоге ела овсяную кашу на «половинном» молоке. В тревоге искала новое платье с синей брошью на левом лацкане, которое ей двадцать лет назад муж подарил. Одно время Ася хотела этим платьем пол мыть, решила, что оно устарело, но передумала. И правильно сделала. Вот оно и пригодилось, платье-то. Его ещё носить можно. Ася встряхнула платье, пригляделась к нему получше. Вполне можно носить. Платье как платье. Правда, от него немного нафталином пахнет, но это ничего. От других старух в аптеке ещё хуже пахнет, но их за это никто из очереди не выгоняет. Значит, и её из ресторана не выгонят.

Потом Ася с волнением шла в магазин на проспекте Сизова, 25, чтобы купить себе новую шляпу. Ей нравились шляпы тёмного цвета из шёлковых лент, но в модном магазине на проспекте Сизова Асе

почему-то стали предлагать фетровые цвета бирюзы. Ася поворачивалась перед зеркалом и так и эдак. Нет, не подходят ей фетровые шляпы цвета бирюзы. Сняла очки. Да вроде ничего, подходят... Надела – не подходят. Расплывчатости не хватает. Да и цена не нравится, хотя в ней никакой расплывчатости и в помине нет. Ася внимательно посмотрела на цену. Нет, не нравится цена. Шляпа, может, и подошла бы, если без очков, а цена не подходит.

В общем, шляпу на Сизова, 25, Ася в тот день не купила и вернулась домой расстроенная. Открыла кладовку, пошла в темноту. На что-то в темноте наступила. Подняла то, на что наступила. Да это же шляпа совершенно новая, которую она почти не носила! Только она сейчас немного раздавленная, немного сплюснутая и пыльная вся. А так, если её расправить, она очень даже ничего. Ася встряхнула шляпу. Ничего себе, шляпа ещё какая хорошая!

Вечером ей позвонила Софья Михайловна, та, которая профессорша.

– Ну, чего ты решила?

– Да я... это самое...

– Ты готова уже?

– Да... Не знаю что-то я...

– Не мямли. Говори ладом! – приказала Софья.

– Я... боюсь, что денег не хватит, – выпалила Ася.

– Ну, насчёт этого не беспокойся. Дорогого подарка я не обещаю. А если денег не хватит, доплачу. Ты меня знаешь.

– Да, да, поняла я, – успокоилась Ася.

Вот ведь какая у неё подруга! Всегда на помощь придёт и в любом положении выручит. Как без неё? Настоящий клад! Ася стала вертеться перед зеркалом в мятой шляпе, в платье, пахнущем нафталином, и что-то напевать.

Встретились возле ресторана на Невском, 17. Осторожно прошли в заведение. Швейцар посмотрел на них косо, но не остановил.

Выбрали себе столик в сводчатом голубом зале под люстрой. Стали заказывать еду. Ася так разволновалась, что ничего учтивому официанту сказать не смогла. Её заколотило. Тогда бразды правления Софья Михайловна взяла в свои руки.

– Закуски, – спросил официант, – какие будем заказывать?

– Салат, – скороговоркой ответила испуганная Ася.

– Подожди, – остановила её профессорша. – Подайте нам... подайте нам... – повторила она, пробегая глазами по меню и подыскивая что-нибудь подешевле, – подайте нам эминсе из томатов с поджаренной моцареллой.

– Что? – поразила Ася. – Это же стоит бешеных денег... Они снимут с меня последнюю шляпу.

– Нет, – успокоила подругу Софья, – это не так дорого.

– Так, – отозвался молодой человек, скрывая улыбку. Черкнул что-то в блокноте и снова спросил:

– Горячее что-нибудь?

– Да, – отозвалась Софья.

– Суп, – перебила её подруга взволнованным голосом. – Суп говяжий. И всё...

- Вот, – не обращая на неё внимания, продолжила Софья, – это!
- Что «это»?
- Пельмени из зайчатины в бульоне из белых грибов.
- Ужас! – охнула Ася.
- Так... А на десерт? – продолжил невозмутимый официант.
- На десерт, на десерт... Ну, допустим, домашнее мороженое, – снова отозвалась Софья.
- Пить что будем?
- Пить будем... Пить будем вот это... Тут по-английски написано: «Mag-ti-ni Bian-co», кажется, – по слогам прочитала Софья.
- Сколько?
- По двести.
- Можно и по сто, – шёпотом поправила подругу Ася, беспокоясь за свой кошелёк и предполагая, что этот чёртов мартины стоит как старый автомобиль.

Честно сказать, Ася в этом богемном ресторане сразу почувствовала себя неуютно, не в своей тарелке почувствовала. Всё её угнетало: и сводчатые потолки, и позолота на внутреннем орнаменте, и люстра с хрустальными подвесками. Ей стало казаться, что нужно будет отдельно заплатить и за люстру, и за орнамент, и за позументы.

– Ну чего ты трясешься вся? – строго спросила её Софья Михайловна, когда молодой официант отошёл от них достаточно далеко. – О чём ты переживаешь?

– Да уж выбраться бы отсюда поскорее, да и всё бы! – призналась Ася.

- Неужели тебе тут не нравится?
- Нравится, но как-то не по себе. Я ни разу в таких заведениях не была. Всё больше в кафе да столовых. Боюсь чего-то тут я...
- Чего ты боишься?
- Счёта боюсь. Золота этого, блеска боюсь...
- Ну, допустим, счёт ещё не принесли.
- А я впрок боюсь уже.
- Дура.
- Сама дура.

Старухи в шляпах стали ругаться и ругались долго, пока им не принесли еду и выпивку. Кажется, они много чего заказывали, и названия у блюд были многообещающие, солидные, с пылу, с жару, а еды принесли с гулькин нос. Да ещё в крохотных тарелочках. Зато каждое блюдо было украшено очень оригинально и со вкусом. Должно быть, на французский манер.

– Эх, надо было пойти в пельменную, – запоздало посетовала Ася. – Там хотя бы поели бы ладом.

– Не говори ерунду. Мы с тобой в ресторане, как все интеллигентные люди. И беседовать мы должны интеллигентно, – сказала Софья Михайловна.

– О чём это? – удивилась подруга в шляпе набекрень и в платье, от которого пахло нафталином.

- На отвлечённую тему... Например, о литературе.
- Опять стихи читать, что ли?

- Да при чём тут это... Можно обсудить любимых писателей.
- Льва Толстого? – нашлась Ася.
- При чём здесь Лев Толстой? – удивилась Софья Михайловна. – В таких заведениях обсуждают иностранную литературу. Писателей с мировыми именами. Таких как Сол Беллоу, Федерик Бегбедер, Жан-Поль Сартр.
- А я не знаю таких, – растерянно призналась Ася. – Никого не знаю, кроме Ромена Роллана.
- А у Роллана что читала?
- «Жана Кристофа». Да и то давно.
- Так это же здорово! Там главный герой – композитор.
- Да, композитор и музыкант.
- Прекрасная вещь! Да. Там Ромен Роллан описывает процесс сочинения музыки и даже её звучание.
- Вроде того.
- Нигде не встречала таких описаний, – призналась Софья, отпивая из красивого фужера красное вино и одновременно откидываясь на спинку стула. – Как хорошо! Как интересно! Как будто слышишь эту музыку своими ушами. Как будто она захватывает тебя и несёт, несёт, как волна морская.
- Ты так красиво говоришь! – восхитилась Ася, доедая грибной бульон и пытаясь найти в нём что-нибудь мясное.
- А в ресторане принято красиво говорить. Ты разве не знала? Неужели мы с тобой в ресторане будем ругаться?
- Я понимаю. Говори. Ругаться не будем.
- Сама перебила, а теперь «говори». У меня уже из головы всё выпало, что я хотела сказать.
- Говорят, нынче пенсию не добавляют нам, – неожиданно посетовала Ася.
- Ты это к чему опять клонишь? – возмутилась Софья.
- Да так, к слову пришлось.
- Между тем старухи в шляпах как-то незаметно съели и выпили всё, что им принёс молодой официант. Всё съели, а есть почему-то хотелось. Прямо так бы и поели ещё чего-нибудь мясного с чёрным хлебом. Так бы и выпили чего-нибудь ещё. Хотя бы «каберне» или даже водки. Настроение появилось, а еда и выпивка неожиданно исчезли. Стол опустел и стал навевать грустные мысли.
- Может, ещё закажем чего? – неуверенно предложила румяная Софья. – Не на широкую ногу, конечно, а так... Чтобы не уходить.
- А давай, – согласилась слегка захмелевшая Ася, решительно махнув рукой. – Гулять – так гулять!
- Короче говоря, старушки в тот вечер порядочно покутили. В конце вечера они уже плясали в центре просторного зала, энергично вскидывая вверх ноги и руки. Шляпа у Софьи Михайловны съехала на затылок. Из-под шляпы выпали седые кудельки редких волос. Она стала потеть и задыхаться.
- Зато Ася в тот вечер чувствовала себя прекрасно и однажды даже попыталась забраться на импровизированную сцену, чтобы что-то спеть. Но вежливые молодые люди во фраках её вовремя остановили.

– Самодеятельность у нас не приветствуется, – пояснили они.

Ася начала с ними спорить, утверждала, что она поёт профессионально. Она училась.

– Моё призвание – вокал! – кричала она. – Дайте мне спеть романс «Не покидай меня». Дайте! Пустите меня на сцену! Я покорю партер.

В общем, Софья Михайловна заметила, что Ася раскрепостилась настолько, что стала приставать к какому-то иностранцу. И вообще стала распушенной и нахальной, чего раньше с ней никогда не случалось. Вдруг выяснилось, что она может изъясняться по-английски и даже читает наизусть стихи Теда Хьюза про то, как из крови рождается крик.

У Софьи Михайловны от её проделок голова пошла кругом. Она пробовала поймать Асю за руку. Но Ася увёртывалась и вырывалась. Кричала: «Пусти! Не лезь ко мне. Это мой день рождения, не твой!». Софья Михайловна пробовала с ней серьёзно поговорить, но Ася её не слушала. Отмахивалась и отбивалась. В конце концов, она решила, что эту старуху надо поскорее убрать с глаз долой, пока она не натворила глупостей.

Откровенно говоря, Софья Михайловна рассчитывала, что Ася протрезвеет, как только увидит счёт из ресторана. Но Ася даже глазом не моргнула, когда увидела этот счёт. Даже бровью не повела. Отсчитала семь тысяч, отдала молоденькому официанту и снова упорхнула в толпу танцующих. Кружилась там, что-то пела, закидывала руки за голову. Как будто ей было вовсе не 75, а в два раза меньше. Как будто она была не старуха в шляпе, а стройная юная дама с копной золотистых волос.

В конце концов Софье Михайловне всё это надоело. Она подкралась к вредной старухе сзади и схватила её за шиворот. Ася удивлённо обернулась, обиделась и вlepила Софье оплеуху. Софья тоже не осталась в долгу.

Так старухи в шляпах впервые подрались.

Софье Михайловне было после этого очень неудобно. Она, как бывшая профессорша, сгорала со стыда, а как простая обидчивая старуха – больше не хотела иметь ничего общего с этой худой и нервной развратницей, от которой пахнет водкой и нафталином.

ДАР СОФЬИ МИХАЙЛОВНЫ

В свои семьдесят лет Софья Михайловна неожиданно увлеклась стихами. Она решила, что в ней погибает большой поэтический дар. Не такого масштаба, конечно, как у Пушкина или Бродского, но всё же достаточно увесистый. Несколько поэтических строк она вполне могла связать одной общей темой и подобрать к ней подходящую рифму. Примерно так же, как к хорошему пальто принято подбирать сапоги. Или к юбке – туфли. Или к голове – шляпу. Или к носу – очки.

А так как она была бывшая профессорша, то решила не пускать это дело на самотёк. Сходила в библиотеку имени Лермонтова

на Литейном проспекте и попросила там «Теорию стиха» Виктора Жирмунского. Когда-то давно-давно, так давно, что забылось уже, почему, эта книга произвела на Софью потрясающее впечатление. Воодушевила, вооружила нужными знаниями. Заставила другими глазами взглянуть на поэзию последних десятилетий.

Когда Софья Михайловна сидела за книгой (а это продолжалось два дня и два долгих вечера), ей всё время звонила Ася и каждый раз куда-то звала. То погулять в Летний сад, то поесть чебуреки в «Емеле», то просто на лавке посидеть где-нибудь. И так она со своими звонками Софье надоела, что она сочинила для неё тюремную песню в стиле шансон. И назвала эту песню «Отсижу я свой срок».

Слова там были такие:

*Отсижу я свой срок и обратно вернусь,
Обниму я подросшего сына
И папане его широко улыбнусь:
Будь здоров, волосатый детина!
Я на нарах была: Колыма, Магадан,
Под вагоном гремели колёса.
И однажды в пути мне сказал капитан:
«На, кури, я принёс папиросы».
Я курила «Казбек», он принёс «Беломор» –
Угощенье со скрытым намёком.
Он был парень простой, но в душе зимогор
С недалёким до пенсии сроком.*

Надо признаться честно, Софье очень удавались стихи тюремной направленности, которые можно было бы назвать диссидентскими, если бы она написала их лет двадцать назад, при живом генеральном секретаре и генеральной линии партии. Но сейчас к таким стихам никто предвзято не относился, поэтому завоевать внимание читающей публики такими стихами было весьма проблематично.

Когда Софья Михайловна утомилась от тюремных стихов и вышла к подружке в маленький сквер перед домом на улице Карла Либкнехта, та обрадовалась ей как дорогому подарку. А когда Софья прочитала ей своё новое стихотворение, Ася только руками всплеснула:

- Неужели это ты сама написала? Неужели сама?!
- Да! – гордо ответила Софья и сделала губы коромыслом.
- А я думала, Кучин какой-нибудь. Или Круг.
- С чего это вдрут? – в рифму ответила Софья.
- Да уж больно на тебя не похожи стихи эти.
- Похожи, не похожи... Это шансон.
- Чего?
- Шансон, говорю. Есть такое направление в песенном творчестве.
- Так это ещё и песня? Спой тогда.
- Вот ещё, – заупрямилась Софья. – Ты же знаешь, что петь я не могу. Голоса у меня нет. Но мотив в голове вертится.

– Мне бы так сочинять, – мечтательно произнесла Ася, – я бы стала знаменитой. Начала бы петь со сцены. Удивлять. Покорять сердца.

– Тебе нравится? – не поняла Софья.

Ася красивым жестом поправила шляпу и продолжила:

– У меня душа сентиментальная. Я как что-нибудь трагическое вспомню – так заплачу. Как смешное увижу – так рассмеюсь.

– Ну и что? При чём здесь поэтический дар?

– Сама не знаю, – призналась Ася, – но хочется чего-то такого...

Говоря это, Ася сложила ладошки, поднесла их к плоской груди и смиренно посмотрела в небо.

– Так хочется необычного чего-то. Так хочется!

Софья с сожалением взглянула на неё и презрительно произнесла:

– Дура ты.

– Сама дура, – тут же отреагировала Ася и отвернулась.

Какое-то время обе старухи сидели молча и смотрели в разные стороны. Наконец Софья не выдержала и сказала:

– А хочешь, я тебе другое стихотворение прочту. Лирическое.

– Читай, – согласилась Ася, предполагая, что это стихотворение наверняка будет хуже первого. Вот тогда она над Софьей поиздевается от души за то, что она дурой её назвала. Как будто сама лучше.

Софья Михайловна вздохнула, подняла кверху свой увесистый подбородок, кое-где заросший белыми тонкими волосками, и начала декламировать, слегка пошевеливая в такт стихам правой рукой:

*Я зимою стихов не пишу,
В них искрятся холодные грани.
Печь топлю и воды приношу,
Чтобы ярче горели герани.
Чтобы ранним восходом весны
За окно сквозь плетенья сиреней
Проступали цветочные сны –
Полукруглые листья и тени.*

Когда стихи были прочитаны, Ася с недоумением посмотрела на Софью Михайловну и спросила:

– У вас что, отопление отключали этой зимой?

– С чего ты взяла? – тем же тоном ответила Софья, не понимая до конца, в чём тут дело. Почему Ася об этом спрашивает?

– Ты пишешь, что печь топила. Воду носила с колонки.

– Это же аллегория, – стала объяснять Софья. – Образ такой, понимаешь? Сентенция.

– Нет, не понимаю, – заупрямилась Ася, – настоящий поэт должен говорить правду. Если отключали отопление, так и скажи. Нечего мне голову морочить.

– Ну и ну! Больше я не буду тебе стихи читать.

– Не читай. Не больно-то и нужно.

– И не буду. Я думала, ты в поэзии разбираешься. А ты, оказывается, ничего в ней не смыслишь. Вот и поговори с тобой.

– А герань как?
– Чего?
– Не замёрзла герань без отопления? А то я у тебя хотела попросить листочек, чтобы у себя посадить. Мне герани с детства нравятся, которые красным цветут.

Софья Михайловна слушала подругу и молчала. Ну, о чём рассуждать с этой старухой, которая совсем выжила из ума? И зачем только она стихи ей прочитала? Ясно же было, что она ничего не поймёт. Раньше Гегеля не понимала, сейчас поэзию не понимает. А ещё говорит, что сентиментальная, что хорошо разбирается в искусстве. Да таких сентиментальных в России пруд пруди, а талантливых людей единицы. Вот возьмёт сейчас и уйдёт от неё Жирмунского читать. Что ей время-то зря тратить? У неё дар. Ей творить нужно, пока вдохновение не ушло. Пока ничего не болит.

Софья Михайловна посидела ещё немного рядом с Асей и поднялась, чтобы уходить. Откровенно говоря, Софья предполагала, что Ася начнёт её останавливать. Но Ася проводила её долгим взглядом и подумала: «Совсем выжила из ума, старая. Стихи начала писать в семьдесят лет».

На следующий день Софья Михайловна встала рано. Выпила полстакана крепкого чаю, села возле окна за стол, положила перед собой чистый лист бумаги и стала думать о том, что бы ей такое написать, о чём ещё никто до неё не писал.

За окном было серое осеннее утро. Вершины лип заслоняли окна второго этажа. Раньше в это время она отдыхала у бабушки в деревне. Дни были короткие, но яркие, разлинованные по жёлтой траве длинными тенями. Прямо за бабушкиным домом стеной стоял лес. После дождя оттуда наплывал смоляной дух. И всегда где-то там, в лесу каркали вороны, перелетая с места на место. И всегда в лесу можно было увидеть что-то новое.

Софья Михайловна ещё раз посмотрела в окно. Нет, ничего нового за окном не происходит. А если за окном ничего не меняется, то о чём написать стихотворение? Должно же что-то к этому подтолкнуть.

И тут позвонила Ася:

– Представляешь, – взволнованным голосом заговорила она, – наши учёные такой аппарат изобрели, который всё лечит.

– Что всё? – с раздражением переспросила Софья, которую оторвали от важного занятия.

– Всё. Сердце, печень, суставы. Понимаешь? Я еле успела позвонить им туда. Заказала такой аппарат за полцены... Вот как повезло!

– И сколько же это – за полцены?

– Восемь тысяч всего за такую нужную вещь... Я успела за первые двадцать минут сразу после передачи. А то бы пришлось покупать тысячу за тридцать, а может, и дороже ещё.

– Аппарат, который всё лечит? – с иронией переспросила Софья.

– Он даже сам определяет, что лечить. Представляешь?! Сам определяет, сам лечит и сам программу задаёт по оздоровлению всего организма на клеточном уровне!

– Ну и ну! – проговорила Софья, прикрывая ладошкой рот, чтобы не зевнуть. – И ты всему этому веришь?

– А как не верить? Там какой-то профессор выступал, – продолжила объяснять Ася. – Сказал, что они проводили опыты на больных. Так вот, всем помогает этот аппарат, без разбору. И всё лечит. Все болезни. Представляешь, какой аппарат нужный!

– И ты за него уже деньги заплатила?

– Да. Перевела куда надо.

– Вот дура! Я думала, ты лучше соображаешь. Думала, что тебя на кофейной гуще не проведёшь.

– Почему это? – возмутилась Ася после небольшой паузы.

– Да не бывает таких приборов! И аппаратов таких не может быть.

– Как не бывает? – переспросила Ася упавшим голосом.

– Потому что даже врач со всеми анализами порой ошибается в постановке диагноза.

– Но профессор...

– ...По радио сказал? – продолжила Софья.

– Да.

– А ты видела этого профессора? Документы у него проверяла?

– Да как? Он же по радио...

– А ты всему веришь, что сейчас по радио говорят?

– Да не всему. Но мне такой аппарат очень нужен... Понимаешь, бывает, что-то в спине заболит, заболит, а что там такое болит, понять не могу. А тут я бы аппарат этот подключила, и всё бы. Он бы сам все болячки мои нашёл и сам вылечил бы.

– Жаль мне тебя, – вдруг проговорила Софья со вздохом. – Просто жаль.

– Это почему?

– Соришь ты своими деньгами без разбору. А есть себе покупаешь всякую дрянь. Вот питалась бы хорошо. Ела бы фрукты да рыбу хорошую – вот бы и чувствовала себя прилично. Может, и голова у тебя заработала бы ладом.

– Да ну тебя, – обиделась Ася и положила трубку.

После этого разговора Софья Михайловна, сколько ни смотрела за окно, сколько ни вздыхала, сколько ни вглядывалась в туманную осеннюю даль, так ничего и не смогла больше придумать. Стихи на ум не шли. Такое утро пропало даром! Столько времени потеряла зря! А всё из-за этой бестолковой подружки, которая верит всему, что по телевизору показывают и по радио говорят. Хотя что возьмёшь с человека с незаконченным высшим образованием?

На следующий день, когда Софья едва успела приблизиться к столу, чтобы заняться творческой работой, ей снова позвонила Ася:

– Знаешь, почему сейчас туалетная бумага стала такой тонкой? Только возьмёшь в руки – уже разваливается, – сказала она тоном человека, который только что узнал важную тайну.

– Нет, – не понимая, в чём тут дело, ответила сонная Софья Михайловна.

– А я узнала.

– Ну и почему же?

– Это для того, чтобы из неё было удобнее колбасу делать. Ха-ха-ха!

– И ты из-за этого мне позвонила? – возмутилась Софья.

– Да... Я думала, ты посмеёшься.

Софья Михайловна положила трубку, поморщилась и поняла, что сегодня снова ничего не напишет. Эта дура опять испортила ей настроение. Ну надо же придумать такую чушь!

Софья Михайловна откинулась на спинку стула и прикрыла глаза. Солнечный свет стал проникать сквозь её морщинистые веки прямо в голову, и от этого душа постепенно начала наполняться какими-то далёкими детскими воспоминаниями, когда Софья открывала для себя мир. Когда обыкновенная зелёная трава вдоль забора вызывала восторг. Когда лёгкое дуновение ветра, от которого шелестела листва, уже что-то значило, уже о чём-то говорило.

Софья привычным движением взяла авторучку, придвинула к себе чистый лист бумаги. Сейчас она напишет первую строчку стихотворения. Сейчас, сейчас... Это стихотворение будет навеяно детскими воспоминаниями. Оно будет пронзительным и ярким, как солнечный свет за окном. Ей надо только сосредоточиться. Только отрешиться от всего сиюминутного.

И в это время снова зазвонил телефон.

Софья Михайловна с раздражением подняла трубку.

– Да.

– Ну, куда сегодня пойдём? – глуховатым голосом спросила Ася.

– А мы куда-то собирались? – холодно спросила Софья.

– Нет. Но не дома же сидеть весь день, когда на улице такая погода!

– Какая погода?

– Ни ветра, ни дождя, и солнце с самого утра, – пояснила Ася.

Софье очень захотелось сказать подруге что-нибудь грубое. Что-нибудь такое, после чего Ася надолго от неё отстанет, но представила себе, как потом ей будет скучно без Аси, и отогнала от себя эту мысль. С кем ещё она сможет потом поговорить по душам? Кто ещё будет безропотно выслушивать все её бредни, исполнять её просьбы, следовать за ней по пятам. Нет уж, лучше терпеть эту вздорную и глупую старуху. С ней хотя бы не одиноко.

А стихи подождут.

КОФТА

Однажды Ася решила купить себе новую кофту. Она уже давно себе ничего не покупала. Лет двадцать, наверное. Так и жила во всём старом, и даже мысли у неё стали какие-то неясные, невесёлые – тоже старые. А тут вдруг она пенсию получила и подумала: «Вся обносилась я. Даже шляпа у меня какая-то скособоченная. Нешто я новой кофты не заслужила на старости лет, когда у меня такая хорошая пенсия стала?»

Подумала так Ася, подумала и стала собираться на Долгоозёрный рынок, который находится на улице Илюшина, 14. Собиралась-собиралась, ходила-ходила у зеркала, прихорашивалась и решила на всякий случай позвонить Софье Михайловне. Пусть придёт, посмотрит на неё, когда она новые наряды будет примерять. У Софьи-то ничего нового нет. Пусть она ей позавидует. Пусть посмотрит, как она будет наряжаться.

Встретились на «Выборгской» станции метро, вышли на станции «Комендантский проспект». Там до рынка оставалось уже рукой подать. Но Софья Михайловна стала настаивать, что нужно поймать такси. Нечего пешком по городу шататься, когда голова ладом не работает. Ася и так уже со страхом прикидывала, во сколько ей кофта обойдётся, а тут ещё эти новые фортели Софьи – такси. Одно разоренье с ней!

В конце концов Софья уехала на такси, Ася пошла пешком.

И всё было бы хорошо, если бы по дороге Ася не заблудилась. Видимо, она свернула куда-то не туда.

Она заблудилась так сильно, что когда стала спрашивать у прохожих, где находится Долгоозёрный рынок, они только плечами пожимали. «Вот до чего дошло. Или дошла. Не знаю даже, как лучше выразиться».

В конце концов какой-то дед посоветовал ей взять такси, чтобы зря не плутать. Небось, немолодая уже.

Так Ася и сделала.

Софья Михайловна между тем уже ждала Асю возле базара. И как только увидела, что она из такси выходит – так и вскипела вся изнутри. Вот ведь какая дура, а! За двоих же можно было меньше заплатить, чем за одну. И зачем только она согласилась Асе помогать? Хотя что взять с человека с неоконченным высшим образованием, который Ван Гога от Ван Дейка отличить не может!

Когда стали примерять кофты, Софья Михайловна надела очки на две диоптрии больше, чем всегда носила. В этих очках она видела все недочёты шитья, все вытянувшиеся ниточки и прочие изъяны производственного брака. Правда, при этом подносила свой большой нос очень близко к кофте и смотрела на неё со строгим выражением лица. Как будто видит нечто необычное. А когда отдаляла нос от кофты, то обязательно делала губы коромыслом, создавая вид, что она детально анализирует рассмотренное.

– Ну как? – спрашивала Ася, поворачиваясь перед профессоршей и так и этак.

– Да вроде ничего. Только цвет...

– Что?

– Цвет тебе не к лицу. Цветы слишком яркие на груди. И покрой молодёжный.

– Откуда ты знаешь? – раздражалась Ася.

– Так мне кажется...

В конце концов Асе пришлось купить кофту невзрачного салатного цвета с маленькими синими цветочками. Эта кофта показалась Софье Михайловне самой подходящей для Аси по фасону. Новая кофта

была не дешёвой и не дорогой, только уж очень тонкой и очень воздушной. Откровенно говоря, Асе хотелось выбрать кофту посолиднее и потолще, такую, какая была у её покойной мамы. Но таких кофт, видимо, уже не производили сейчас.

Возвратившись с рынка домой, Ася стала примерять кофту перед зеркалом. И чем больше примеряла, тем больше эта кофта ей нравилась. Она была такая элегантная вся в этой кофте, что прямо как леди Гага. Как будто эту кофту сшили по её фигуре. Прямо как будто мерку брали с неё. Даже худые плечи Аси в этой кофте были почти незаметны. И коричневатая Асины шея казалась не такой морщинистой. И руки не такие худые, и ключицы не выпуклые.

Ася достала из железной шкатулки, которая когда-то была баночкой из под чая, большую (с синими стеклянными цветочками) мамину брошь и прицепила её на кофту. Вид у кофты сразу стал лучше. Такая мелочь – брошь, а как всё преобразила! Ася повернулась перед зеркалом так, потом этак. Хорошая какая ещё эта мамина брошь, прямо чудо! И блестит. И так повернёшься – блестит, и этак – тоже блестит. Прямо так блестит, что настроение у Аси само собой поднялось.

И тут неожиданно Ася учуяла, будто от новой кофты чем-то пахнет не вкусно. Вроде как солидолом или машинным маслом. Поднёсёшь к носу – сильно пахнет, а уберёшь – не очень. Но всё равно как-то нехорошо. Лучше её сразу выстирать, чтобы потом не приносиваться. Тем более неизвестно, сколько дней или месяцев она на рынке болталась. Кто её примерял? Может, туберкулёзник какой или человек с глистами.

В общем, вечером Ася нагрела воды и выстирала новую кофту в тазу, а потом повесила на балкон для просушки. Ещё когда вешала эту кофту, Ася счастливая была, и когда засыпала – тоже была счастливая. У неё теперь новая кофта салатного цвета на балконе висит. Сушится. Завтра Ася встанет и наденет её.

Утром Ася сварила овсяную кашу на «половинном» молоке. Поела с аппетитом, с хорошим настроением, с кусочком чёрного хлеба. Когда она по утрам овсяную кашу ест, у неё всегда настроение хорошее. Тем более что у неё на балконе новая кофта висит, которую она вчера выстирала. На столе горячая чашечка свежего кофе, маслице на блюдечке, рядом французская булка. Всё хорошо. Вот сейчас она покушает и пойдёт на балкон кофту снимать.

И когда Ася вышла на балкон, она ничего плохого не заметила. Только в первый момент ей показалось, что новая кофта стала немного больше, чем была. Сама кофта не так чтобы сильно увеличилась, а рукава как будто удлинились. Или это ей так только показалось, потому что она ещё не проснулась до конца, не приноровилась к обнове. Не привыкла к ней. Вот сейчас наденет её, к зеркалу подойдёт и тогда всё увидит.

Ася натянула через голову кофту, вдела руки в рукава и... тут сразу почувствовала неладное. Левая ладонь не вышла «на улицу», как положено, а затерялась где-то в самом конце рукава. Ася посмотрела на себя в старое тёмное зеркало на стене и от удивления ахнула.

ла: новая кофта за ночь вытянулась на два размера. Вчера ещё она была ей впору, а сейчас стала велика. На теле это было несильно заметно, а рукава сразу бросались в глаза.

Ну надо же, а! Новая кофта салатного цвета с синими цветочками, ни разу не надёванная – уже велика! Вот беда-то! Куда теперь с ней, с этой кофтой? На базаре ведь чеков не дают... Куда? А денег-то сколько потрачено зря! Ах, сколько денег потрачено...

Надо Софье звонить. Это она во всём виновата. Посоветовала ей купить эту кофту дрянную. Может, она без неё эту кофту салатную не купила бы. Ходила бы ещё по базару да ходила, искала бы хороший товар да искала. Может, и нашла бы подходящую. А эта старая дура пристала к ней: бери да бери, бери да бери! Вот она и взяла.

Взволнованная, Ася подошла к телефону, быстро набрала номер Софьи Михайловны.

– Алло!

– Алло. Ты спишь, что ли? – спросила Ася.

– Встала, – спокойно ответила Софья.

– А я не сплю, – продолжила Ася. – Научила меня купить салатную кофту. А я тебя послушала. Эту не бери, ту не бери... Эта старит, та молодит. Никого больше не буду слушать никогда!

– Да что случилось-то?

– Ничего! Кофта твоя салатная вытянулась вся. Рукава до полу.

– А ты её, значит, выстирала уже?

– Выстирала. От неё машинным маслом пахло.

– А этикетку, конечно, не прочитала перед стиркой?

– Какую?

– На кофте. Там, где утюг нарисован.

– Ничего не читала я, – зло ответила Ася. – Выстирала и на верёвку повесила просушиться.

– Горячей водой стирала?

– А какой же ещё?

– Ну, вот и причина.

– И что сейчас делать мне?

– Ничего пока не делай. Я приеду, посмотрю, что сделать можно.

И Софья Михайловна положила трубку. Ася стащила с себя кофту и с раздражением бросила её на пол. Хотела её потоптать немного, подавить худыми пятками, но передумала: а вдруг Софья Михайловна придумает чего?.. Обменять её или деньги вернуть обратно. Она – женщина грамотная, знает все ходы и выходы.

Когда Софья Михайловна увидела салатную кофту на Асе, она только руками всплеснула:

– Не кофта это, а кафтан! Ни дать ни взять.

– И чего теперь?

– Рукава надо подшить.

– Да куда их подошьёшь такие длинные? – удивилась Ася, пробуя подобрать рукава.

– Тогда – подрезать.

– У новой-то кофты? – обиделась Ася. – Только купила – уже резать да подшивать.

Короче говоря, через два часа кофта снова была как новая, только немного бесформенная, слегка скособоленная. Асина шея в этой кофте казалась сейчас слишком длинной, и плечи снова выпирали, и на животе появилась какая-то длинная складка, которой раньше не было.

Что ни говори, а не к душе стала кофта эта салатная с синими цветочками. Так и хотелось выкинуть её в окошко, чтобы улетела куда-нибудь по ветру прямо в мусорный бак.

– А всё эти ткани современные, синтетические, – начала рассуждать Софья Михайловна. – Ни утюгом погладить, ни выстирать по-человечески...

– Не знаешь, с какой стороны подойти, – поддержала её Ася и стала собирать на стол.

Собирала-собирала стол к чаю, и тут ей так захотелось выпить с горя. Так захотелось расслабиться, что она нашла в комодке бутылку сухого грузинского вина под названием «Цинандали». Разлила вино по фужерам, подхватила на вилку кусочек ветчины и опрокинула фужер в рот. Так прямо и выпила всё вино одним глотком, как страус какой. Сама не ожидала, что так получится. И вино оказалось не таким противным, как она предполагала. И в животе оно приятно обожгло.

После выпитого вина думы о кофте на время оставили Асю. Да что там кофта! Разве она новую кофту себе не купит? Разве денег у неё нет? Что, у неё пенсия плохая, что ли? Или на смерть денег не припасено? Да всё у неё есть. И на смерть, и на кофту хватит, и ещё за квартиру заплатит останется. Только салатного цвета с синими цветочками кофту она больше покупать не будет. Купит оранжевую или голубую. Пусть Софья Михайловна говорит потом, что хочет, пусть осуждает её, но она купит себе кофту яркую. Такую, о которой всю жизнь мечтала. И шляпу новую купит себе в самом дорогом магазине на Невском проспекте.

ОМУТ

Ася всю зиму жила-жила, варила овсяную кашу на «половинном» молоке, смотрела от скуки в окно, звонила Софье Михайловне по разным пустякам, сидела перед телевизором, перешивала кофты, штопала носки, болела. И тут вдруг пришла в город весна (до этого была зима). Ася, бывало, посмотрит через окно на улицу: снег кругом лежит. Зима. Через месяц снова выглянет: всё ещё зима...

А тут вдруг как-то сразу весна случилась. Ася только-только к зиме привыкла, только приновилась к серым будням и холоду – и вот на тебе – весна уже. Ася даже растерялась. Надо же, как быстро это всё случается.

Всё бы ничего, но вместе с новой весной в душе Аси что-то произошло. Что-то там ненужное проснулось.

Раньше она встречала Павла Борисовича из соседнего подъезда где-нибудь на улице, и ничего с ней не происходило, а сейчас почему-то стало происходить.

Павел Борисович жил один. Вера Петровна у него давно уже умерла, царство ей небесное. Но раньше Ася его как будто не замечала совсем, а этой весной вдруг стала замечать. Вот замечает, и всё тут, хоть кол на голове теши, хоть куда от Павла Борисовича девайся!

Ася пройдёт мимо и улыбнётся Павлу Борисовичу. Снова пройдёт и глаза опустит. Как девочка какая стала, честное слово! Даже перед соседями неудобно. А вдруг они уже заметили чего? А вдруг уже поняли?

Однажды Ася по рассеянности рассказала об этом несчастье Софье Михайловне. Та немного подумала и сказала:

– Да ты влюбилась, подруга!

Асю как током ударило.

– Не может быть!

Ася уже успела забыть, что на такие подвиги способна. И вообще, какая может быть любовь в семьдесят лет? Когда уши не слышат, глаза не видят и руки по утрам какие-то ватные, не свои. Спина ладом не выпрямляется, ноги в коленях болят, в голове шумит что-то. Как морской прибой.

– Ты влюбилась, – повторила по телефону Софья. – Он не старый ещё, твой избранник?

– Да как не старый... Ему тоже за семьдесят.

– Значит, два сапога – пара, – съязвила Софья.

– И чего теперь? – упавшим голосом переспросила Ася.

– Забудь и выбрось из головы!

– Не могу.

– Почему?

– Видимо, у меня в голове ничего путного нет. Пусто. Выбрасывать нечего.

– Ну, тогда расскажи ему обо всём.

– Как? Я когда его вижу, у меня язык отнимается и в груди что-то трепещет, – призналась Ася.

– Тогда не говори пока ничего... Вот будем вместе гулять... Ты мне его покажешь – я с ним заговорю. Посмотрю, как он отреагирует.

– Неудобно, – промямлила Ася.

– Он не один живёт? Или один?

– Кажется, один.

– Квартира у него большая?

– А какое мне дело до его квартиры? – обиделась Ася. – У меня своя немаленькая. Какое мне дело? И вообще, зря я тебе это всё сказала.

Ася обиделась и положила трубку. И с какой стати Софья ей советы даёт, как поступать? Кто она такая? Даже если Ася человека полюбила, она сама должна решить, как ей жить дальше. Что говорить, что делать. Да может быть, она ничего и делать-то не собирается. Для чего ей? Как жила, так и будет жить. Вот только весна эта дурацкая пройдёт, и всё. Сразу ей легче станет.

Ася нерешительно подошла к зеркалу. Посмотрела на себя сбоку, анфас. И тут ей показалось, что правый глаз у неё чуть больше лево-

го. И брови опустились... Да, опустились брови и вытерлись. Это точно. Это не кажется, пожалуй. Начало у бровей есть, его ясно видно, а конец исчез куда-то.

Ася приподняла указательным пальцем одну бровь, потом другую. Совсем безбровая стала, дура... И с какой стати Павел Борисович должен на такую внимание обратить? Что, он с ума сошёл, что ли?

Хотя... он тоже не лучше. Седой весь, сгорбленный, с тросточкой ходит. Она хотя бы без тросточки передвигается пока, и то уже хорошо. И не горбатая она. Ася что есть силы выгнула грудь. В спине что-то хрустнуло. Совсем не горбатая. Прямая как палка.

Ася надела очки, присмотрелась к своему лицу получше и заметила под левым глазом тёмное пятно. Кажется, этого пятна у неё раньше не было. Или было? Вот леший – всё стала забывать. Не помнит даже про это пятно. Было оно или нет? На руках точно пятен не было, там они после шестидесяти появились. А на лице – непонятно когда. Или это грязь? Может, она задела рукой что-то пыльное, а потом на лицо. Такое ведь тоже бывает. Руки у неё длинные и лезут во все стороны. Ищут опору.

Ася пошла умылась. Снова вернулась к зеркалу. Нет, пятно не исчезло. Значит, с этим пятном сейчас придётся жить. Не грязь это.

Ася снова внимательно присмотрелась к своему лицу. Вот и на носу появились какие-то красноватые отметины. Как будто кончик носа кто-то покусал. Какое-то насекомое, что ли... А может, кишки у неё плохо работают? Хотя на желудок она никогда не жаловалась. Есть она всегда хочет с самого детства. С самого детства любит уху из свежей речной рыбы. И куриный бульон с зелёным луком тоже любит. И пельмени с мясом. Всё любит, что сейчас задёшево не купишь.

И для чего это она к зеркалу подошла? Для чего себя разглядывает?

Ах, да она же влюбилась! Это она для Павла Борисовича к зеркалу подошла и себя разглядывает. Она хочет ему понравиться... Или не хочет? Тогда зачем Софье Михайловне позвонила? Вот и поди сейчас разберись, что с ней такое творится. Того и гляди начнёт стихи писать, как Софья. Хотя Софья-то помоложе будет. У неё с этим делом попроще. У неё и платья красивые есть, и новая шляпа, а у Аси ничего такого нет. Одну новую кофту салатного цвета с синими цветочками купила себе, и та вытянулась. Вот как не везёт ей...

И Павел Борисович на неё внимания не обращает. И не обращает никогда. Сейчас ведь все старики берут себе жён молодых. Лет на двадцать моложе. Мода такая. Сами чуть дышат, едва передвигаются, шепеляво говорят, а жену им надо молодую и красивую. А для чего, спрашивается? Чтобы ухаживала за ним? Чтобы обмывала его, обстирывала, кормила?

Ася хотела додумать начатую мысль до конца, но тут ей позвонила Софья.

- Ну что, решилась? – спросила с ходу бывшая профессорша.
- На что решиться должна я? – растерялась Ася.
- Познакомиться с этим, как его там...
- Зачем? – лягнула Ася.
- Как зачем? Чтобы зря не страдать.

– А я и не страдаю. Что мне... Я... не страдаю вовсе.
– Ты в окно посмотри.
– Для чего?
– Он на улице или нет? Если прогуливается где, я приеду и с ним поговорю.

Ася нехотя подошла к окну. Посмотрела во двор.
– На детской площадке сидит, с малышами беседует.
– С малышами! – обрадовалась Софья. – Значит, он человек хороший. Сейчас я приеду и все проблемы решу.

После этого разговора Асю охватило волнение. Ей даже захотелось куда-нибудь спрятаться. Куда-нибудь залезть, закопаться. Ну как это можно: к незнакомому человеку на улице подойти и начать разговор ни с того ни с сего? Он же может подумать о ней плохо. И одета она не так чтобы здорово, и выглядит немолодо. Возле глаз морщинки заметны... Нет, лучше ей никуда не соваться, никуда не ходить. Лучше ей дома сидеть в такой шляпе. Вот возьмёт сейчас и исчезнет из дома. Пройдёт мимо Павла Борисовича и шмыгнет за угол...

Шмыгнет-то шмыгнет, только что потом Софье Михайловне скажет? Как свой поступок объяснит? Испугалась. Опять её заколотило. Нет, пожалуй, это тоже нехорошо. Это слабость, это её вечное малодушие. А как с малодушием бороться? Как?

И тут Ася вспомнила о недопитой бутылке «Цинандали». Побежала на кухню, открыла шкаф. Вот она – её смелость, вот она – её решительность: стоит в уголке. Сейчас выпьет залпом всё, что осталось в высокой бутылке из тёмного стекла и совсем перестанет волноваться. Только по утрам она никогда раньше не пила, и закуски хорошей для этого дела у неё нет, одна овсяная каша на «половинном» молоке, которую она до конца не доела.

Ася решительно выпила вино, закусила кашей и сразу почувствовала прилив смелости. Прямо так и зажгло в животе от прилива бодрости духа.

А что, собственно, такого страшного с ней может произойти? Ну, поговорят они с Павлом Борисовичем о том о сём. Ну, посидят немного на лавке. И что? Ничего тут страшного нет, ничего необычного. Мало ли стариков по лавками сидят, когда на улице тепло? Кто они такие, о чём говорят – это со стороны не определишь. Может, они о погоде беседуют, о детях говорят...

И в это время в коридоре раздался звонок. Ася от неожиданности даже вздрогнула. Это Софью Михайловну чёрт принёс. Она уже тут. Надо же, как быстро. Когда нужно спешить – вечно Софья опаздывает, а тут прилетела как бешеная. Сейчас начнёт над ней издеваться. Начнёт делать губы коромыслом. Учить. Как будто Ася сама ничего не понимает. И зачем только она связалась с этой профессоршей?

Звонок прозвенел вторично. Ася уже шагала к двери, а звонок всё звенел.

– Ты уже собралась? – спросила Софья вместо приветствия, как только перешагнула за порог.

– А чего собираться-то мне? Я всегда готова, – едва ворочая языком, ответила Ася.

- Ты чего это? Пьяная, что ли? – удивилась Софья.
- Откуда ты взяла? – ответила Ася.
- Да язык у тебя заплетается.
- Не может быть, – стала отрицать Ася, выкатывая от усердия глаза. – Я ничего не пила.
- А вчера?
- И вчера не пила.
- Значит, ты по жизни пьяная! – отрезала Софья.
- Не пила я, – снова стала отрицать Ася, придерживаясь рукой за дверной косяк. – Правду говорю.
- Это для смелости, да? – спросила Софья. – Для смелости?
- Не пила, – мотала головой Ася.
- Это потому, что ты стесняешься его, да?
- Нет.
- Потому что влюбилась.
- Не-а.
- Вот дура! А я для неё всё бросила, сюда прискакала сломя голову, а она всё испортила.
- Ничего не портила я!
- И что мне с тобой делать теперь?
- Ничего. Я вот сейчас оденусь. Пойду и сама ему всё расскажу. И про себя и про тебя всё расскажу. Какая ты вредная! Всегда мне настроение испортишь.

Ася неуверенными шагами направилась к шифоньеру, чтобы выбрать себе подходящее платье, и в это время сильно пошатнулась. Софья Михайловна метнулась вперёд и умело подхватила её под руки.

– Упади ещё да сломай себе что-нибудь! – взволнованно проговорила Софья.

– Не хватай меня, – огрызнулась Ася. – Я сама.

В конце концов Софья Михайловна усадила Асю на диван и сама села рядом.

– А может, и правда не ходить никуда, – начала она рассуждать вслух. – Для чего тебе эта обуза? Это переживание... Без любви оно как-то спокойнее. Как-то проще... Вот ты ещё ничего сказать ему не успела, ничем себя не проявила, а уже переживаешь. А переживать нам, старым людям, нельзя. Не дай Бог давление поднимется или ещё что...

– Не старая я, – упрямо повторила Ася.

– Не старая, не старая. Верю. Но мне что-то не хочется в этот омут с головой. Здоровье уже не то. Прибежала как дура, а не хочу.

– Я ещё хорошо себя чувствую. И омут этот – мой.

– Хорошо, хорошо, твой омут. Ладно. Только всё равно надо сто раз подумать, чтобы сделать первый шаг.

– Я думала, – промямлила Ася, – думала я.

– Потом пути назад не будет...

– Почему? – встрепенулась Ася, пытаясь сделать строгое лицо и умные глаза. – Почему это?

– Времени не останется, – с печальным вздохом проговорила Софья Михайловна.

И Ася неожиданно почувствовала, что она права. Эта вредная старуха в шляпе говорит то, что Ася подсознательно чувствовала, но не смогла сформулировать... Она говорит правду. Ту правду, о которой не хочется думать, о которой не хочется вспоминать.

Один неверный шаг – и привычный ритм её жизни может измениться. Всё надо будет строить заново. Привыкать, подстраиваться, прощать обиды, переступать через себя. В молодости-то это происходило как бы само собой, легко и безболезненно. А сейчас... Что будет сейчас? Весна пройдёт, чувства улягутся, вернётся в душу былая трезвость. И что тогда? Рядом с ней будет человек, которого она совсем не знает. Каким он был в молодости, каким был в зрелые годы?..

Мужчины недолговечны. Скорее всего, у него уже куча болезней. Много денег уходит на лекарства. Наверное, дети есть, которые вовсе не обрадуются появлению новой спутницы жизни у папы. Дети начнут её подозревать в том, чего нет. Обвинять в том, чего не было. Строить интриги. Потом кто-нибудь из них решится высказать ей всю «правду» в глаза. И эта «правда» будет с криком, с ненавистью, с угрозами. И тогда у него или у неё случится инфаркт... И будет поздно говорить о весне, о внезапно нахлынувших чувствах. О том, что никакого подлого умысла не было. И коварного расчёта не было тоже. Только чувства.

– Ты права, – после долгой паузы проговорила Ася.

– Что? В чём? – не поняла Софья Михайловна.

– Во всём права... Не для меня этот омут.

– Вот. Одумалась наконец! – обрадовалась Софья Михайловна. – А я, откровенно говоря, хотела сразу тебе об этом сказать. Но не решилась. Не захотела тебя расстраивать. Но, слава Богу, ты сама поняла. Слава Богу, одумалась!

Софья Михайловна обняла подругу за плечо, прижала её хрупкое тело к себе, потом провела рукой по тонкой спине и почувствовала, какая она родная, какая беззащитная вся. Без неё будет очень грустно. Если у Аси появится Павел Борисович, они уже никогда не будут так вот спокойно сидеть на диване и обсуждать свои женские проблемы. Ася доверчивая и глупая. Она, если по-настоящему влюбится, жизнь отдаст за этого старика с детской площадки.

– Ну, не будешь знакомиться с ним? – повторила Софья Михайловна, чтобы успокоиться.

– Не буду.

– Ну и правильно!

БОЛЕЗНЬ

От переживаний и недоразумений, связанных с любовью, Ася заболела. Она лежала на кровати и громко охала. Ей казалось, что она умирает. Последние несколько дней её преследовала слабость, а сегодня к слабости добавилось головокружение. Ася приняла таблетку аспирина, поела овсяной каши на «половинном» молоке и легла на кровать.

– И зачем только полюбила я? – рассуждала Ася вслух, лёжа на кровати. – Лучше бы я жила как прежде. Бестолковая! И чего только не хватало мне? У меня же всё есть. И квартира у меня большая, и кухня, и ванная комната со всеми удобствами... Зимой, правда, там немного холодновато бывает. Из вентиляции чужим обедом пахнет. Но это ничего. Только обогреватель сильнее включить, и всё. И мыться можно в любую погоду. Даже у Софьи Михайловны ванная комната меньше, чем у меня. И кухня у неё маленькая. У неё же «хрущёвка» обыкновенная, у Софьи-то, а у меня дом послевоенной постройки. И потолки у меня высокие.

Ася посмотрела на потолок.

– Надо бы переклеить потолок-то, – решила она. – Пожелтел уже. Обои выцвели. Да кто же теперь потолок переклеивать будет? Сына со снохой не допросишься, а дочери нет. Если бы дочка была, она бы помогла в этом деле. Но Бог не дал...

Ася перевела взгляд с потолка на стену. Стена была голая как одиночество.

– И жизнь я прожила какую-то пустую. Всё на бегу, всё в спешке. Оглянуться не успела, а тут уже старость подошла. Тут уже слабость подкралась. Тут уже болезни разные... Другие-то в мои годы ещё ни на что не жалуются, а у меня всё болит. Всё болит! Это, наверное, от тяжёлой работы. Это из-за того, что я в молодости себя не жалела. Другие-то люди отдыхали да по курортам ездили, а я всё работала, всё в ходу. Дура! Вот сейчас и болею. Вот сейчас и чахну. Так мне и надо.

Ася тяжело вздохнула и перевела взгляд со стены на окно. Увидела на белом косяке синеватую тень, похожую на распустившуюся лилию. Должно быть, время уже к обеду.

– На улице, небось, солнце светит. А я тут лежу одна. Софья, наверное, уже прогуляться вышла, и Павел Борисович тоже. А я тут лежу. Ничего не болит, вроде, а голова почему-то кружится. Вот и лежу... Довела я себя до ручки. Перенервничала. Спать стала плохо... Вот и результат... И за что мне такое наказание? И за что мне такие страдания? Я, вроде бы, и питаюсь хорошо. И ни в чём себе не отказываю. Витамины иногда покупаю, а слабость почему-то не проходит... У Софьи, наверное, никогда такой слабости не бывает, как у меня. Она всю жизнь ладом не рабывала. Только болтала языком с кафедры да принимала экзамены у студентов. Вот и сохранилась. Такие-то люди, как Софья, долго будут жить, а я раньше времени сдохну. Новая весна придёт, деревья листвой покроются, а меня уже не будет. Не сохранила я сама себя, не сберегла.

Ася почувствовала, что глаза её наполняются влагой. Того и гляди заплачет от жалости к себе. До того ей стало тошно.

– Все люди здоровые, а я больная. Все молодые, а я старая. И за что мне такое наказание? В чём я провинилась? Вот лежи теперь и смотри в потолок. Что увидишь? Что поймёшь? В другой день, бывало, Софья позвонит десять раз. Надо, не надо – всё рано позвонит. А сегодня с утра ни слуху ни духу... Никому, видно, я не нужна. Ни сыну, ни снохе, ни Софье. Никому не нужна. Раньше, бывало, кто

ни попросит – я всем помогать бегу. Устала, не устала – бегу. А мне никто помочь не хочет. Не заслужила я.

Ася вытерла рукавом халата случайную слезу. Глубоко вздохнула и закрыла глаза.

– Сколько людям добра ни делай – никто это не оценит... Вот если бы я миллион сыну накопила или хотя бы на новую машину денег дала – он бы оценил. А так не оценит. Это точно. Что от больной старухи проку? Что с неё взять? Вот так и жизнь проходит. Спешим-спешим, работаем-работаем, а потом раз – и нет уже здоровья. И никому ты больше не нужен.

Ася снова тяжело вздохнула и открыла глаза.

– Только одному человеку была я нужна. Только один человек готов был меня на руках носить. Володька мой... Эх, Володька, Володька! Был бы ты жив, разве бы я вот так лежала да ныла? Ни за что бы не улеглась! Когда были вместе с тобой, у меня и болезней-то не было никаких. Поговорю с тобой, расскажу тебе обо всём – и на душе станет легче. А сейчас даже поговорить не с кем. Нет никого рядом. Ау! Не с кем поговорить... От этого, наверное, и болезни... И Софья что-то не звонит. Тоже, поди, прихворнула. Тоже ведь немолодая уже. Тоже одна живёт... У Софьи одышка и ноги больные. Она всю жизнь на ногах. У меня хотя бы ноги-то не подводят ещё. У меня хотя бы ноги-то ходят. Другие-то старухи в мои годы всё с ногами маются, а у меня ещё ничего. Терпят...

Эх, Володька, Володька! У тебя ноги тоже были больные после шестидесяти. Курил много. Да и выпивал. Тогда все выпивали почему-то. Время было такое, что ли? Как праздник придёт – так выпивают. Как выходной – так выпивают снова. Пьяных было много на улице в пятницу. И по субботам тоже... Сейчас пить стали меньше. Меньше стали пить. Видимо, по-другому отдыхать научились, что ли. Без вина. А Володька мой по-другому-то не мог. Ему вино надо было. Кровь из носу, а в субботу бутылку отдай. Потом всё воскресенье пиво дулит. Вот и допил пиво-то. Отрастил себе живот. Давление стало мучить. Одно к одному, одно к одному...

Ася снова смахнула слезу. Потом села в кровати и потрогала кончик носа. В голове родилась какая-то новая мысль, но Ася не пустила её на волю. Надоело думать. И голова, кажется, перестала кружиться. Теперь надо умыться, чаю попить и собираться на улицу, пока не жарко.

И в это время в коридоре зазвонил телефон. Ася неуверенно поспешила к телефону. Она ещё трубку не взяла, но уже решила, что это, скорее всего, Софья. Кто же ещё ей позвонит ни с того ни с сего?

– Алло!

– Да.

– Ну как ты себя чувствуешь? – странным голосом спросила Софья, как будто знала про Асю какую-то скверную тайну.

– Плохо, – искренне ответила Ася.

– Вот! Я тебя предупреждала!

– О чём? – не поняла Ася.

– Чтобы ты не пила больше. Ты же два дня выпивала, чтобы успокоиться. Забыла, что ли?

– Да я...

– А я тебе говорила. В нашем возрасте даже стакан красного – это уже много.

– Но я вчера...

– Ты мне вчера звонила, – перебила Асю подруга. – Я сразу поняла, что ты опять пьяная. Несла такую чушь, что мне сейчас даже не припомнить. Не пересказать. К Павлу Борисовичу меня приревновала.

– Я?

– Ты, ты. Забыла, что ли? Если забыла, значит, тебе совсем выпивать нельзя. Ты и так-то ничего толком не помнишь, а пьяная и подавно.

– Да я...

– Небось, сегодня голова у тебя кружится.

– Да, было немного... с утра.

– У тебя и так давление низкое, а теперь, наверное, совсем упало...

– Не знаю. Может, и упало. Я никогда не меряю.

– Хорошо бы тебе глюкозы ампулу в чай. Аскорбинки да аспирина. Только у тебя, наверное, ничего этого нет. Ты ведь у нас лекарства не употребляешь. Желудок бережёшь.

– Аспирин только.

– Привезти тебе для сердца чего-нибудь?

– Не нужно.

– Так оклемаешься?

– Да я уже...

– Ну, смотри, – проговорила Софья и положила трубку.

Ася в это время стояла возле телефона с трубкой в руке и с потерянным видом. Только сейчас она осознала, откуда у неё эта странная болезнь.

СТРАШНЫЙ СОН АСИ

Однажды Асе приснился страшный сон. Будто она старуха и ей уже перевалило за семьдесят. Ну, конечно, может, когда-то ей правда исполнится столько. И будет она не изящная белокурая дама в шелках, как сейчас, а женщина преклонного возраста в старенькой шляпе. Но это ещё когда будет... До той поры (как мама говорила) надо ещё дожить.

Ей приснилось, что в подружках у неё ходит Софья Михайловна. Та самая профессорша, которой она зачёт по философии два раза пересдавала. И будто подружались они на похоронах мужа этой самой Софьи Михайловны. Хотя Ася ужас как на кладбище заходить боится. Там тёмные кресты, голые могилы и вороны с галками. Тёмные на тёмных крестах. «Кар-р! Кар-р!»

Вот чего приснилось сдуру.

Как будто они с Софьей Михайловной всюду ходят в шляпах и в белых перчатках с длинными рукавами и разговаривают о высоком искусстве.

Будто однажды Софья затащила её в ресторан, напоила водкой, а потом Ася в этом ресторане стала вытворять такое, что сейчас даже во сне вспоминать стыдно. До того это всё нехорошо получилось.

А потом во сне кто-то Асе позвонил. Она вздрогнул. Она всегда вздрагивает, когда телефон неожиданно звонит. Даже не во сне когда. Так прямо вздрагивает, что одна нога у неё в сторону уходит сама по себе.

Ася встала с кровати и подошла к телефону, пытаясь выпрямиться. Взяла трубку и к уху поднесла, но низко. Надо было выше поднести. Так плохо слышно. Но это же во сне, опомнилась Ася. Тут уже ничего не исправишь, потому что сон – это как кино. Как сняли, так и показывает в голове.

– Чем занимаешься? – во сне спросила Асю подружка-профессорша.

– Только встала ещё, – ответила сонная Ася.

– Я тебя через часик на улице жду... Погода хорошая сегодня. Выходи.

– Ладно, – во сне ответила Ася и положила трубку, а потом вдруг подумала: «Вот ведь, во сне, а как в жизни». Или в жизни как во сне? Да какая разница! Лишь бы снилось хорошее. Не как сейчас.

Ася посмотрела на свои морщинистые руки. Удивилась. Неужели у неё в старости правда будут такие руки? Ужас!

Ася во сне поела овсяной каши на «половинном» молоке. Каша оказалась пустая, без кураги и изюма. Какая-то невкусная. Видимо, молоко было не первой свежести. Или во сне всегда так плохо кормят. Кто его знает.

И хлеб чёрствый. Видимо, в прошлый раз, который был в пятницу, она за хлебом сходить не успела. Рано проснулась. Она вообще в последнее время что-то рано просыпаться стала. Как настоящая старуха. Проснётся и лежит, думает. То ей кажется, что сердце у неё стучит слишком часто, то в правом боку покалывает. Там, где печень. То в голове шумит. То покажется, что она заболела. Состарилась и заболела совсем. То есть неизлечимо, так что даже думать страшно об этом.

Слава Богу, она не старая ещё, а то ведь рехнуться можно. Столько переживаний сразу!

Ася выпила чай с конфетой из мармелада и стала во сне собираться на улицу. Посмотрела в окно. Странно: во дворе даже во сне красиво, хотя уже осень. Листья на деревьях жёлтые, на асфальте мелкие лужицы блестят, небо голубое отражается в них. По небу плывут белые облака. Даже не подумаешь, что это всё во сне. Так это всё хорошо нарисовано.

Ася надела на себя платье кисейное, белые перчатки с длинными рукавами, сверху надела кофточку цвета баклажан и пошла к двери. И тут, у двери, вспомнила, что она забыла шляпу надеть. Надо же, какая дура она! У неё же голова пустая. Нет ничего на голове, кроме реденьких волос. А у неё на самой макушке во сне уже небольшая проплешинка появилась. Ветер дунет, кудельку поднимет – а там блестит что-то. Это даже во сне представить стыдно. До чего нехорошо!

Ася вернулась, надела шляпу, завязала бантиком тёмную ленту под подбородком и вышла на улицу. Софья Михайловна была уже там.

Ася взглянула на неё и удивилась. Какая она старая стала! Прямо чужая. И откуда только такая взялась? Та Софья Михайловна, которую она раньше знала, не во сне, была молодая симпатичная женщина. За ней даже один кандидат наук ухаживал целый год, цветы ей дарил. А кто на эту старуху посмотрит, если в своём уме? И зачем только ей такой нехороший сон приснился?

– Здравствуйте, Софья Михайловна.

– Привет, – отозвалась Софья.

И сразу Ася во сне подумала: а зачем это она Софью по имени-отчеству называет? Для чего? И тут же нашла ответ. А как ещё обращаться к этой старухе в шляпе, которая перед ней, если эта старуха много выше и много толще Аси? Да ещё какая-то незнакомая вся. Чужая снаружи.

– Ну, и куда сегодня направимся? – деловито спросила профессорша. Ася неопределённо пожалала плечами.

– А я предлагаю в Русский музей махнуть!

Ася снова пожалала плечами. И зачем это ей идти в Русский музей во сне? Что она там увидит? Хотя в Русском музее она и правда уже давно не была. Может, во сне ей что-то новое покажут?

– Я Врубеля очень уважаю, – между тем продолжила Софья Михайловна. – У него картины своеобразные, как у французских импрессионистов.

– У французских импрессионистов... – повторила за подругой Ася.

И удивилась тому, что даже во сне Софья Михайловна продолжает любить французскую живопись. Надо же, какая всеобъемлющая у неё натура!

До Русского музея две старухи в шляпах решили добраться на метро. Вернее, на метро они добрались только до «Гостиного двора». Потом по зебре перешли Невский проспект налево, свернули на Садовую и пошли по знакомому маршруту пешком, как в детстве ходили когда-то.

Только идти во сне Асе было тяжело. Во сне она была старая, и поэтому долго ходить ей было трудно, а Софье Михайловне и подавно. Потому что она не только старая была, но ещё и толстая. И с сердцем у неё не всё в порядке было...

И тут во сне Ася захотела есть. Она хотя и хрупкая, но есть почему-то постоянно хочет. Она молчала-молчала, а потом сказала Софье Михайловне, что голодной в музей не пойдёт. Потому что из этого музея ещё неизвестно когда выберешься. А она уже сейчас есть хочет.

Софья Михайловна возмутилась:

– И что у тебя за натура такая? Разве нельзя один раз потерпеть?

– А зачем? – удивилась Ася. – Я не на твои деньги есть хочу, а на свои. Кто мне запретит?

– Но тут по пути только ресторан японской кухни «Две палочки», – снова с раздражением проговорила Софья. – Неужели в него пойдём?

– Ну и что! Мы возьмём только варёную миногу, и всё. Форель брать не будем и омаров тоже. И всё.

– Что возьмём?

– Рыбу варёную и хлеба побольше. Японцы же рыбой питаются и рисом, а мы рис брать не будем.

– Возьмёшь ты рыбу, жди! – стала иронизировать Софья. – Тебе притащат какой-нибудь деликатес, от которого петрушкой пахнет, а денег возьмут как за квартиру и за отопление.

– Ну и пусть. И пусть! Я есть хочу, – заупрямилась во сне Ася.

Софье Михайловне пришлось вести её в ресторан.

Из ресторана Ася вышла злая и голодная, хотя оставила там полторы тысячи рублей. Хорошо ещё, что во сне. А то в реальной жизни она бы очень переживала, что зря потратила деньги. Такие деньги потратила зря, а пенсия-то ещё не скоро.

– Ну что, наелась? – стала издеваться над ней Софья Михайловна во сне.

И хотя Ася была голодная как собака, назло Софье ответила:

– Наелась. Ничего себе.

Так, разговаривая и споря, старухи в шляпах шли, шли. Потом куда-то сворачивали, сворачивали и всё никак не могли выйти к Русскому музею.

В конце концов Софья Михайловна остановилась отдышаться и сказала:

– И почему это возле Русского музея ни одной дешёвой столовой нет? Везде есть, а там, где надо, нет.

– И не говори! – возмущённо откликнулась Ася.

– Кругом туристы гуляют голодные. Дети малые. Старухи. А поесть им негде.

– Да, да, – пожевала губами Ася.

– А помнишь, раньше пирожки у входа продавали.

– Помню, – охотно отозвалась Ася, хотя понимала, что это всё во сне.

И зря она так восторженно отзывается об этом. Что было хорошего-то в этих холодных пирожках? Честное слово!

– Хорошее было время.

– И мы были помоложе, – согласилась Ася.

И тут же сама себе удивилась. Что это она такое говорит? Она и сейчас не старая вовсе. Это же сон. Вот проснётся через часик-дугой и будет снова молодой. А Софья Михайловна не проснётся. Так и останется старухой. Да, впрочем, так ей и надо, потому что вечно придумает какую-нибудь авантюру, а потом за неё красней и расплачивайся своими деньгами.

Софья Михайловна посмотрела налево, подумала и сказала:

– Нам, кажется, сейчас надо ещё раз направо свернуть. Или не надо?

– Не знай... – неопределённо ответила Ася. А сама подумала: «Да какая разница, куда сворачивать, если это во сне».

Вышли на набережную Мойки недалёко от Спасской церкви. Возле мраморного парапета остановились передохнуть. И тут Софья Михайловна как-то странно, очень длинно посмотрела на Асю, а потом и говорит:

– Ася?

– Да, – ответила Ася во сне.

– А ты не знаешь, зачем мы сюда пришли?

– Не-а, – ответила Ася.

Хотя она знала, что направлялись они в Русский музей. Потом Ася захотела есть. Они зашли в японский ресторан, поели. Потом расплатились с официантом. Расстроились, после того как расплатились, и обо всём позабыли. Пенсия-то ещё не скоро, а они такие деньги отвалили за какую-то варёную рыбу с овощами да салат из морской травы. А когда из ресторана вышли расстроенные, стали поворачивать то направо, то налево. Одна уверяла, что там уже Русский музей недалеко. Другая отвечала, что они давно идут неправильно. Не туда, куда нужно. Хотя ведь это во сне. Какая разница, куда идти.

– Всё стала забывать, – продолжила рассуждать профессорша, придерживая от ветра шляпу. – И ты тоже хороша! Мы же с тобой вместе решали пешком пройтись.

– Не-а, – снова ответила Ася, – это ты всё решила.

– Ну, тогда поехали домой.

– Поехали. Чего уж теперь, если заблудились. Не идти же обратно пешком Русский музей искать.

– Самое известное здание в родном городе не нашли, – с иронией проговорила Софья. – Кому сказать – не поверят.

– А может, его в другое место перенесли? – предположила во сне Ася.

Во сне ведь что угодно можно предположить. И ничего за это не будет. Иногда во сне такое случается, что потом объяснить невозможно. Так всё сумбурно, так неестественно.

– Ты чего это, совсем стала дура? – спросила у Аси профессорша.

– Почему?

– Такую ерунду говоришь.

И тут только Асю как током ударило. А что если это не сон? А что если это правда? Всё, что с ней происходит сегодня с самого утра. Потому что ничего сумбурного в этом сне почему-то нет. И ничего странного не происходит. Ничего из ряда вон выходящего. Всё как в жизни. И Софья Михайловна как в жизни, и город, и старческая забывчивость. И ругаются они так же, как раньше.

Неужели и правда она старуха уже? И живёт одна в трёх комнатах на улице Карла Либкнехта. И Софья Михайловна одна живёт там же. Ужас! Ужас-то какой! Ей действительно 75. Ей 75!

Лучше бы это было во сне.

ВОРОНА

В последнее время Асю на прогулке стала преследовать ворона. Ася только выйдет на улицу, а ворона уже тут как тут. Сядет рядом и наблюдает за Асей. Смотрит на неё снизу вверх и ничего не говорит. Ася смотрит на ворону и тоже нечего не говорит. Так они смотрят друг на друга, смотрят, молчат, молчат, а потом Ася начинает

нервничать. «Чего это ворона так на меня глядит? Чего этой вороне от меня надо? Чего она привязалась ко мне?»

Асе стало казаться, что ворона эта какая-то подозрительная. Какая-то странная эта ворона. Иногда, когда Ася долго смотрит на ворону, та подходит к ней очень близко и поднимает кверху свой большой чёрный клюв, как будто собирается заглянуть Асе в глаза. Как врач психиатр. Ася делает голову набок – и ворона наклоняет голову в ту же сторону. Ася двигает рукой – и ворона начинает махать крыльями.

Глаза у вороны маленькие и тёмные. Блестят как чёрный бисер. Такие глаза, как будто эта ворона всё про Асю знает. А если не знает, то догадывается. И при этом всегда настороже. Не доверяет Асе. Потому что Ася большая, а ворона маленькая.

«Вот привязалась так привязалась, так бы и запустила в неё какой-нибудь палкой», – часто думает Ася.

Но иногда эту ворону Асе становится жаль. И наблюдать за ней интересно. Должно быть, ворона эта уже немолодая. Тоже в годах. Каркать без надобности ей надоело, кружить над горячими летними крышами лень. Вот она и гуляет в прохладном сквере. Придирчиво наблюдает за всем, что тут происходит.

Ася рассказала о странной вороне Софье Михайловне. Та рассмеялась прямо в телефонную трубку:

– Нашла себе подружку, ха-ха!

– Мы не подружки, – обиделась Ася, – просто я в сквер выхожу, и она откуда-то прилетает. Видно, живёт где-то неподалёку.

– Квартира у неё рядом?

– Я не знаю, где она живёт, – призналась Ася.

– А почему ты решила, что она в годах? Так прямо и рассмешила меня!

– Так она всё время одна, – стала объяснять Ася. – Гнезда не вьёт, к вороньей стае не прибавляется. Целыми днями возле меня трётся. Странная какая-то ворона. Но глаза у неё очень умные.

– Ха-ха-ха! Глаза у вороны умные! Ну ты даёшь!

– Что тут смешного-то, не понимаю? – возмутилась Ася.

– Чушь какую-то ты говоришь. Вот послушала бы сама себя со стороны и сама бы рассмеялась.

– Да ну тебя, – вполголоса проговорила Ася и положила трубку.

Она была уверена, что Софья позвонит ей снова, но она почему-то больше не позвонила.

Ася подошла к окну, отодвинула гардину и выглянула во двор. Вороны нигде не было. Ну и слава Богу. Может, улетела куда-нибудь далеко-далеко и больше уже не появится. Надоела уже эта ворона подозрительная с тяжёлым клювом и хитрыми глазами-бусинками. Привязалась как банный лист. Проходу не даёт.

Ася уже хотела с лёгким сердцем отойти от окна, чтобы направиться в кухню, но в последний момент подняла глаза чуть выше створок форточки...

Вот тебе на! Ворона сидит на ветке напротив окна и смотрит на Асю своими чёрными глазками. Ася даже вздрогнула от неожиданности. Для чего она прилетела? Чего ей надо? Почему она тут сидит?

Ася провела рукой по халату, нашла в кармане очки, надела на переносицу и стала разглядывать странную ворону через стекло. Ворона прошлась по тонкой ветке ближе к стеклу и стала разглядывать Асю. Ася приблизила свой большой нос к окну. Ворона с той стороны вытянула свой клюв – к носу Аси. Ася от удивления чуть не сказала: «Здрасьте». Ворона деликатно промолчала. Ася поморщилась и пожевала губами...

Так они смотрели друг на друга минуты три, пока Ася не почувствовала странный холодок у себя на затылке. Для чего это она на ворону смотрит? Птица как птица, только дурная. Птица как птица, только в годах. Седая какая-то. Странная. Лучше на неё не смотреть.

– Кыш, – хриплым голосом прикрикнула Ася, чтобы прекратить это нелепое занятие.

Ворона наклонила голову набок.

– Кыш, говорю!

Ворона слегка подалась назад и отрицательно покачала головой. Дала понять, что не улетит.

– Ну надо же, какая дура! – вырвалось у Аси.

Ворона строго и осуждающе посмотрела на Асю, как бы говоря: ругаться нехорошо.

В конце концов Асе надоело препираться с вороной. Она ушла на кухню и придумала сварить себе уху из консервов. Раньше, когда рыба в консервных банках была свежая, такая уха из ставриды Асе очень нравилась. Подкупало и то, что рыбу из банок жевать было не нужно, костей в ней не чувствовалось. А сейчас рыба в консервных банках иногда попадалась с душком. Видимо, времена изменились, изменилось и качество продуктов. Хотя цена, кажется, осталась прежней. Примерно такой же осталась цена. Ася перевела рубли в копейки. Да, цена такая же.

Стоя возле кастрюли с ухой, Ася порой мысленно возвращалась к вороне. Ну надо же какая дура – эта ворона серая! Мало того, что она в сквере Асю преследует, так она ещё на ветку уселась возле окна. Разглядывает Асино жилище. У самой постоянного жилья нет, так она к Асиному приглядывается.

И тут Асю осенило: а что если это не ворона вовсе? Вернее, ворона, но в ней живёт душа Асиной бабушки Сары.

Птичий крик и бабушкино имя каким-то образом гармонировали между собой фонетически. Роднились некой ассоциацией. Сочетались. Вполне возможно, что-то из этого вытекает в перспективе переселенья душ. Бабушка в старости тоже была такая же неразговорчивая и странноватая, как эта ворона. Одевалась во всё черное, говорила грубым голосом. И нос у неё был большой. Иногда ни с того ни с сего бабушка брала маленькую Асю за плечи, останавливала и медленно приближала к ней своё бледное улыбающееся лицо, сплошь покрытое крупными морщинами. Рассматривала.

Всю жизнь бабушка была близорукой, а к старости совсем ослепла, но малолетнюю Асю очень любила. Просыпалась перед обедом и сразу спрашивала: «Где моя малышка? Где моё золотце»? Это пото-

му что Ася до трёх лет была ангелом. Белокурая, кучерявая, с большими синими глазами...

Вполне возможно, бабушка захотела снова на Асю посмотреть. Смотрит и не узнаёт. Потому что Ася сильно изменилась за последние годы. Потому что Ася сама стала как бабушка.

Ася из кухни вернулась к окну. Посмотрела на улицу. Ворона неподвижно сидела там же. В профиль ворона действительно чем-то походила на бабушку Сару. Только Софье Михайловне об этом говорить нельзя, а то она решит, что Ася совсем сошла с ума. Софья Михайловна – женщина серьёзная и в переселенье душ не верит.

– Сара, – тихонько позвала Ася.

Ворона медленно повернула к ней голову. Точно так же, как бабушка раньше голову поворачивала. Потом ворона стала продвигаться по ветке ближе к окну.

Чудеса какие-то! Что это значит?

И тут ворона произнесла это страшное слово:

– Кар-р-р-р!

Так громко произнесла, так неожиданно, что Ася не удержалась на ногах и плюхнулась на пол с открытым ртом. Хорошо ещё, что ничего не сломала. Хорошо ещё, что рядом кресло стояло. Хорошо ещё, что Ася успела ухватиться за него правой рукой. Это смягчило удар. Нет, бабушка так не поступила бы: сказать ей прямо в лицо такую гадость. Она Асю любила. Скорее всего, это правда настоящая грубая и невоспитанная ворона – обыкновенная городская птица.

КОЛОКОЛА ПОЮТ

Софья Михайловна написала два десятка стихотворений и решила издать небольшую книгу для себя и друзей.

А что? Некоторые старухи, знакомые Софьи Михайловны по университету, уже по две книги успели издать со стихами и прозой, со стилистическими ошибками и историческими неточностями, с претензией на значительность и безо всяких претензий. Пишут и пишут, строчат и строчат. Бегают по редакциям, деньги требуют. А она что – хуже? У неё что – таланта нет или дочь у неё мало получает? Ей тоже хочется на старости лет чем-нибудь блеснуть. Чем-нибудь удивить своих знакомых. Перед той же Асей себя показать, произвести на неё впечатление.

В юности Софья Михайловна с лёгкостью написала кандидатскую диссертацию на тему женской эмансипации в романах Ивана Тургенева. Потом её диссертацию напечатали отдельной брошюрой. Но это было уже давно и забылось. Сейчас эту брошюру нигде не найдёшь, да и читать её стыдно, если честно сказать. Потому что в ней больше цитат Ивана Тургенева, чем оригинальных мыслей молодого автора.

А в новой книге Софья Михайловна хотела показать себя с неизвестной ранее стороны, с другого, так сказать, боку. В этой книге она хотела стать совершенно свободной от привычных рамок и тем. Чтобы сизой горлицей взмыть в облака и могучим коршуном воз-

вратиться на землю. Искушаться в грязи житейских забот и попутно подумать о вечном. Дать простор воображению и удивить читателя мелкими деталями скучной жизни.

В новую книгу Софьи Михайловны должны были войти стихи тюремной направленности, сатирическая проза, разрушающая залежи официальной лжи, и экзистенциальное эссе, раскрывающее метаморфозы и противоречия современной жизни.

Открывало новую книгу стихотворение под названием «Детство». Там были такие слова:

*Всполохи жизни,
судеб узоры.
Зимний мороз,
остужающий взоры.*

*Прелести мира,
который обещан.
Право любви
вместе с правом затрецин.*

*Детство узорное
в линиях рамы.
Серые здания,
мёртвые храмы.*

*Лики неясные
в красном углу...
Кажется,
я никогда не умру.*

Когда Софья Михайловна ещё только приступила к созданию книги, она позвала к себе Асю и зачитала ей несколько отрывков из своей новой рукописи. Ася внимательно выслушала её и сказала, что она никогда бы не написала ничего подобного. Польщённая Софья Михайловна снисходительно спросила:

– Почему?

– Мне такая чушь никогда в голову не пришла бы, – чистосердечно призналась Ася.

– Чушь! – возмутилась Софья Михайловна. – Всё, что я тебе прочитала, – чушь!

– Ну конечно, чушь. «Всполохи жизни, судеб узоры...» Это надо же придумать такое! Х-м-м... У меня, например, никаких всполохов в жизни не бывает, и узоры только на морозном окне вижу я.

– И о чём же тогда писать, по-твоему? – раздражённо спросила Софья.

– Про войну или ворону напиши, – нашлась Ася.

– Про какую ещё ворону?

– О которой прошлый раз рассказывала я. Серая такая ворона. Всё лезет ко мне, проходу не даёт. В глаза заглядывает.

– Та, которая в годах? – переспросила Софья с усмешкой.

– Да... Или можешь про меня написать роман. Тебе всю жизнь перескажу я. Ты только записывай. А то у тебя в этой книге сплошная фантазия. Так нельзя. В книге надо правду писать.

Софья Михайловна посмотрела на Асю презрительно и сказала:

– Ничего я в своей рукописи менять не буду!

– Почему? – заинтересовалась Ася.

– Как написала, так и буду издавать. Это принципиально.

– Почему? – снова повторила Ася.

– А ты представь себе, если бы Анна Каренина не бросилась под поезд. Поехала бы с Вронским в Париж, а приехала, допустим, в Воронеж. Что тогда?

– Ну и что? За неё только порадовалась бы я, – призналась Ася.

– Но это было бы уже другое произведение. Как ты не понимаешь? В нём бы не было драмы. Оно лишилось бы того катарсиса, который приближает Толстого к Шекспиру, – поднимая вверх указательный палец, завершила свою мысль Софья Михайловна.

– А какое мне дело до Шекспира, – равнодушно отозвалась Ася, – и этого, как его – катарсиса? Она Серёжу оставила одного и маленькую Аню тоже. Детей не пожалела, дура старая.

– А разве у неё ещё дочь была? – удивилась Софья Михайловна.

– Да, была дочь. Роды были тяжёлыми. Ты разве не помнишь? Анна при родах чуть не умерла, наговорила всем лишнего, всех простила, перед всеми покаялась, и дочь свою после этого не любила... она.

Софья ещё хотела что-то спросить, но вовремя опомнилась. Она не любила ощущать себя в роли ученицы. Картинно нахмурилась и замолчала, потом отошла к окну. Снова посмотрела на Асю удивлёнными глазами и направилась на кухню наполнить чайник водой.

На кухне она глубоко задумалась. Как же так, она не помнит детали великих романов, а эта недотёпа Ася легко вспоминает о них. И это та Ася, которая иногда двух слов связать не может, чтобы не исковеркать предложение. Которая местоимение вечно ставит в конце, а глагол – в начале.

Софья Михайловна как-то некстати припомнила, что и стихи свои она иногда стала забывать. Ночью приходят на ум некоторые строки, а всё остальное стихотворение растворяется во тьме, где-то сидит, но не выглядывает. Прячется. Только иногда вдруг всплывёт ни с того ни с сего и снова бесследно исчезнет. Как будто память у неё с дверью. Открылась дверь – она вспомнила. Захлопнулась – снова не помнит ничего. И лезет в голову эта странная фраза: «атрибуты десятого аспекта». Какие атрибуты? Какого аспекта? Софье порой хочется говорить красиво и красочно, а в голове вертятся разные «атрибуты», «ассоциации», «парадоксальности», «интерпретации» и прочие ничёмные слова, которые сами по себе ничего не выражают.

– Софья! – хриплым голосом из передней позвала Ася.

– Чего, – еле слышно ответила профессорша.

– Софья, – снова повторила Ася. – Я, кажется, придумала, о чём можно целый роман написать.

– О чём? – громко спросила Софья, ожидая, что подруга снова начнёт нести какую-нибудь ерунду.

- Напиши о том, как плохо молодой душе в старом теле.
- Чего, чего? – не поняла Софья.
- О противоречии напиши... У тебя ведь душа молодая?
- Не совсем старая, кажется.
- Вот об этом и напиши.

Софья вернулась в зал и новыми глазами посмотрела на Асю. Откуда у неё такие мысли? Она всегда считала, что Ася – человек недалёкий, что она никогда всерьёз ни о чём таком не задумывается. Оказывается, она была не права. Оказывается, всё не так. И память у неё хорошая, и мысли интересные, и в глазах – загадка.

– Вот я иногда смотрю сама на себя в зеркало и не узнаю, – с горечью призналась Ася. – Мне всегда кажется, что я должна выглядеть лучше. Что ещё не такая старая я... Но нет, время идёт, человек меняется, а душа его остаётся прежней. Не хочется стареть ей. От этого, наверное, и умирать страшно мне.

– А я умирать ещё не собираюсь! – отрезала Софья.

– Я тоже. Но...

– Что?

– Вот здесь и зарыто противоречие, – закончила свою мысль Ася.

– Я не буду об этом писать, – неуверенно отказалась Софья. – Не буду.

– Почему?

– Страшно, – призналась профессорша. – Даже думать об этом не хочется, а тут надо рассуждать, описывать детали, умерщвлять главного героя. Нет, я похороны и прощания не люблю. Нет...

– Зато можно взглянуть на жизнь под своим углом. Об этом ведь никто ещё не написал, думаю я.

– Я думаю, – походя поправила её профессорша.

– Думаю я, – повторила Ася. – Я даже название придумала для этого романа.

– Какое?

– «Колокола поют», – пропела Ася.

– «Колокола поют», – повторила Софья.

– Да. «Ко-ло-ко-ла поют». Они зовут на небо, а грешной душе хочется на земле задержаться. Не всякий их слышит. Ангелы спускаются на землю под пенью их. Коло-кола поют... Слышишь?

– О чём это ты? – не поняла Софья Михайловна, сдвигая брови.

Ася сложила руки на груди, смиренно подняла взгляд к небу и повторила:

– Коло-кола поют. Кто хочет услышать – тот услышит... Душа просит чего-то высокого, как утренняя заря. Чистая душа смотрится в небо как в зеркало, а там колокола поют. Ласточки летают. И даль просвечивает насквозь.

На щеке у Аси появилась крупная слеза.

– Ты разве не слышишь? – повторила она.

– Что с тобой? – испуганно проговорила Софья.

– А я слышу... Колокола поют.

И тут только Софья услышала за окном настоящий колокольный звон. Выглянула в окно.

Под окнами её дома стоял огромный свадебный кортеж с настоящими колоколами, закреплёнными под золотистой дугой на белой машине. Молодой человек во фраке иногда дёргал за веревочку – колокола начинали петь.

– Небо зовёт. Ангелы поют, – со слезой в голосе шептала где-то рядом Ася.

ДАЧА

Софья Михайловна всю жизнь имела дачу, но сама ничего на даче не делала, только прогуливалась по дорожкам и дышала, прогуливалась и дышала. Даже разводить цветы ей не хотелось. Жить на даче хотелось, а работать на земле желания не было. Она считала, что заниматься садоводством и огородничеством ниже её достоинства. Ниже той планки, на которую она поднялась.

Пока был жив муж, он выстроил на даче приличный деревянный домик. Посадил перед домом несколько яблонь и кустов чёрной смородины. Потом между яблонями вскопал грядку для зелёного лука и листового салата. Софья Михайловна говорила, что этого делать не нужно. Всё на базаре можно купить. Однако зелёный лук и салат почему-то очень быстро шли в дело. Как-то незаметно попадали то в суп, то в уху.

Но когда мужа не стало, за садом уже никто не ухаживал. Яблони росли и плодоносили сами по себе, смородину затынуло крапивой. А потом между яблонями и кустами смородины как-то неожиданно поднялись берёзы.

Так постепенно дачный участок Софьи Михайловны стал превращаться в лесные дебри. В чащобу. И всё бы ничего, но в летнюю пору эти дебри становились такими густыми и тёмными, что Софья Михайловна иногда опасалась в них заходить. Она боялась ненароком встретить там волка или медведя.

Однажды вечером прогуливаясь по саду, она заметила возле корневой сухой яблони тёмную спираль змеи, которая быстро расправилась и отползла от тропинки в сторону. После этого случая Софья решила, что с дикой растительностью на даче надо кончать. Надо начинать с ней бороться.

Кто-то из соседей по дачному посёлку посоветовал Софье Михайловне нанять для этой цели Константина Семёновича Лопатина, который всё умеет делать своими руками. Этого человека все местные жители почему-то называли Семёнычем и обращались к нему как к старому знакомому...

Семёныч был мужик выпивающий. Он нигде не работал, жил много лет случайными заработками и ходил по дачному посёлку в пятнистом комбинезоне с погонями.

Его приглашали перекапывать грядки, ремонтировать заборы и косить траву. Семёныч никому не отказывал, но при этом ничего не делал даром. Если при сильном ветре из ветхого забора у какого-нибудь дачника случайно вываливалась всего доска, то Семёныч

водружал её на место за строго определённую плату. Он принципиально не делал ничего просто так. Даром он только матерился.

– Я за спасибо ничего не делаю, – предупреждал Семёныч перед началом работы. – Как говорится, спасибо в стакан не нальёшь. Я сделал работу – вы заплатили. Остальное не ваше дело.

Под «остальным», скорее всего, подразумевалось то, как будут истрачены заработанные Семёнычем деньги. Потому что Семёныч эти деньги откровенно пропивал. Причём его работа продолжалась примерно то же количество дней, которое потом было использовано для отдыха в нетрезвом виде. Тут тоже было всё конкретно. По принципу: заработал – пропил. Ещё заработал – снова пропил.

– Ну, какая у тебя работа? – спросил Семёныч у Софьи Михайловны, как только появился возле её дачи.

Он ко всем обращался на «ты» и не видел в этом ничего необычного.

– Здравствуйте, – громко поздоровалась с ним Софья Михайловна, таким образом давая понять, что для начала надо бы её поприветствовать, надо бы представиться как положено.

– Привет, – тем же тоном ответил Семёныч. – Зачем звала, говорю?

В первый момент этот напор деревенского мужика Софья Михайловна сочла за хамство. Но предпочла сдержаться и начала объяснять суть дела.

– Сад у меня немного зарос, знаете. Ситуация такая сложилась, что...

– Запустила, – грубо перебил её Семёныч, деловито озираясь по сторонам. – Засрала.

– Тут у меня яблони росли, а потом березняк откуда-то взялся... И...

– Сколько лет ты здесь не была-то? – снова громким голосом перебил её Семёныч, не дослушав ответ. – Лет десять, поди?

– Нет. Я каждый год приезжаю.

– Не ври, – осадил её Семёныч, – если бы каждый год приезжала, тут у тебя был бы порядок, а не бардак.

– Я... я на дачу не работать приезжаю, а... отдыхать.

– Оно и видно! – укорил Семёныч.

– Ну, знаете! Что вы перебиваете меня?! Что вы мне грубите?! – возмутилась Софья Михайловна и сделала губы коромыслом. – Я так разговаривать с людьми не привыкла. Должно же быть какое-то уважение к человеку. Какой-то пиетет.

– Чего это? – не понял Семёныч.

– Пиетет, – повторила Софья Михайловна.

– Так... значит, тебе работать не надо? Тебе, значит, ругаться охота? Я прихожу к ней как к человеку, а она мне пургу гонит!

– Какую ещё пургу? Вы о чём? – возмутилась Софья Михайловна.

– Вот чего: тебе работу делать надо или не надо?

– Надо.

– Что конкретно? – переспросил Семёныч.

– Деревья лишние убрать и кусты.

– Вот... так бы сразу... Дерево с распиловкой и приборкой – тысяча рублей. Куст – пятьсот.

– Тысяча рублей за дерево! – удивилась Софья Михайловна. – Да ещё с руганью вашей...

– А ты как хотела? – огрызнулся мужик. – Мне надо пилу принести из дома. У тебя ведь пилы-то нет. Бензином её заправить. У тебя ведь бензину-то тоже нет. Дерево спилить да сучки обрубить. Раскряжевать его, а потом ещё мусор прибрать... Это недорого. Это ещё дёшево будет, едрёна мать...

– А вы... вы не могли бы не выражаться? Просто назвать общую сумму – и всё, – сдерживая неприязнь и раздражение, проговорила Софья. – Сколько это всё будет стоить?

– Сейчас, – с готовностью ответил мужик и бесцеремонно пошёл прямо по одичавшим цветам и высокой траве куда-то в дачную чащобу, прикидывая количество крупных деревьев и кустов на запущенном участке.

Не прошло и двух минут, как он вернулся назад и назвал примерную сумму.

– Четырнадцать тысяч пятьсот.

Софья Михайловна всплеснула руками:

– Это же полторы моих пенсий!

– Эка невидаль – полторы пенсий! – повторил за ней мужик. – А сколько тут работы будет, тебя не интересует?! Тут работы на две недели, не меньше. Что, я две недели даром на тебя буду горбатиться? На кой леший мне это надо?

Такого хамства от деревенского мужика Софья Михайловна снести уже не смогла. Это было выше её сил. Это было уже за пределами её терпения. Это было вообще чёрт знает что. Она выпрямила грудь, набрала в лёгкие воздуха, театрально вытянула правую руку в сторону калитки и закричала:

– Вон! Убирайтесь отсюда вон! Чтобы духу вашего...

– Не ори, – спокойно ответил ей мужик. – Я сегодня работать и так не буду. Завтра приду. С пилой.

– Вон! – указывая рукой на калитку, кричала Софья, выкатив глаза.

– Завтра приду, говорю. Не ори! Слышу я.

– Вон!

Софья Михайловна думала, что после ухода этого противного мужика она уже не сможет успокоиться. Что её, чего доброго, хватит удар. И если она после такого удара выживет, то сегодня же вечером соберётся и уедет отсюда в город, чтобы больше никогда сюда не возвращаться. Никогда! Потому что это выше её сил – разговаривать с глупыми людьми, жить с ними рядом, стараться понять. Это такое наказание!

Но посидела в тени раскидистой яблони полчаса, посмотрела на яркую зелень, залитую солнечным потоком, понаблюдала за облаками сквозь ажурную листву у себя над головой – и успокоилась.

Успокоилась и стала мысленно оправдывать деревенского хама. Стала думать, что это у него от усталости, от тяжёлой работы в голо-

ве появляются грубые мысли. А в душе-то, должно быть, он человек хороший, добрый, просто разговаривать с людьми не научился. Возможно, некогда было учиться. Возможно, детство у него было тяжёлое. Мать его не любила или отец поколачивал. Это бывает с сельскими тружениками. Они всё вынесут, всё стерпят, но заставь их со сцены выступить – они двух слов связать не смогут. Не привыкли. Нет в них того артистизма, которым Софья Михайловна обладает с детства.

Нужно ли их за это ненавидеть? Нужно ли на них за это обижаться? Ясно, что нет. Не нужно. Это не их вина. Это издержки той среды, в которой они врастают.

В общем, когда на следующий день утром она услышала в саду шум работающей пилы, она поняла, что Семёныч на неё не обиделся. Что он пришёл делать своё дело, и на душе у Софьи Михайловны стало радостно.

Она видела, как ловко Семёныч управляет пилой, как быстро переходит от дерева к дереву, как намокает от обильного пота его широкая спина. И ей стало казаться, что он вчера был не грубым, а правдивым. Что в его словах была не наглость, а искренность.

Как же она может не доверять такому человеку, как может его в чём-то подозревать? Когда он всем жителям посёлка старается помочь, всем угодить. И помогает он не словами, а делом. В его руках всё кипит, приобретает форму, оживает.

Когда Софья Михайловна для приличия вышла в сад, чтобы поздороваться с Семёнычем, он заглушил пилу, распрямился, поздоровался с ней как все нормальные люди и спросил:

– Обедом меня покормишь, хозяйка?

– А что вы любите на обед?

– Чего есть, то и ем, – кратко ответил Семёныч. – Я к деликатесам-то не привык. Но если сто граммов подашь спиртного, то я не откажусь. Если выпивать в меру, то это работе не мешает. А я, когда работаю, много не пью. Нет...

– Как хотите, – ответила Софья Михайловна и ушла в дом готовить обед...

Когда пришло время обеда, Семёныч без стука зашёл в дом и спросил:

– Ну что, хозяйка, едево готово?

– Что, извините? – не поняла Софья Михайловна.

– Едево. Еда какая-нибудь.

– Это вы так суп называете или кашу?

– Да что есть, то и называю. Какая разница.

– Как странно.

– Ничего странного. Дед мой так говорил, и я говорю. Для сытости-то всё одно – что суп, что каша, если в ней мясо есть. А если мяса нет, то это похлёбка. Её свиньям швыркать, а не людям есть.

Софья Михайловна выставила на стол суп из курицы, аккуратно нарезала колбаски, приготовила салат из помидоров. В общем, сдела-

ла всё то, что готовила раньше мужу. Ему нравилось. Софья Михайловна решила, что понравится и Семёнычу.

Семёныч снял картуз, сел за стол, взял в руку большой кусок чёрного хлеба и в таком положении замер, вопросительно глядя на хозяйку.

– Ещё что-нибудь? – услужливо спросила Софья.

Семёныч молчал.

– Что-то не так? – снова спросила Софья.

Семёныч молчал.

– Не понимаю я вас, – призналась Софья Михайловна.

– Да можно бы... сто грамм за почин чего-нибудь... покрепче, – наконец произнёс Семёныч.

– Ах, это... – опомнилась Софья и метнулась в соседнюю комнату. – Сейчас, сейчас...

– Я в обед много-то не пью, – поспешил оправдаться Семёныч, – только так, для бодрости. Из уважения.

Что означало для Семёныча это словосочетание «из уважения», Софья Михайловна толком не поняла, но решила, что такова здешняя традиция. Она не должна её нарушать, потому что плохо представляет возможные последствия. Да к тому же от одной рюмки ничего с её работником не случится.

Софья Михайловна принесла и выставила на стол бутылку водки. Семёныч отложил в сторону хлеб и удивлённо посмотрел на хозяйку. Она снова не поняла тайный смысл этого взгляда. Он просил налить ему чего-нибудь покрепче. Она принесла. Пусть наливает, сколько ему нужно. Чему тут удивляться?

Она не знала, что это был очень опрометчивый её поступок. Никто Софью Михайловну не предупредил, что Семёнычу нужно было вынести одну рюмку водки. И всё. И больше – ни капли, ни под каким предлогом, пока Семёныч не закончит намеченную на день работу...

Короче говоря, обед затянулся до вечера. До того времени, пока Семёныч не выпил бутылку до дна и не стал намекать на следующую, если есть в запасе. Не для пьянки, а так, в силу сложившихся обстоятельств. Потому что они с Софьей Михайловной прекрасно беседуют тут, на кухне, о серьёзных вещах. Потому что она удивительно чуткая, прекрасная женщина, с которой можно на любую тему поговорить. Не то что его Клавка. С Клавкой так не поговоришь. Она вечно в огороде стоит кверху попой и от него разную хрень требует. То шланги на речку тянуть, то картошку полоть и окучивать, то крапиву косить за оградой. И вечно Клавка ему работу ищет. Как будто делать ему нечего. Так бы и дал ей по башке.

Услышав эти высказывания Семёныча, Софья Михайловна вновь захотела проявить характер и выставить этого прощелыгу за дверь. Но вовремя опомнилась. Она с пьяным мужиком одна не справится, а на подмогу ей позвать некого.

Так и досидела на стуле в углу до темноты, затылком чувствуя весь сумбур, всю непомерную тяжесть мрачной сельской жизни. И была счастлива, когда едва живой Семёныч наконец покинул её жилище сам, без посторонней помощи.

НОЧНЫЕ МЫСЛИ

Однажды Ася проснулась утром очень рано, когда в комнате было ещё темно, и сразу испугалась чего-то. Ей прямо так страшно стало, что она долго боялась глаза открыть. Лежала под одеялом и не шевелилась. Прислушивалась, как бьётся её сердце. Прислушивалась-прислушивалась и поняла, что сердце у неё бьётся как-то не так. Как-то слишком часто и неуверенно бьётся оно. Раньше оно так не билось. И за окном шипит что-то. То ли дождь идёт, то ли ветер дует.

Ася вспомнила, что сны в последнее время ей снятся какие-то странные. Однажды приснился сон, как будто у неё настенные часы исчезли. Шли-шли и ушли куда-то сами по себе. Она их ищет-ищет, а найти не может. Часы где-то тикают, зовут, манят, только она не может понять, где именно они спрятались. У неё времена такое впечатление, как будто часы эти тикают в левом ухе. Но такого не может быть. Она открывает какие-то двери, заглядывает в шкафы, скопившие запах нафталина. Нет часов нигде. Отрывается от дверей, включает память, высвечивает прошлое. Но в памяти тоже ничего подозрительного нет. Никакой ниточки.

А потом ещё приснилось, как будто она снова учится в институте, который не закончила. В институте надо зачёты сдавать и к экзаменам готовиться. Как будто она студентка опять. Асе так страшно стало от этого сна, что она почувствовала, как у неё ноги похолодели. В институте тёмные коридоры, двери высокие скрипят, мыши по полу бегают и никого из знакомых рядом нет. Все чужие. Никто её не знает. И как будто она уже в годах, а они, студенты, все молодые и румяные. Ася во сне понимает, что учиться ей поздно, что она уже на пенсии давно. Но отказаться от учёбы почему-то не может. Да ещё за эту учёбу во сне надо деньги платить, а у неё денег кот наплакал. Хоть побираться иди, честное слово! «Подайте Христа ради на учёбу бедной пенсионерке с незаконченным высшим образованием...»

А ещё порой снится, будто она с экзаменов убежала, и какие-то люди в спортивных костюмах её догоняют. Догоняют и догоняют, стучат подошвами где-то сзади. Топот ног отражается от стен и ударяет ей по затылку. Как будто с экзаменов убежать нельзя. Как будто это преступление.

Она бежит-бежит, старается где-нибудь спрятаться, а её догоняют. Она по железной пожарной лестнице хочет забраться на крышу какого-то здания. Забирается, забирается... Рукам от железа холодно. Ветер свистит. И уже на самом верху, у самого карниза вдруг видит, что в метре от крыши железная лестница обрывается. Надо встать на верхнюю ступеньку и до карниза тянуться. А там, прямо над карнизом – звёзды и луна, настолько это всё высоко и страшно.

Хорошо ещё, что этот сон ничем не заканчивается. Потому что она просыпается от страха. А то бы упала и разбилась об асфальт.

И потом, когда она уже без сна лежит на кровати, ей всё равно как-то нехорошо. И приснится же такое! Софье Михайловне, скорее всего, плохие сны не снятся. Она институт, как все люди, вовремя

закончила, потом аспирантуру. Она всегда жила спокойно и размеренно, ни от кого не пряталась, не убегала...

Скорее всего, на улице дождь идёт, вот и лезет в голову разная чушь. Это из-за перемены погоды. И правая рука у неё с вечера побаливает в локте. Это тоже из-за погоды. Она вчера долго уснуть не могла, всё ворочалась, ворочалась, всё растирала свою больную руку, растирала. Хотя рука до этого сильно не болела. Или болела? Нет, не болела, кажется. Нога болела, а рука не болела.

А ещё ночью Ася чувствует себя одинокой. Как будто все люди вместе, а она отдельно. Все спят, а она не спит. Все храпят, а она даже храпеть не может. Всем снятся хорошие сны, а ей – кошмары.

И мысли ночью у неё какие-то непривычные, неправильные. Один раз только вспомнилась молодость, летние тёплые дни. Как будто она на даче. Солнце светит, ветерок колышет зелёную листву, вороны стаями летают. И как будто она с рогаткой охраняет от ворон спелые яблоки в саду. Папа её рогатку сделал из автомобильной резины. Рогатка хорошая получилась. Стреляет метров на тридцать. Только прицельно бить у Аси не получается. Ася наберёт небольших камушков на речке и ходит весь день по саду с рогаткой, высматривает ворон. Выследит ворону, осторожно подкрадётся к ней, натянет резину и выстрелит. Камушек пролетит мимо, ворона испуганно взлетит, закаркает и сядет на вершину берёзы, которая сразу за садом. Ася выйдет из сада через калитку, стараясь не скрипеть, подкрадётся ближе к берёзе, высунув от усердия кончик языка, поднимет голову вверх, отыщет глазами ворону, натянет резину на рогатке и снова выстрелит. Ворона испуганно встрепенётся, нырнёт с ветки вниз и начнёт планировать к лесу. «Кар-р-р, кар-р-р». Ася смотрит ей вслед и улыбается: ещё одну воровку прогнала...

Из яблок в детстве мама варенье варила и компот. С яблочным вареньем Ася любила чай пить. Потому что от яблок между зубов ничего не застревало и вкус у варенья был кисленький. А малиновое варенье Ася не любила. Потому что от малинового варенья всегда в зубах что-нибудь застрянет. А если на застрявшую косточку случайно надавишь, то можно без пломбы остаться. А когда новая пломба из зуба выпадет – прямо плакать хочется. Опять к стоматологу нужно идти, опять рот открытым держать полчаса...

Яблоки ели вороны, клубнику – дрозды, капусту – слизни, а на морковь нападали кроты. От всего этого зверья на даче нужно было обороняться. То есть дача была местом работы, забот и строительства. Ехали на дачу отдыхать, а когда приезжали – работали там от зари до зари и никаких красот не видели. Ничего не чувствовали, кроме усталости.

И только осенью, когда всё выращенное было прибрано, только тогда Ася приезжала на дачу отдыхать. Только тогда замечала, что рядом с дачей растут красивые деревья, в густых зарослях птицы поют, а вечерние длинные тени пересекают дачный участок по диагонали, как на картинах Левитана.

**Алина
СЕРЁГИНА**

БАБОЧКА И ОКЕАН

КАФЕ

Спит кофе, пока подходит выпечка.
Новый кофе смолот, старый выпит,
И само оно, по сути, выскочка,
А по форме параллелепипед.
Может, чай и сахар перехватите,
Голову вскружите чайным ложкам
Там, где, ошалев от мая, скатерти
Шлёпают столы по голым ножкам...
А кофе запахнуть бы шафранами,
Заиметь коктейли модных баров,
И оно флиртует с ресторанами,
Как ребёнок, плясь на швейцаров...
Стать бы поизысканней! В быту оно
Боевое – мир, мол, не для мирных...
У него всё будет как задумано –
Так всегда бывает у настырных.
Выйдет на проспект из переулочка,
Зачерствеет от ежедневных скачек,
Но пока – уютное, как булочка,
И корицей пахнет, как калачик.

-
- Алина Александровна Серёгина – автор двух поэтических сборников «Право на тебя» (2010) и «Рифмы до востребования» (2013). Публиковалась в «Литературной газете», альманахе «Русский смех» и др. Дипломант премии «Золотое перо Руси–2012» в номинации «Лучшее посвящение Великой Отечественной войне», финалист премии сайта «Стихи Ру» «Народный Поэт-2015». Лауреат Второго Международного поэтического конкурса «Россия, перед именем твоим...».

В 2013 году совместно с поэтом Сергеем Леонтьевым создала творческое объединение «Остров», направленное на возвращение поэзии на сцену и её театрализацию. Совместно с Сергеем Леонтьевым выступает с концертами театрализованной поэзии.

Член Союза журналистов Подмосковья.

ШОКОЛАДКА

Сегодня так: уже нельзя обратно!
Куда теперь, раз села у огня?
Ты стягиваешь фантик аккуратно
С подтаявшей от нежности меня –
Снаружи – яркой, под обёрткой – сладкой,
Но лучше б не выбрасывал фольгу!
Я буду самой горькой шоколадкой,
Касавшейся твоих горячих губ...
Глазами этой бездны не измеришь,
Словами не ответишь на искус!
Я знаю: ты и сам себе не веришь
И осторожно пробуешь на вкус.
Я тоже не могла себе представить,
Что стану вдохновением творца
И буду таять, таять, таять, таять
До срока – да, но – нет, не до конца!

Целуй меня, пока я отвечаю,
И верь в меня, покуда я не лгу...
Пока могу, горчу, не огорчая,
А после – просто спрячусь под фольгу.

КАК В КИНО

Нас двое, а счастье огромное и одно.
Забавно, когда босиком переходишь грани...
Похоже, мы просто попали с тобой в кино,
Но только не в зал – а героями на экране.

Всё звёздно – и час наш, и небо над головой.
Покуда они нам даны, мой хороший, пей их!
Сюжетная линия тоньше береговой,
Мы – за руки. Мы балансируем на обеих.

Не смотрим на время (ему нас не запылить!),
На зрителей с колой, не слушаем хруст поп-корна.
Ты скажешь: киношное счастье возможно длить –
Назло режиссёру, сценарию непокорно.

Но только покажется: этот сюжет знаком,
Его повороты подвластны нам и нехитры –
Как что-то по коже прокатится холодком...
Ты скажешь, что это мурашки...
А это – титры.

БАБОЧКА И ОКЕАН

Говорит – не трусит, вошла, мол, в раж, но
Это всё бравада и сплошь враньё:
Перелётной бабочке очень страшно –
Ведь стихия в общем-то не её.

Так тоскливо – впору повить белугам!
Пауками волны ей сеть плетут,
А она привыкла порхать над лугом –
Там цветы и травы... А тут, а тут...

Глянет вниз – и бездна, и колот лёд в ней,
Ей кричат осколки, друг друга злей,
Что они видали поперелётней,
Покрылатей знали, пожуравлей,

Пострастней мечтавших о дальней дали,
Пополней хлебнувших полёта вкус –
Да и те частично не долетали:
Выдыхались или теряли курс...

Океан под крыльями флибустьерит –
Всё ему нагуливать аппетит...
Но она, конечно, летит и верит,
И хотя, конечно, не долетит,

Океану крошкой став к обеду,
Не увидев джунглей и их лиан...
Океан заметит свою победу.
Океан расплатится. Океан –

И непобедимый, и безызъянный,
И опасный другу, как и врагу –
Будет долго-долго шататься пьяный
И громить трактиры на берегу.

БЕССРЕБРЕНИЦА

Я с годами не стала умнее и праведней –
Если можешь, прости, дорогой человек!
Я бы тоже хотела, чтоб всё было правильной,
Чтоб проснуться – а нынче Серебряный век,

Чтобы рифмы текли горячо и бесповодно –
Хоть раскрашивай души, а хоть полосать.
Но давай о насущном. Мне страшно и холодно,
И, по-моему, я разучилась писать.

Вот бы слова живого, и чтоб невзначай оно
Объяснило тебе: не порань, не обидь! –
Потому что сейчас мне темно и отчаянно,
И, по-моему, я научилась любить.

Сколько мыслей отсеяно, строчек перебрано –
Я искала таких, что молчанью сродни...

Извини, если вышло не очень серебряно,
Извини...

УЛЫБАЙСЯ, ДЕВОЧКА...

Оттого, что небо бывает чёрно,
Не ценней ли, девочка, синева?
Не жалеи о том, что сажала зёрна –
Пусть местами выросла трын-трава.

Поклевали вороны-ястреба всё –
Журавли залечат досаду ту.
Улыбайся, девочка, улыбайся
На обиды, зависть и клевету.

Понимаю, девочка, сводит скулы,
Только мир утопий недостижим!
Оттого, что в море живут акулы,
Разве стало море тебе чужим?

И о чём тут плакать, ломая руки –
О предавшем просто и не скорбя?
Не жалеи ни дня о предавшем друге –
Может, много выручил за тебя!

Может, грош неломаный или даже
Целых тридцать выудил серебром...
Вроде, души выгодны для продажи –
Разживётся, значит, теперь добром!

Много будет лживых и пустошумных...
Улыбайся искренне всем подряд!
И прощай их, девочка, неразумных –
Видит Бог: не ведают, что творят.

ДО И ПОТОМ

Год сорок первый. Июнь. Ожиданье
Счастья, которое будет потом.
Та, что ждала паренька на свиданье,
Встала у зеркала в платье простом.

Шёл он к любимой, признание готова,
Как от смущенья слова не забыть?
Всё на планете светилось любовью,
Всё было так, как должно было быть:

Лето, котёночки льнувшее к детям,
Солнце, дразнившее днём фонари...
Этот июнь был его двадцать третьим –
Что может быть не таким в двадцать три?

Только беда, что грозила Отчизне,
Только беда, что не ходит одна.
Жирная линия чёрным по жизни:
Двадцать второе июня. Война.

...Май. Ликование. Год сорок пятый.
Жизнь поделилась на «до» и «потом».
Та, что ждала возвращенья солдата,
Встала у поезда в платье простом.

Дождь ей на плечи застенчиво капнул,
Будто бы знал, что творится внутри...
Это она постарела внезапно,
А пареньку до сих пор двадцать три.

ПРОЩЕНИЕ

Снег не идёт – глядит в проём оконный,
Как женщина, забыв про важность строк,
Не встав с колен, молчит перед иконой,
Где лик Марии светел, чист и строг.

Мария не отдаст её наветам,
Убережёт, укроет снегово...
И женщина сияет мягким светом,
Узнав благую весть под Рождество.

Беззвёздно небо – тёмная портьера...
Прости её, Господь, благослови!
Её всегда спасала только вера
В отсутствии надежды и любви.

Расстелен снег – большое полотенце,
Земля укрыта – кажется, чиста...
И вновь на ней рождаются младенцы –
Прощеньем за распятого Христа.

К 105-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ БОРИСА ОЗЁРНОГО

*Борис Озёрный на фронте.
Январь 1944 года*

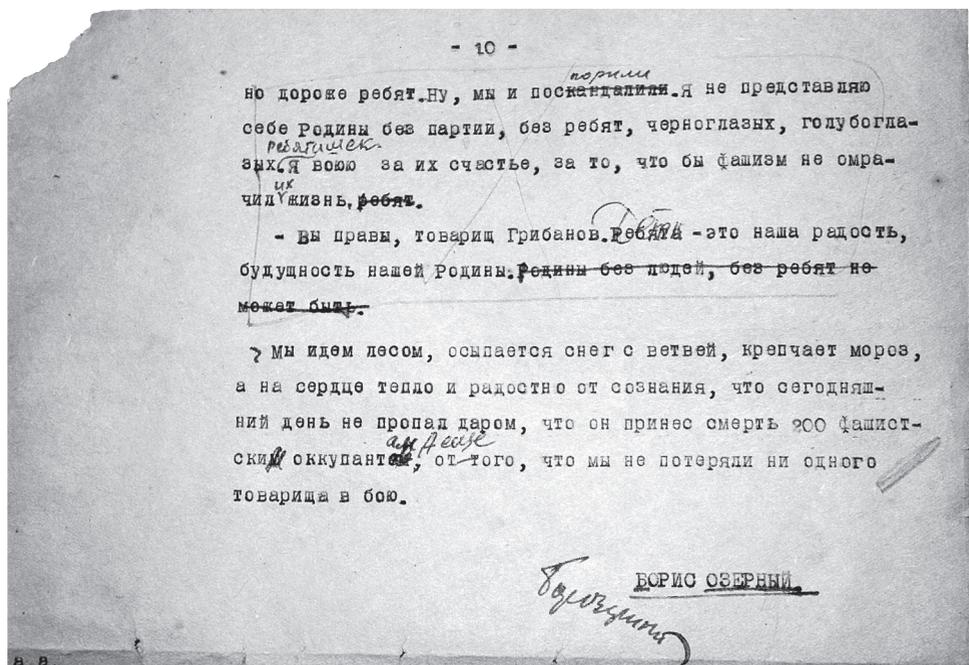
«Борис Озёрный был участником ещё войны в Финляндии. Надо напомнить, что он был лыжник отменный, физкультурник, а во время войны с белофиннами – разведчик. И там же, на фронте, написал стихотворные произведения, много блестящих стихов. И позже по этим материалам фронта написал свои «Рассказы разведчика».

Очень интересная, хорошая книжка... В годы Отечественной войны он был не только журналистом, но и выполнял ряд боевых заданий» (М. П. Котов. Из книги Лейлы Бочковой «Память не молчит»).

Рассказ Б. Ф. Озёрного «Боевая разведка» – лучшее подтверждение этим словам. Этот рассказ был написан на фронте и, по-видимому, должен был войти в сборник под названием «Рассказы бывалого солдата». Рукопись была отправлена Борисом Фёдоровичем Озёрным в Саратов. Но рецензент критически отнёсся ко всем рассказам, вошедшим в книгу. Главное, в чём он обвинял писателя, – в неумении отобразить советский патриотизм. *«Особенности нашего патриотизма, как советского патриотизма граждан, защищающих советскую Родину, автором совершенно не раскрыты. А между тем его герой – кандидат в члены ВКП (б)!»* Вот такой вывод сделал в 1944 году неведомый критик о рукописи, присланной с фронта.

Два полуистёртых, пожелтевших машинописных листочка без подписи тоже хранились в архивной папке Б. Озёрного вместе с рассказом, испещрённым авторскими исправлениями и критическими замечаниями цензора.

Хотя концовка рассказа, где автор и политрук Грибанов рассуждают о любви к Родине, не случайна, именно этот отрывок вычеркнут зелёным карандашом в рукописи. Кем – нетрудно догадаться.

Думается, настало время, приуроченное к 105-летию со дня рождения Бориса Фёдоровича Озёрного, познакомить сегодняшнего читателя с рассказом «Боевая разведка», как с одним из лучших его прозаических произведений.

Светлана Дурнова,
член Союза журналистов России

**Борис
ОЗЁРНЫЙ**

БОЕВАЯ РАЗВЕДКА*

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

I

Тихая морозная ночь. Небо подёрнуто тонким слоем облаков. Сквозь оконце между ними холодно и отстранённо смотрит луна на заиндевевшую землю. Величественный русский лес стоит залитый лунным светом, протягивая к небу озябшие вершины с белыми шапками снега. Сейчас, ночью, лес кажется строже, задумчивей и выше.

По обе стороны просеки стоят высокие ели, вытянувшись, как на параде, ровными рядами. Мы идём по тропе: впереди – старший лейтенант Басий, за ним я, за мной политрук Грибанов, а далее все 25 разведчиков идут цепочкой, все в белых халатах, с автоматами за плечами, с запасными дисками к ним и гранатами на поясных ремнях.

Вспомнилось, как ровно два года назад вот в таком же изыбшем лесу мы, будучи в разведке, столкнулись с финскими щюцкоровцами**. Нас было восемь разведчиков-лыжников, а щюцкоровцев – двадцать. Они нам кричали: «Сдавайтесь!» Мы же им отвечали очередями из своих автоматов. Стреляли долго, до наступления темноты, стремясь даром не отдавать свои молодые кипучие жизни.

Более половины белофиннов выкосили мы, а когда совсем стемнело, стали уходить, продолжая отстреливаться, унося на плечах трёх убитых товарищей...

Из кустов выпрыгнул красноармеец, преградив нам путь.

– Пропуск!

Окрик сразу оборвал мои воспоминания.

– «Штык!»

Басий сообщает часовому пароль, и тот уже с мирными нотками в голосе говорит:

– Проходите!

Теперь от немцев нас отделяет чистое поле, каких-нибудь 500 метров. Но это самый трудный, самый опасный

* Рассказ печатается с небольшими сокращениями.

** Щюцкоровцы – солдаты финской армии.

путь. Каждый метр площади, каждый кустик пристрелян немцами. Нам предстоит пройти это опасное поле и зайти в тыл врага, минуя его «секреты» и боевые охранения.

На лесной опушке мы остановились, чтобы немного передохнуть. Немцы держат поле под наблюдением. То и дело взлетают ракеты, от их голубого света становятся видны все кустики, все тропинки. Угасают ракеты – и сразу прозрачней и неприглядней становится снежная равнина.

– Всё равно пройдем! – говорит Басий.

В его голосе слышится уверенность. Он вызывает командиров групп и приказывает:

– Будем двигаться так: справа – Стоякин, слева – Грибанов, замыкающим – Мунц, я – в центре. Вперед выслать дозорных. Без моей команды не стрелять. Соблюдать осторожность и абсолютную тишину. Шагом марш!

Идем по следам дозорных. Их едва видно, маскировочные халаты сливаются со снегом, за 30 метров дозорные превращаются в невидимок. Идти тяжело. Глубоко вязнут ноги в сухом, сыпучем снегу.

Неожиданно взлетает вверх ракета. Мы плашмя, как снопы, падаем в снег. Стало светло, будто днём. Ещё не угасла одна, а уже взлетает другая, третья... Басий лежит рядом.

– Боятся, – шепчет он мне на ухо.

Я утвердительно киваю головой. После утомительной ходьбы по снежной целине начинает зябнуть взмокшая спина. Холодно.

А немцы не успокаиваются. Как на карнавале, пускают они ракету за ракетой. Наконец погасла последняя ракета, оставив при падении бледный след. Мы встаём и быстро идём вперёд.

Подходим к деревне П. Уже одно то, что не слышно здесь ни собак, ни петухов, говорит о том, что в деревне немцы. Там, где они, ничего нет живого: всё убито, растоптано, уничтожено.

Напряжённо, до боли в глазах смотрим в ночной сумрак. Но ничего не видно. Вокруг тревожная, мёртвая тишина.

Басий посылает вперёд трёх разведчиков, чтобы найти безопасный проход.

Снова лежим в снегу. Из леса, что чернеет правее нас, доносится отрывистый, нерусский говор. Кто-то из разведчиков кашляет тихо, приглушённо. Но в тишине, когда ясно слышишь биение собственного сердца, этот кашель громко отдаётся в ушах...

Появляются разведчики, докладывают, что по деревне ходят патрули, в лесу боевое охранение. Огородами можно пройти вглубь. Басий встаёт и первым перелезает через изгородь. За ним потянулись остальные. Кто-то чересчур сильно опёрся о лёгкую жердь, и она треснула громко, прямо-таки как пушечный выстрел.

– Ложись! – с досадой в голосе приказал Басий.

Лежим десять, а может быть, и пятнадцать минут. Немцы, вероятно, не придали значения одинокому треску, а возможно, не слышали его. По-прежнему кругом всё тихо и спокойно. Басий встал и молча махнул рукой. Мы пошли за ним.

За деревней сворачиваем в лес и, ориентируясь по компасу, направляемся к совхозному посёлку. Басий знает эту местность исключительно хорошо. Месяц назад у совхозного бора была расположена огневая позиция его батареи. Когда наши части отходили на новый рубеж, он верхом объехал все окрестные дороги, пешком прошёл по всем лесным тропинкам.

– Вот здесь мы будем ждать утра, – заявил Басий.

II

Настелив хвойных веток, улеглись, и уже многие храпят. Разрешено, соблюдая осторожность, курить. Мы с Грибановым свернули «козьи ножки», затаились, не курили ведь более шести часов, и сейчас сладким и ароматным кажется вкус махорки.

– Посидим, – предложил Грибанов.

– Отдохнём, – согласился я.

Разговорились. Он тепло рассказывает мне о своей дочке. При свете «папиросы» я рассматриваю фото белокурой двухлетней девочки.

– У меня тоже две дочери, – говорю я Грибанову. Старшую я назвал Линой, в честь испанской народной героини Лины Одены. Моя дочь родилась в 1937 году, в тот день, когда в печати сообщили о гибели славной Одены. Тогда же я написал стихотворение, посвящённое рождению моей дочери:

*...Я выращу тебя достойной сменой,
Чтоб ты в учёбе, в жизни и в борьбе
Была во всём похожа на Одену,
Чьё имя я с любовью дал тебе.*

Так увлёкся я, рассказывая о Лине Одене и о своей Линусе, что не заметил, как Грибанов заснул. Я встал, наломал ещё охапку хвоя и тоже стал укладываться спать.

Рядом тихо переговариваются бойцы. Узнаю по голосу сержанта Косова:

– Ещё живут сволочи на нашей земле. Вот летом, когда мы три дня выходили из окружения, у нас во рту не было ни крошки хлеба. Шли всё время лесом, болотами. И вот мы всё-таки рискнули зайти в деревушку, где были немцы. Пробрались огородами, зашли в один дом. Лежит на кровати женщина. Мы попросили у неё какой-нибудь еды. Она живо вскочила, принесла два горшка молока. Потом мы поинтересовались, как немцев встречают здесь?

– По-разному, – отвечает.

Подошла к окну, отёрнула немного занавеску и говорит:

– Вот, взгляните напротив.

Посмотрел я, и злость забушевала в груди. В том доме окно не занавешено, и хорошо видно: сидят фрицы, блаженствуют за столом, а хозяин угощает их, угодливо сгибая спину.

Косов добавил:

– Эти гады – предатели родины, все они у меня переписаны поимённо, и, когда мы дойдём до той деревни, я их вместе с фрицами на тот свет отправлю.

III

Слышу, толкает меня кто-то в плечо. Открываю глаза – Басий.

– Вставай, – говорит он, – на работу пора!

Поднимаюсь, чувствую, как жутко промёрз. Ни руки, ни ноги не сгибаются. Минут пять махал руками, прыгал, приседал. Согрелся немножко.

Вчетвером – Басий, я, Стоякин и радист Асраубаев – выходим на опушку. До посёлка недалеко, всего каких-нибудь 250–300 метров. Влево от посёлка женщины копают окопы, трое немецких солдат с ружьями стоят рядом.

На краю улицы пост часового. На голове у него вместо шапки серая женская шаль.

В центре улицы – группа солдат, видимо, что-то ожидает.

– Развёртывайте станцию! – приказывает радисту Басий.

Через десять минут станция уже готова к действию. Радист даёт позывные:

– Я – 3448, я – 3448...

– Слышим, слышим, – отвечают нам, – сейчас будет говорить «Хозяин».

– Как дела? – спрашивает капитан Чернобаев.

– Хорошо, – отвечает Басий. – Прошу один «огурец» первый номер.

– Наблюдайте!

Гудя, летит снаряд через наши головы. Он разрывается между нами и посёлком. Со свистом летят осколки. И, странное дело, нет страха. В каждом из нас крепка уверенность, что не заденет нас ни один осколок.

– Как там? – спрашивает капитан.

– Не долёт 100 метров.

– Наблюдайте!

Второй снаряд разорвался на середине улицы, где было много фрицев.

Я смотрю туда, где копают женщины. Они прекратили работу, смотрят на село. Их конвоиры грохнулись наземь, уткнув со страху головы в снег.

А в селе немцы выскакивают из домов кто в чём, подняли галдёж. Смешно и тошно смотреть на это разворошённое осиное гнездо. Но осы уже не кусаются...

– Точно по цели! – кричит во весь голос Басий. – Прошу беглого огня.

И вот беспрерывно рвутся там снаряды. Они вздымают чёрные столбы мёрзлой земли, куски и щепки строений и то, что осталось от фашистов.

Стихли разрывы. Немецкие конвоиры поднялись, стряхнули с себя снег, что-то угрожающе кричат, один замахнулся прикладом на женщину.

Подлецы! Только что трусливо жались к земле, а сейчас храбрятся перед слабыми и беззащитными.

Мы уже начали свёртывать рацию, но Стоякин, сидевший в это время на дереве, закричал:

– Подождите, немцы идут!

И верно, по дороге, выходящей из леса, идёт колонна вражеской пехоты. В бинокль хорошо видно: на немцах новые шинели и зимние шапки. Вероятно, это пополнение.

– Делайте вызов, – приказывает радисту Басий.

– Я – 3448, я – 3448, я – 3448, – твердит радист.

Долго нет ответа. Басий волнуется:

– Неужели упустим?

Наконец получаем ответ. Слышим голос капитана:

– Что нового?

– «Огурцов» надо. Пехота идёт.

– Цель?

– 400 метров южнее посёлка.

– Наблюдайте! Даём картечью. Беглый огонь.

Колонна стоит перед глазами чёрным пятном. Смотрим ожидающе, затаив дыхание.

Молниями сверкнули взрывы над головами немцев. Взлетают столбы земли... И когда рассеялись гарь и пыль, на дороге уже ничего нет живого, только снег вокруг покрыт чернотой. И всё!

IV

Обогнув поляну, мы идём к своим. <...> В лесу мы встретили Грибанова и Мунца, направляющихся к нам.

– Вы не обиделись, что я вчера заснул, не дослушав вашего рассказа? – спрашивает меня Грибанов.

– Нет, – отвечаю, – а что?

– Так вы тоже, как видно, любите детей. Я, например, обожаю их. И, знаете, у меня недавно вышел спор с одним политруком. Я ему сказал, что воюю за наших детей, а он говорит, что этого очень мало. Стал мне доказывать, что Родина значительно дороже. Вот мы и поспорили. Я не представляю себе Родины без партии, но и без детишек – черноглазых, голубоглазых – тоже её не представляю. Я воюю за их счастье, за то, чтобы фашизм не омрачил их жизнь.

– Вы правы, товарищ Грибанов. Дети – это наша радость. Будущность нашей любимой Родины.

Мы идём лесом, ссыпается снег с ветвей, крепчает мороз, а на сердце тепло и радостно от сознания, что сегодняшний день не пропал даром, что он принёс смерть двум сотням фашистских оккупантов. А еще оттого, что мы не потеряли ни одного товарища в бою.

1945

Публикация Светланы Дурновой

Редакция журнала «Волга–XXI век» продолжает публикацию произведений лауреатов литературного конкурса для молодых авторов «Волжская волна», итоги которого были подведены в декабре 2015 года. В текущем номере мы публикуем стихотворения Евгения Мельникова и Анастасии Ястребковой (победителей в номинации «Поэзия») и эссе Алёны Жилкиной (одного из победителей в номинации «Проза»).

**Евгений
МЕЛЬНИКОВ**

В ДНИ СКИТАНИЙ

КОНСТАНТИНОВО

Холодным ветром северным гонимы,
Плывут стеной седые облака.
Печален вид извилистой долины,
Где волнами нахмурилась Ока.
Лишь капли из небесных мелких слёз
Тихонько падают в раскрытые ладони,
А ветер злится, меж избышек стонет
И треплет ветви тонкие берёз.
Но он родился здесь, среди полей,
Среди лесов болотистых и странных,
Он видел клин летящих журавлей
И над лугами – вязкие туманы.
Звала гармонь под чуткою рукой,
Звон песни раздавался заокольной,
И чистый звон с высокой колокольни
Плыл над деревней, полем и рекой.
И я в тот день, пронзительный, осенний,
Смог посетить заветное село:
В нём рос поэт. Поэт Сергей Есенин,
С которым всей России повезло.

-
- Евгений Юрьевич Мельников родился в 1988 году. Окончил биологический факультет СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Работает в Саратовском областном музее краеведения и СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Лауреат литературного конкурса «Волжская волна». Публиковался в журнале «Волга–XXI век», других периодических изданиях.

ПРОЩАНИЕ С СИБИРЬЮ

Ветер гуляет меж сосен кедровых,
Грустных, опавших берёз.
Словно в преддверье морозов суровых,
Дремлет высокий утёс.

Холодом дышат осенние дали,
Солнце прощально горит,
В кронах деревьев, как будто в печали,
Тихо сидят снегири.

В сумке билет, час отъезда назначен –
Скоро на поезд, домой.
Только с природой я вместе охвачен
Грустью и близкой зимой.

В небе плывут облака, словно перья –
Быть снегопаду с утра.
Верю себе я и снова не верю:
Разве прощаться пора?

В памяти чуткой как искры осели –
И не тревожь, не моги –
Кедры высокие, стройные ели
Южной сибирской тайги.

Мне говорят, я скитаюсь как птица,
Без направлений и стай.
Значит, наступит пора возвратиться
В Томский загадочный край.

ПОСЛЕДНИЕ СЛЕДЫ

Памяти К. А. Сонины

Осенний лес от сырости продрога,
В нём сделалось прохладнее и тише,
Ведь скрип промокших стоптанных сапог
Среди тайги мы больше не услышим.

Прошёл всего лишь день, а может, час,
Но изменилась прежняя картина:
Костёр ослабнул, а потом погас,
И заржавело дуло карабина.

Последние размытые следы
Уходят от сентябрьского плача.
Но если их успеешь встретить ты –
Не поленись дорогу обозначить.

Нас всех ведут подобные пути,
Листает жизнь измятые страницы.
Всем предстоит когда-нибудь уйти
И в небо взмыть подобно вольным птицам.

А эти тропы вносят яркий свет,
К ним каждый, кто искал, всегда стремился...
Но как теперь? Сапог промокших след
Среди тайги навеки растворился.

НОЧЬ НА ЛАДОГЕ

Глухая ночь. Готовясь к увяданью,
Безмолвно дремлет в полумраке лес.
На севере – полярное сиянье
И звёзды тихо падают с небес.

В безлунной выси Млечный Путь проложен –
Созвездия придумывают сны.
Иду в ночи я, тих и осторожен,
Чтоб не нарушить этой тишины.

И осени в полночный час не спится –
Задумалась, узор золотой твоя.
Во тьме на юг летят с тревогой птицы,
Сбегая от дыханья сентября.

Но мне спешить теперь уже не надо –
Вернулся я, ушли сомненья прочь!
И вновь пленённый ладожской прохладой
Созвездия считаю в эту ночь.

И счастлив я, что в дни моих скитаний
Всегда есть место толике чудес.
А среди них – полярное сиянье
И звёзды, улетевшие с небес.

В ТУМАНЕ

На этом озере зимой не будет льда...
От берега отчалишь утром рано –
Вода и небо, небо и вода
Под пеленой холодного тумана.

В погоде штиль. Выходим на простор.
Исчезли огоньки и ориентиры,
И лишь ревёт на катере мотор,
Тревожа тишь затерянного мира.

В мороз туман клубится даже днём –
Антропогенный здесь вмешался фактор:
Своим теплом огромный водоём
Согрел могучий атомный реактор.

Сместился годовой природный круг,
Ведём учёт уже вторые сутки:
Который год, забыв пути на юг,
Зимуют здесь отъевшиеся утки.

То за кормой, то где-то вдалеке
Утиные взлетают с шумом стаи.
Проходит миг – и в белом молоке,
Как в никуда, бесследно исчезают.

И думал я, смотря по сторонам,
Что в жизни есть подобные минуты,
Когда вокруг спускается туман
И путь вперёд завесою окутан.

Когда искать по новой нужно нить,
Солёным, горьким обливаясь потом.
Ведь жизнь – не катер, к ней не подключить
Сигнал со спутников, радар и эхолоты.

На что надеяться в дальнейшие года?
Что не собою в пути – и не устану.
Ведь было всё: и небо, и вода,
И катер под завесою тумана.

МЕСЯЦ

Сумерки сгущаются...
Вижу я в окне:
Месяц нарождается
В зимней полутьме.

Среди звёзд и холода
Остриями вниз
Тонкий серп из золота
Над землёй повис.

Над полями, спящими
Крепким снежным сном,
Над лесною чащею,
Речкой подо льдом.

Ночь стоит морозная,
На душе покой:
Вижу небо звёздное
Я перед собой.

Худо забывается,
Радость впереди –
Месяц зарождается
На моём пути.

Среди звёзд и холода
Он приснится мне –
Тонкий серп из золота
В зимней тишине.

ПЕРВАЯ ЗЕЛЕНЬ

Сиянье солнца, птичий разговор,
Цветы хохлатки, ирисы на склонах
И первой зелени причудливый узор
Наполнят мир весенним перезвоном.
Его мотив слышать издалека,
Он вдаль зовёт от города и дома –
Туда, где грозовые облака
С раскатами задумчивого грома.
Где воздух по-особому душист,
От запаха цветов немного сладок,
Где лес украсил первый нежный лист,
Ковёр травы и трепетных хохлаток.
Прекрасная, но краткая пора
Тревожит сердце, будоражит душу...
Остатки грустной памяти с утра
Мне песни птиц и шум ручья потушат.
И это чувство радости до слёз,
Наверное, ниспослано нам свыше:
Ведь листья первые проснувшихся берёз
Мы никогда словами не опишем.

ВЕСНА В ЗАВОЛЖЬЕ

Что в Заволжье весною бывает?
Чуть колышется воздух вдали,
Над озёрами утки летают,
И танцуют в полях журавли.
Жаворонки поют неустанно,
Отливают ручьи серебром,
И пылают степные тюльпаны
Красно-жёлтым душистым ковром.
Кувыркается чибис над пашней,
Рыжий суслик глядит из норы.
Каждый день не похож на вчерашний
У короткой весенней поры,
Той, что манит и тянет куда-то,
К первым листьям у ив, тополей,
К незабвенным степным ароматам

Свежих трав и озимых полей.
Мне красоты весны будут сниться...
Одного лишь не смог я узнать:
Как же ей не спеша насладиться
И в природе побольше застать?
Как успеть? Я искать не устану:
Сердцу дороги степи вдали,
Где ковром полыхают тюльпаны
И кричат на полях журавли.

**Алёна
ЖИЛКИНА**

ДВА ЭССЕ

СЕРОЕ УТРО

Ранним утром на песчаном берегу возле самой воды сидят бабочки. Сидят они, сложив свои крылья, отчетливо сливаются с песком и их совсем нельзя отличить друг от друга...

Мокрый серый песок, серое небо, серая гладь воды, серые крылья, серое утро – унылая картина. Но это только так кажется. Подойдите к бабочкам – они тут же взлетят вверх и раскрасят небо в красные, голубые, белые и жёлтые цвета. Маленькое разноцветное чудо – эти бабочки. А немного позже маленький луч солнца заиграет с водой – и заблестит, заискрится речка. Полетят стрекозы с большими глазами, звеня прозрачными хрустальными крылышками.

Поверьте, серый цвет – это вовсе не цвет безразличия и грусти. Это романтичный цвет, как чёрно-белая фотография. Цвет неизвестности и загадок, как те серые бабочки, которые вдруг превращаются в радужные искры. Поэтому, если жизнь окрашивается серым цветом, нужно им

-
- Алёна Радиевна Жилкина родилась и живёт в Саратове. Пишет стихи и прозу. Участник и лауреат литературного конкурса «Волжская волна» (2015). В литературно-художественном журнале публикуется впервые.

просто жить. Пусть серая погода поплачет дождиком. Не торопите эти моменты. Пусть напитается жизнь живительной влагой раскаяния, грусти и спокойствия. Наслаждайтесь серым цветом! Не гоните его. Ведь совсем скоро день заиграет новыми цветами, наступит иная, радостная жизнь, наполненная яркими красками, любовью и чудом!

ОКНА

В нашем городе так много домов – больших и маленьких, старых и новых, красивых и скучных. Но ещё больше в нашем городе окон.

Да, казалось бы, простое окно... Но ведь за каждым окном – квартира! А в каждой квартире, доме, комнате идёт жизнь. Своя жизнь, нам неизвестная. И было бы некрасиво вторгаться в эту жизнь просто из любопытства.

Но я с детства любила смотреть на окна, проходя или проезжая мимо домов, особенно в тёмное время суток. Так хотелось узнать, кто же там живёт.

Вон та квартира, например, на пятом этаже. Там всегда задёрнуты шторы на окнах. Может, там живёт художник? Он работает, работает в полумраке. Работает до беспамьяства и не знает, утро на улице или ночь. Он падает от усталости и переизбытка чувств. Потом он приходит в себя и... открывает шторы. И первым, кто видит его картины, – это весёлый луч солнца, который заполняет радостью всю квартиру, или спокойная луна, которая вдумчиво смотрит на полотно и не спешит раскрывать свои мысли.

А в той квартире на первом этаже тоже шторы практически всегда задёрнуты. Может быть, там живёт старый и больной человек и некому открыть окно и впустить свет и свежий воздух? Некому поговорить, выслушать и утешить бедного человека...

В квартире на втором этаже живёт счастливая семья с детьми. Я это вижу. Вижу, потому что на окнах стоят весёлые игрушки и детское личико нет-нет, да и выглянет на улицу. Из открытой форточки слышны крик, шум, возня – радость, которую всем людям дарят дети.

В другой квартире на окне важно лежит большой и толстый кот. Рядом стоит клетка с канарейкой, но кот не обращает на неё никакого внимания. Видны цветы в красивых горшках. Всё в этом доме наверняка сияет чистотой и окружено вниманием и заботой.

И вот я просто иду мимо домов, мимо окон и думаю о тех, кто сейчас делает уроки, пьёт чай, смотрит телевизор, плачет, смеётся, спит и много чего ещё, и они не знают, что я сейчас смотрю на их окна. А я всё смотрю... Запоминаю... Думаю...

Но больше всего я люблю окна, в которых горит свет. Вот скучное и серое окно... Но в одно мгновение свет вспыхивает и озаряет пространство вокруг себя! Это значит, что кто-то вернулся. Вернулся домой! И он, этот кто-то, непременно поставит чайник и будет ждать... Будет ждать любимого, близкого, родного человека. А этот человек, возвращаясь домой и увидев в окне свет, будет знать, что его там просто ждут...

**Анастасия
ЯСТРЕБКОВА****ВОСКРЕСЕНЬЕ**

Природой скованное время,
Промозглой сырости мечты.
Мне не хватает не терпенья –
Мне не хватает пустоты.

Пройдусь по улицам раздетым,
Промытым серою водой.
И я не спрашиваю: где ты?
Я оставляю за чертой

Переживания, томленья,
Всю необузданность минут.
И легче быть вне настроенья,
Когда тебя нигде не ждут.

Ёлочная игрушка, кончился Новый год.
Спрячут тебя в бумагу и уберут за шкаф.
Хочется быть желанной? Это, увы, пройдёт.
Хочется быть разбитой? Это в твоих руках.

Как синее пятно вдали,
Который день мне снится море.
Зима приластится к нам вскоре,
Ведь за окном листву смели.

-
- Анастасия Владиславовна Ястребкова родилась в 1991 году. Окончила филологический факультет СГУ имени Н.Г. Чернышевского. Лауреат областного литературно-краеведческого конкурса, посвящённого 155-летию со дня рождения В.Г. Короленко, литературного конкурса «Поэтический ринг», городского конкурса переводов, дипломант Первого Поволжского фестиваля современного искусства. Публиковалась в журналах «Волга–XXI век», «Бег», «Литературной газете». Автор книги стихов «Сиюминутное». Живёт в Саратове.

Мой новый день – как новый путь:
Испачкает края штанины.
И каждый – нестерпимо длинный.
И не уйти. И не свернуть.

Который день – как день сурка:
Он не добавит, не утратит.
Гипотенуза целит в катет
Без дрожи пальцев у курка.

Но эта лёгкость, эта сладость –
Она спасёт, она – спасенье!
Переведи как «воскресенье».
И дай упасть.

Говори, говори со мной
Обо всём, что ты знал и ведал,
Обо всех, кто ушёл весной,
И о тех, кто по лету предал.

Незамеченным кто прошёл,
Кто оставил следы без тени,
Без кого тебе хорошо
В миг таинственных откровений.

Я новый день беру как крепость.
Я забываю, как дышать.
Но эту светлую нелепость
Совсем не нужно прерывать.

И если не прервать томленья
Чего-то жгучего в груди,
То это даже наслажденье,
И будет радость впереди.

Эти дни – от ночи к ночи.
Эта жизнь – от точки к точке.
Стали фразы всё короче.
И бредут поодиночке.

Однажды осень наступит... летом.
А ты не отравлен ни злым лимонадом,
Ни чьим-то рассохшимся полусекретом
И ни любовным ядом.

Ты есть. Значит, ты говоришь о свободе,
О том, что все люди – не люди уж вовсе,
О том, что всё важное быстро уходит.
Как тут заметить осень?

Утро сгорает на ядерном пекле,
Мысли прогоркнут, как прошлые «party».
Грёзы прощают обыденность век ли?
Может быть, хватит?

Осень ступает надменно и томно,
Ты не заметишь, ты полностью – все.
Стало ничтожным, что было огромно.
Перетасуем?

**Алексей
ГЕРАСИМОВ**

«ДОРОГИЕ МОИ, ХОРОШИЕ...»

МОИ УЧИТЕЛЯ МЕДИЦИНЫ

Я родился в потомственной медицинской семье. Мой дед по линии матери Фёдор Яковлевич Китаев был крупным профессором, терапевтом и инфекционистом, отец Николай Васильевич Герасимов – известным хирургом, Почётным гражданином Саратова, мать Наталия Фёдоровна Китаева заведовала крупной клинической лабораторией.

Ф. Я. Китаев

Н. Ф. Китаева

Н. В. Герасимов

С раннего детства медицина вошла в мою жизнь: в семье были заложены основы для будущего постижения искусства врачевания. После окончания в 1961 году Саратовского медицинского института я стал невропатологом. Должен сказать, что в студенческие годы о неврологии у меня были весьма ограниченные сведения. Мне казалось, что это довольно скучная и очень трудная для пони-

-
- Алексей Николаевич Герасимов родился в 1937 году в Саратове в семье потомственных медицинских работников. Заслуженный врач России. Публиковался в журнале «Волга–XXI век».

мания дисциплина. Институт я окончил с отличием, но единственную четвёрку имел именно по невропатологии. Распределён был на работу в Баландинский район Саратовской области (при мне он был переименован в Калининский район)... **невропатологом**. Именно такой специалист был необходим там. Пришлось постигать эту сложнейшую дисциплину.

Меня направили на четыре месяца на специализацию в клинику нервных болезней Саратова, где я освоил азы этой специальности. Я присутствовал в манипуляционной, где больному необходимо было сделать люмбальную пункцию. При попытке произвести таковую возникли трудности – бывают технические сложности при проведении поясничного прокола. Один за другим вызывались сотрудники клиники, но сделать люмбальную пункцию никому не удавалось. В это время в клинике находился невропатолог Областной больницы № 2 (как я потом узнал – Михаил Григорьевич Штейнберг). После соответствующей обработки рук он ощупал спину больного, взял иглу и моментально произвёл пункцию: тут же в пробирку пошёл ликвор. Тогда я подумал: «Вот бы и мне когда-нибудь научиться так виртуозно пунктировать больных!»

Через несколько месяцев в Калининскую районную больницу к тяжёлому больному я вызвал по санитарной авиации врача-консультанта из Саратова. Прилетел М. Г. Штейнберг. Осмотрев больного, уточнил его лечение и сказал, что едва ли можно надеяться на положительный результат. Помимо неврологического осмотра, Михаил Григорьевич прощупал пульсацию сонных артерий на шее больного.

М.Г. Штейнберг с сотрудниками отделения осматривает больную

При летальном исходе попросил поискать тромб в сонной артерии (с противоположной стороны от паралича). Это поразило меня. Патологоанатом также удивлённо пожал плечами. Но именно в указанной сонной артерии был обнаружен тромб, заполнивший сосуд на всём его протяжении на шее. Я стал читать литературу. Конечно, понял, в чём дело.

Отработав три года в ЦРБ, вернулся в Саратов, был принят на работу в Областную больницу № 2, в неврологическое отделение к М. Г. Штейнбергу. Он стал первым моим учителем практической невропатологии. Михаил Григорьевич прошёл войну, был изумительным врачом, главным областным невропатологом, одним из лучших, незабываемых неврологов Саратова. Сколько он дал нам, его ученикам: А. Н. Фоминой, Г. М. Парилису, А. Н. Гореловой, А. И. Ломакину и другим. Горжусь, что и я среди его воспитанников, которых он так любил. Он был тончайший диагност, подлинный практический врач.

На первых порах моей работы не обходилось без ошибок. Навсегда запомнил, как, консультируя пожилого больного в терапевтическом отделении, с удивительной лёгкостью поставил ему диагноз: атеросклероз сосудов головного мозга. Однако заведующая отделением Эмма Ароновна Краснич (в отличие от многих терапевтов, она хорошо разбиралась и в нервных болезнях) усомнилась в моём диагнозе, попросила меня пригласить на консультацию М. Г. Штейнберга. У больного была диагностирована опухоль головного мозга. Это был урок мне на всю жизнь.

После того как я год проработал под руководством Михаила Григорьевича, он направил меня на цикл усовершенствования в Тбилиси. Там я имел счастье учиться у крупнейших Неврологов с большой буквы: академика П. М. Сараджишвили, профессоров Т. И. Глonti и М. И. Шац-Мшвелidze. Пётр Михайлович Сараджишвили был известен во всём мире. Он знакомил нас с новейшими достижениями медицины. Навсегда запомнил восемь его лекций по эпилепсии. Именно его классификация эпилептических припадков была в основе международной. Профессора Тамара Ираклиевна Глonti и Мина Исааковна Шац-Мшвелidze не только читали лекции по неврологии, но проводили с нами практические занятия, клинические разборы и т. д. Это было незабываемо: каждый симптом раскрывался перед нами детально (раскладывался «по полочкам»).

За ночные дежурства в клинику поступало порой до двадцати и более больных, но на утренней конференции они наизусть знали о каждом без всяких записей. Дежурные врачи докладывали о больных, конечно, по бумажкам, чтобы не допустить ошибки.

Мне поручили подготовить реферат по изумительной книге корифея отечественной неврологии Николая Васильевича Коновалова «Гепато-церебральная дегенерация». Я был восхищён глубиной охвата уникального материала и высокохудожественным языком. Никогда не подозревал, что научная книга может восприниматься как художественное произведение.

В письме к В. А. и Е. П. Каменоградским я с восторгом писал о курсах. Приведу отрывок из ответного письма Веры Александровны:

«Милый, дорогой наш Лёшик!

Были очень рады получить сию минуту письмо от тебя. Его содержание заставило даже прослезиться Евгения Павловича. Мы очень обрадовались твоей заинтересованности – это первый раз за несколько лет тебя по-настоящему «пробрало». Хорошо!

Письмо очень интересное, нас оно тоже здорово «задело за живое». Рады за тебя и в профессиональном отношении, и что помотришь новых людей и новый прекрасный город».

Нас, курсантов, Тамара Ираклиевна и Мина Исааковна видели насквозь. Помню вопросы Тамары Ираклиевны: почему у тебя, Лёша, грустные глаза; есть ли у тебя деньги; сыт ли ты?

Они были поистине всесторонне образованы. Кто-то узнал, что я знаю и умею читать стихи. После занятий Т. И. Глonti попросила меня почитать что-нибудь. Я почему-то прочитал стихотворение М. Ю. Лермонтова «Я не унижусь пред тобою». Наверное, потому, что был на Кавказе, люблю поэзию гениального поэта. Замечу только: ничего похожего на то, что описано в стихах Михаилу Юрьевичем, в моей жизни не было. Очевидно, я проникновенно прочитал стихотворение. Тамара Ираклиевна после моего чтения стала особенно внимательна ко мне. Потом я понял, в чём дело: она пережила трагедию – смерть взрослой дочери в родах. Как я узнал, она никогда не фотографировалась с курсантами, ходила всегда в чёрной одежде. А для нашей группы сделала исключение: на фотографии наши курсанты и все преподаватели, в том числе Т. И. Глonti.

Профессор М. И. Шац-Мшвелидзе, академик П. М. Сараджишвили и профессор Т. И. Глonti (слева направо в центре нижнего ряда) с сотрудниками института неврологии и курсантами (1965 г.)

Через год я был окончательно сражён: в день рождения я получил тёплую поздравительную телеграмму за подписью профессора Т. И. Глонти.

Курсы в Тбилисском ГИДУВе дали мне много: я стал уже настоящим невропатологом. А моей настольной книгой долгое время была монография П. М. Сараджишвили и М. И. Шац-Мшвелидзе «Клинические синдромы окклюзирующих поражений сосудов головного мозга».

По приглашению моего однокашника и однокурсника Жени Заславского и с разрешения М. Г. Штейнберга был я в Новокузнецком институте усовершенствования врачей, в клинике профессора Я. Ю. Попелянского на Втором симпозиуме по остеохондрозу. Неизгладимое впечатление произвели (без каких-либо бумажек) выступавшие врачи, каждый из которых страстно отстаивал своё мнение. Ведь в 50–60-е годы вертебрология (наука о болезнях и повреждениях позвоночника) только ещё входила в практическую деятельность в нашей стране. С грустью должен сказать, что Евгений Семёнович Заславский – ассистент кафедры невропатологии, любимый ученик Я. Ю. Попелянского, внезапно умер в день защиты докторской диссертации в Москве в 1978 году.

Яков Юрьевич приезжал в Саратов через много лет, блистательно провёл занятие по вертебрологии для практических врачей. Эту встречу организовал Геннадий Михайлович Парилис – ученик М. Г. Штейнберга. Гена пригласил Я. Ю. Попелянского и специалистов по вертебрологии из Чехословакии. Встреча с ними получилась яркой и интересной.

Никогда не забуду непредвиденного случая на этом занятии. Профессор попросил подготовить несколько показательных больных для наглядности урока. Один из врачей решил схитрить: привёл на занятие пациента с не прояснённым для него диагнозом. Яков Юрьевич буквально после нескольких минут общения с больным попросил последнего вернуться в палату. После этого удивлённо и отчасти укоризненно посмотрел на врача, сказав, что у больного не остеохондроз, а опухоль головного мозга, порекомендовал сделать необходимые обследования. Так молниеносно профессор поставил далёкий от вертебрологии диагноз, а ведь многие наши врачи думали, что Я. Ю. Попелянский силён только в вопросах остеохондроза.

М. Г. Штейнберг учил меня сам и направлял на курсы усовершенствования в лучшие клиники Москвы. Так, в 1969 году я был на цикле усовершенствования для заведующих нервными отделениями краевых, областных и городских больниц (в больнице имени С. П. Боткина). С нами занималась замечательный невропатолог Муза Кузьминична Усова. В дальнейшем я слушал и её лекции по иглорефлексотерапии. Этой дисциплине М. К. Усова обучалась непосредственно в Китае.

В 1978 году (я уже заведовал неврологическим отделением в Областной больнице № 1) Михаил Григорьевич, будучи главным неврологом области, предложил мне путёвку в институт нейрохирургии имени Н. Н. Бурденко на незабываемый цикл усовершенствования «Дифференциальная диагностика опухолей и сосудистых заболеваний головного и спинного мозга» в клинике профессора К. Я. Оглезнева.

Любопытная деталь: занятия начались с контрольной работы по нейроонкологии. Преподавателям сразу стал понятен уровень знаний каждого курсанта. Константин Яковлевич Оглезнев к каждой лекции рисовал на доске место расположения рассматриваемой на занятии опухоли. Поразительно ясными становились местные проявления новообразования, зрительные нарушения, симптомы «по соседству» и отдалённые признаки болезни в связи с воздействием на сосуды, оболочки, ликворные пути и другие структуры мозга. Замечательно проводила лекции и практические занятия М. В. Гольшева. Изумительные лекции читала Н. С. Богородинская.

Мне посчастливилось присутствовать на операциях академика Александра Николаевича Коновалова (блестящий нейрохирург и удивительно простой, скромный человек) и других нейрохирургов. Завершились занятия вновь сложнейшей контрольной работой, которая подвела итог: что смог усвоить каждый из курсантов.

Могу сказать, что после этого усовершенствования я стал настоящим неврологом. Расскажу, как много дали мне полученные в институте нейрохирургии знания (не считите это за хвастовство). Приехав из Москвы, я делал обход в отделении и сразу у двух больных точно диагностировал опухоль головного мозга. Этим больным до меня осматривали известные консультанты. Один больной получал лечение по поводу психического заболевания, а второй – вегетативно-сосудистой дистонии. К сожалению, исход был плохим в обоих случаях, но правильный диагноз я поставил в первый день.

Кахексия (крайнее истощение организма) в сочетании с расстройством психических функций дали основание первому из больных поставить диагноз метастатической опухоли (через несколько дней в головном мозге было обнаружено шесть метастатических узлов).

Второй пациент (молодой мужчина) лежал без подушки с запрокинутой назад головой и жаловался на сильнейшую головную боль. Было ясно, что у больного блокада ликворных путей на уровне четвёртого желудочка мозга. Я срочно пригласил на консультацию профессора А. Я. Лившица. Он подтвердил мой диагноз, больной в экстренном порядке был направлен в Москву, в Институт нейрохирургии имени Н. Н. Бурденко на операцию (накануне дня оперативного вмешательства больной скончался). Этим больным запомнил на всю жизнь.

Кстати, А. Я. Лившиц и М. Г. Штейнберг справедливо полагали, что знание вопросов нейроонкологии является для невропатолога чрезвычайно важным, поскольку дифференцировать опухоль головного мозга приходится с многими заболеваниями: сосудистой, воспалительной патологией, даже с рассеянным склерозом и другими болезнями.

М. Г. Штейнберг много сделал для воспитания кадров невропатологов в каждом районе Саратовской области. Ведь я отлично помню, как нам приходилось по линии санитарной авиации выполнять порой несколько консультативных вызовов за один день из-за отсутствия в районах области неврологов. Он подготовил и в Саратове несколько заведующих неврологическими отделениями. В Областной больнице № 2 со временем его сменил Г. М. Парилис, затем А. И. Ломакин,

которые достойно продолжили дело своего учителя. Ну а ваш покорный слуга заведовал четверть века неврологией Областной больницы № 1, которая со временем была переименована в Областную госпиталь для ветеранов войн.

М. Г. Штейнберг преподавал в Областном медицинском училище. Невропатологи больницы (Л. Н. Фомина, О. Б. Быстрова, Л. Н. Горелова, Г. М. Парилис, А. С. Лопатников) тоже обучали студентов. Я очень благодарен Михаилу Григорьевичу за то, что он и мне привил любовь к педагогике. Более 10 лет читал я лекции по неврологии и психиатрии в медицинском училище, вёл практические занятия (в отдельной статье я рассказал о моей педагогической работе). Михаил Григорьевич считал, что врач только вместе с медицинской сестрой может добиться необходимого лечебного эффекта. Всю жизнь следовал этому принципу моего учителя.

В неврологическом отделении Областной больницы № 2 консультировали большие известные нейрохирурги, профессора Е. И. Бабиченко и Л. Я. Лившиц, Евгений Иванович Бабиченко заведовал кафедрой нейрохирургии, созданной им впервые в нашей стране в медицинском институте. На кафедре работали прекрасные специалисты В. Л. Аранович, В. В. Никаноров, Г. И. Курочкин, Ю. Б. Гвоздев и другие. Его ученик В. Г. Белов (после смерти Е. И. Бабиченко) заведовал кафедрой. Всех их я хорошо знал и общался с ними по работе.

Профессор Л. Я. Лившиц руководил отделом нейрохирургии Саратовского НИИ травматологии и ортопедии. Лев Яковлевич стал моим основным учителем и, смею сказать, старшим товарищем. Ко мне он относился по-отечески, учил медицине, культуре, жизни. Всю мою жизнь несу в сердце благодарность ему.

Первое, что меня покорило в нём, – стремление помочь больному, казавшемуся другим безнадежным. Если Лев Яковлевич считал, что есть хоть какая-то надежда спасти жизнь больному, он никогда не отказывался взять в клинику этого пациента, и действительно многих вылечивал.

Л. Я. Лившиц

Предложил мне Лев Яковлевич под его руководством работать над диссертацией, обработать большой материал по лечению опухолей спинного мозга и позвоночника. Началась кропотливая научная работа. Первоначально я выбирал для обработки архивный материал клиники нейрохирургии, начал писать статьи в научные журналы и выступать на конференциях. Подготовка статей под руководством Льва Яковлевича – великая школа. Все, кто занимался наукой с ним, конечно, помнят всю жизнь его уроки.

С Львом Яковлевичем мне выпала честь подготовить к публикации свыше 15 научных статей, которые напечатаны в различных медицинских сборниках Москвы,

Киева, Минска, Новосибирска, Саратова и других городов. Это была незабываемая для меня школа. Он указывал, не только **что** следует писать, но и **как** надлежало это делать. Лев Яковлевич работал со мной над каждой фразой, расположением в ней каждого слова, чёткостью и ясностью изложения материала. Красивым почерком Лев Яковлевич делал пометки на страницах: эту фразу убрать или вставить, что-то перенести, здесь поменять слова местами и т. д. Эта правка Льва Яковлевича – произведение искусства. Как помог он мне выработать точный, ясный и образный стиль письма! Думаю, что без школы Льва Яковлевича я не написал бы и мою книгу по искусству.

Лев Яковлевич предложил мне даже перейти к нему в клинику младшим научным сотрудником в НИИ травматологии и ортопедии. За год работы в клинике нейрохирургии я научился многому: производил пневмомиелографию (рентгенографию спинного мозга) и пневмоэнцефалографию (рентгенографию головного мозга), переливал кровь во время операций, конечно, вёл амбулаторный приём и консультировал больных.

Сразу вспомнил одного пациента. В созданный в институте Л. Я. Лившицем межобластной центр по лечению болевых синдромов приезжали тяжелейшие больные со всей страны. Я вёл приём в поликлинике. Стояла летняя мучительная саратовская жара. В кабинет ввели больного в шубе, валенках, шапке-ушанке, с укутанным шарфом лицом – виднелся только кончик носа. Дело заключалось в том, что малейшее дуновение ветерка вызывало тяжелейший болевой приступ невралгии тройничного нерва. Л. Я. Лившиц сделал больному уникальную операцию. Больной выписался из клиники с улыбкой счастья на лице, в соответствующей сезону лёгкой одежде.

Меня потрясла составленная Львом Яковлевичем карта-схема регионов, из которых приезжали врачи в СарНИИТО обучаться методу лечения невралгии тройничного нерва. Это, конечно, города Поволжья – Нижний Новгород, Ульяновск, Самара, Волгоград, Астрахань. Города Урала и Сибири: Уфа, Челябинск, Магнитогорск, Новосибирск, Новокузнецк и другие. Видим на схеме Мурманск и Новгород, Ригу и Харьков, Симферополь и Ставрополь, Тбилиси и Баку, Алма-Ату, Южно-Сахалинск, Магадан...

Во всех этих и многих других городах применяется уникальный метод лечения тригеминальной невралгии, разработанный профессором Л. Я. Лившицем. Скольким же больным Лев Яковлевич и его многочисленные ученики возвратили радость жизни, избавив этих пациентов от мучительных страданий!

Никогда не забуду поведение Льва Яковлевича во время сложнейших нейрохирургических операций по поводу опухоли головного мозга и других тяжелейших заболеваний: образец выдержки и внешнего спокойствия (что бы ни происходило в это время), скрупулёзная, методическая техника оперативного вмешательства, щадящая обработка тканей, деловая неторопливость и сосредоточенность; тактичное взаимодействие с ассистентами и медицинскими сёстрами.

Случилось так, что Л. Я. Лившиц в тот год, когда я работал в ортопедическом институте, жил и ночевал в своей клинике. На его столе

лежали монографии, журналы, диссертации его учеников. Во время дежурств довелось видеть, как, работая в кабинете, читая медицинскую литературу, он мог уснуть далеко за полночь прямо за столом. Потому-то он так много знал! В клинике Льва Яковлевича я получил наглядный пример его служения больным и Медицине.

К нему можно было обратиться с просьбой о помощи. Мне написала Жанна Беспалова, с которой мы дружим с юных лет (она живёт в Новочеркасске), что у неё беда с близкими людьми. Поскольку болезни были нейрохирургические, я обратился к Льву Яковлевичу. Он тут же созвонился с профессором из Ростова-на-Дону. Там в клинике что смогли – сделали.

Не подумайте, что Л. Я. Лившиц был погружённым только в науку педантом. Нет, он был остроумный, яркий, обаятельный человек. В ортопедическом институте в канун праздника 8 Марта был проведён среди женской половины коллектива весьма необычный «Конкурс на лучшего мужчину». Лучшим – практически единогласно – был признан Л. Я. Лившиц. Иногда он любил прочитать из своей записной книжки высказывания «умников» на учёном совете; шутил, остроумно рассказывал анекдоты и забавные истории, знал и любил художественную литературу, искусство.

После показа по Саратовскому телевидению моего спектакля «Милый лжец» Лев Яковлевич подарил мне замечательную книгу А. Образцовой «Стелла Патрик Кэмпбелл» со словами: *«Дорогому Алексею Николаевичу в знак уважения к артистическому таланту и с наилучшими пожеланиями в науке и на сцене».*

К сожалению, я написал лишь черновой вариант диссертации. Нужна была машинная обработка на ЭВМ. Семья испытывала «денежный цейтнот» (зарплата невролога высшей категории была выше, чем у младшего научного сотрудника). Пришлось вернуться в Областную больницу № 2, а через два года я был приглашён заведовать неврологией Областной больницы № 1. Лев Яковлевич понял меня и не обиделся за потраченное драгоценное время. Лишь однажды в доверительной беседе сказал: «А всё-таки жаль, Лёша, что ты не закончил диссертацию».

Многие годы профессор Л. Я. Лившиц безотказно приезжал консультировать больных в моём отделении, сам (при необходимости) виртуозно делал люмбальную пункцию, пневмоэнцефалографию и т. д.

Вспоминаю, что он не отказал мне в экстренной консультации даже в тот вечер, когда у него собрались гости, приехавшие из других городов ученики (попросил только, чтобы я для быстроты был на машине больницы у него и сразу же после консультации отправил обратно домой). Лев Яковлевич понял: отказать в консультации нельзя.

Между прочим, он ценил культуру поведения персонала моего отделения: врачи и медицинские сёстры всегда его встречали стоя, уважали, любили его. Он чувствовал это.

Л. Я. Лившиц прожил блистательную жизнь. Он родился 11 июня 1928 года в Саратове. Приведу сведения о нём из книги «Профессора

и заведующие кафедрами Саратовского государственного медицинского университета 1909–2009 гг.»:

«В 1952 году он окончил Саратовский медицинский институт. С 1954 года трудовая и научная деятельность Лившица тесно связана с Саратовским НИИ травматологии и ортопедии, где он прошёл путь от младшего научного сотрудника до руководителя отдела нейрохирургии. В 1968 году Лев Яковлевич успешно защитил докторскую диссертацию «Невралгия тройничного нерва и её лечение методом направленной гидротермической деструкции чувствительного тригеминального корешка». В 1983 году избран по конкурсу на должность заведующего кафедрой нервных болезней лечебного факультета Саратовского медицинского института».

В книге, к сожалению, есть досадные неточности. Под руководством профессора А. Я. Лившица защищены три докторские и 34 (!) кандидатские диссертации, а не 9, как указано в упомянутом издании.

В 1998 году журнал «Вопросы нейрохирургии имени Н. Н. Бурденко» поместил статью к 70-летию А. Я. Лившица. Читаем в этой публикации:

«Высоко следует оценить личный творческий вклад А. Я. Лившица в разработку самых различных современных направлений науки. Его перу принадлежит около 350 публикаций (в том числе монографического характера) в отечественной и зарубежной печати.

Среди непосредственных учеников А. Я. Лившица – профессора и доценты, руководители научно-исследовательских институтов, кафедр и отделов. С полным правом можно говорить о сложившейся научной школе профессора А. Я. Лившица. Оценивая в целом научную и лечебную работу юбиляра, его следует отнести к числу учёных с ярко выраженным творческим и новаторским подходом к делу. Он является автором 6 изобретений, направленных на совершенствование диагностики, лечения и реабилитации больных с поражениями нервной системы.

Он избран действительным членом Академии проблем качества, членом-корреспондентом Академии Естествознания».

Так писал журнал в 1998 году, а всего у А. Я. Лившица было около 600 печатных публикаций, целый ряд изобретений и рационализаторских предложений. Его работы известны по всей нашей стране и за границей. Он прекрасно читал лекции студентам и вёл семинары для врачей города. А скольких больных спас, скольким помог А. Я. Лившиц!

Теперь немного о далёком прошлом. Ещё в детском саду мальчик Лёва влюбился в очаровательную девочку Мару. Когда они выросли – стали мужем и женой. У них родились дочь и сын. В институтские годы я учился у Марианны Алексеевны Антоновой. Она вела у нас курс акушерства. В то время была популярна дивная песенка «Марианна». Порой в перерывах от занятий наши ребята вполголоса напевали её. Марианна Алексеевна лукаво улыбалась в ответ.

Через много лет жизненные пути их разошлись. Марианна Алексеевна жила в Прибалтике. Приехала как-то в Саратов, и я повстречал её на улице. Любезно раскланялся, в ответ она приветливо улыбнулась. Ещё раз мы встретились, только когда провожали в последний путь Льва Яковлевича в 2005 году (уже 11 лет его нет с нами).

В жизни Льва Яковлевича были прекрасные мгновения, но было и много тяжёлого, даже трагического. Он блестяще защитил докторскую диссертацию, но несколько лет ждал утверждения её. Вначале защитили свои кандидатские диссертации два столичных соискателя – утверждение диссертации А. Я. Лившица сделало бы бессмысленными их работы. Каково Льву Яковлевичу было ждать эти годы! Да разве только это... Трагическая гибель сына. Предательства...

Только в последнее десятилетие благодаря жене Валентине Николаевне он обрёл настоящий семейный уют. Но подстерегали тяжёлые болезни. Лев Яковлевич героически соглашался на операции. Особенно тяжёлой была вторая операция. Профессор Р. З. Лосев спас и продлил на несколько лет жизнь Льва Яковлевича, а Валентина Николаевна выхаживала его после операции. Ему продлили не просто жизнь – он активно творил до последних своих дней. Тогда им было опубликовано более 100 работ, он руководил ординаторами клиники, консультировал больных в различных стационарах города, в том числе и в моём отделении.

В 1976 году я стал заведовать неврологическим отделением Областной больницы № 1, которая обслуживала партийно-советский актив, и прослужил четверть века заведующим. За эти годы трижды (1980, 1985 и 1991 годы) был на курсах усовершенствования в Москве, на кафедре крупнейшего нашего невролога профессора Е. И. Гусева. Евгений Иванович прекрасно читал лекции. Добрый, интеллигентный человек. Вспомнил сейчас, что во время моего обучения на кафедре в 1980 году в Москве была защита кандидатской диссертации (написанной под руководством А. Я. Лившица) моей однокурсницы Людмилы Николаевны Фоминой. Я попросил разрешения быть на этой защите. Евгений Иванович не только разрешил, но и предложил поехать вместе с ним: он оказался официальным оппонентом на защите. В разговоре со мной дал высокую оценку руководителю диссертации и работе соискателя.

В 1980 году на этой кафедре я проходил не только усовершенствование по неврологии, но овладел и иглорефлексотерапией. Чжень-чжу-терапию очень интересно нам преподавала Елена Борисовна Тетерина. Около двадцати лет успешно применял при лечении неврологических больных иглорефлексотерапию. Несколько лет тому назад был обрадован, услышав в медицинской радиопередаче выступление Е. Б. Тетериной.

Посчастливилось быть и на других интересных усовершенствованиях: «Клиническая нейрофармакология» на кафедре Е. И. Гусева; школа по электропунктуре в Юрмале у профессора Ф. Г. Портного; научно-практический семинар «Актуальные вопросы диагностики и лечения нарушений сна» в клинике А. М. Вейна. Семинар проводил

профессор Я. И. Левин. Узнал много нового, яркого и нужного для работы и расширения кругозора.

Очень помогал в работе журнал для практических врачей «Лечение нервных болезней», который я стал получать после семинара по сомнологии (раздел медицины, посвящённый исследованиям сна). Я благодарен всем моим педагогам, учившим меня медицине.

Проходил неоднократно усовершенствования и при Саратовском медицинском институте. Занятия интересно проводила Ольга Николаевна Воскресенская, ныне она профессор в столичной клинике.

Мне дорого, что некоторые неврологи Саратова и меня считают своим учителем. Не хочу показаться нескромным, но горжусь, что прекрасный врач-невролог Людмила Викторовна Ландина так называет меня.

Особо хочу рассказать ещё об одном моём Учителе неврологии. Это профессор Мария Дмитриевна Поповьян. Мне довелось больше двух лет общаться с ней еженедельно. После того, как Мария Дмитриевна в начале 80-х годов оставила заведование кафедрой неврологии в медицинском институте по состоянию здоровья, она стала постоянным консультантом в неврологическом отделении Областной больницы № 1 – приезжала в нашу больницу один раз в неделю, консультировала больных и даже делала обходы в неврологии. Какая это для меня была школа!

Приведу некоторые биографические данные, помещённые в статье о М. Д. Поповьян в уже упомянутой выше книге «Профессора и заведующие кафедрами Саратовского медицинского университета»:

«М. Д. Поповьян родилась в 1920 году в городе Фурманове Ивановской области. В 1938 году поступила в Ивановский медицинский институт, который успешно закончила за 4 года ускоренного курса обучения. В 1942 году была призвана в Советскую Армию, в качестве начальника отделения хирургического полевого подвижного госпиталя прошла тяжёлый боевой путь от Сталинграда до Кёнигсберга.

После войны обучалась в клинической ординатуре на кафедре нервных болезней профессора Е. К. Сеппа. С 1949 года педагогическая, научная и лечебная деятельность М. Д. Поповьян связана с кафедрой и клиникой нервных болезней Саратовского мединститута. Мария Дмитриевна защитила в 1969 году докторскую диссертацию «Функциональная патология дыхания при нарушениях мозгового кровообращения».

С 1974 года заведовала кафедрой нервных болезней».

Профессор М. Д. Поповьян много занималась сосудистой патологией головного мозга (в 1979 году под её редакцией была издана коллективная монография «Мозговой инсульт»).

Но, наверное, основной темой её исследований была наследственная патология. Мария Дмитриевна подарила мне монографию, напи-

М. Д. Поповьян

санную совместно с Е. Э. Дубинской «Эпидемиология и клиника наследственных болезней нервной системы», со словами: *«Дорогому Алексею Николаевичу от автора... 21.X.81. М. Поповьян».*

Мария Дмитриевна провела не только глубокие научные исследования, но и исторические разработки по выяснению причин возникновения наследственно-семейных болезней и некоторых хронических прогрессирующих заболеваний нервной системы невыясненной этиологии, при которых предполагается наследственный фактор, в определённых районах Саратовской области. Были выявлены три основных таких региона: вблизи Балашова, а также в Вольске и Хвалынске. Была создана карта распределения основных наследственных заболеваний в Саратовской области. Привожу фрагмент книги:

«Таковыми местами в Среднем Поволжье, на территории, относящейся к Саратовской области, были глухие, малопроходимые болотистые места, окружённые меловыми горами и оврагами. Старообрядческие скиты располагались вблизи теперешних городов Вольска, Хвалынска... Многолетняя социальная и экономическая изолированность приводила к тому, что браки заключались между лицами, проживающими на ограниченной территории».

Естественно, что при родственных браках патологические гены чаще передавались по наследству.

Вспоминаю одну из консультаций Марии Дмитриевны. Я должен был представить ей больную с боковым амиотрофическим склерозом. Конечно, предварительно выяснил, откуда она (и её родители) родом. Область была Саратовская, но район совсем иной. На консультации Мария Дмитриевна задала тот же вопрос, но с продолжением: где родились бабушка и дедушка больной. Тогда был назван именно Хвалынский район. Урок Марии Дмитриевны запомнил навсегда.

Профессор М. Д. Поповьян была не только блестящий учёный и врач-невролог, но и человек удивительной культуры. Консультации она проводила не просто высокопрофессионально, но и с редкой красотой, эстетическим блеском, артистизмом. Вспоминаю такой случай. Уже несколько раз на консультацию к ней приходил преисполненный «сверхдостоинством» доцент, который с каждым очередным визитом всё выше и выше поднимал свой нос. Это очень мешало делу. Чувствовался своеобразный «зажим» – он никак не мог раскрыть врачу свою душу. Мария Дмитриевна нашла блестящий подход к нему. Однажды (когда он появился в дверях в очередной раз с «задранной носом»), она огорошила его вопросом: «Ну, а сегодня что вы нам скажете, сэр?» Вопрос подействовал поразительно: его «нос» моментально опустился, вся напускная напыщенность исчезла, а больной просто и ясно поведал врачу все свои душевные тайны. Я лишний раз убедился, что медицина – не только профессиональные врачебные знания, но и искусство – искусство общения и врачевания больного человека. В дальнейшем тонкости лечения сосудистых, хронических прогрессирующих и других заболеваний нервной системы помогла мне отработать невролог, доцент Таисия Семёновна Агеева, которая тоже консультировала больных в нашем отделении.

А как умела Мария Дмитриевна привести к месту мудрое высказывание или стихотворную строчку! Она знала наизусть множество стихотворений. На лоне природы, во время выездных врачебных конференций, бывало, она начинала читать стихи любимых поэтов, например, «Душа обязана трудиться» Николая Заболоцкого или «Рассыпанные кудри Гончаровой» Эдуарда Багрицкого, приглашая и меня принять участие в этом неожиданном концерте.

Моё увлечение искусством она всячески приветствовала. Ко мне относилась тепло, хорошо. Обладала она и тонким юмором. Будучи большим знатоком генетики, как-то начала в ординаторской, во время перерыва между консультациями, осматривать уши врачей. Дойдя до моих, сказала: «А у тебя, Лёша, умные уши». Так, с лёгкой руки Марии Дмитриевны, я стал «доктором с умными ушами».

Она любила записи исполнения старинных романсов Т. Церетели и К. Джапаридзе. Рад, что мне удалось подарить ей грампластинки этих замечательных певиц. А мне Мария Дмитриевна подарила дивный альбом «Малый театр» из девяти дисков.

Она знала, что я застенчив, стеснителен и робок. Каким был повод к доверительному разговору, не помню (очевидно, кто-то воспользовался моей нерешительностью). После консультации Мария Дмитриевна оставила меня одного. Когда никого не было рядом, она называла меня (как и Лев Яковлевич) просто «Лёша»; мне это было приятно. Но тут она строго сказала: «Алексей Николаевич, учитесь ценить себя, нельзя, чтобы «садились вам на шею», умеете настоять на своём мнении, если вы уверены в этом; даже отказать порой, если это необходимо».

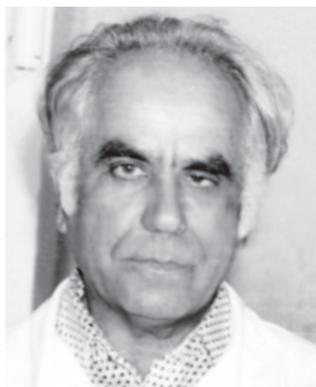
Хочу в заключение рассказать, как уроки незабвенных моих учителей М. Д. Поповьян, Л. Я. Лившица и М. Г. Штейнберга однажды помогли мне в неожиданной, весьма сложной и неприятной ситуации. Дело было так. Вечером меня вызвали в госпиталь. Когда вошёл в одну из ординаторских, то увидел трёх профессоров-терапевтов, главного врача Петра Витальевича Глыбочко, его заместителя Ольгу Сергеевну Волкову, лечащего врача больного и дежурного врача. В палате «люкс» лежал отец ответственного работника области, очень пожилой человек, страдавший тяжёлой формой паркинсонизма. Больного я наблюдал длительное время, последний раз консультировал несколько дней тому назад в палате (пациент был практически обездвижен – грубый амиостатический синдром). В то время больного лечила по поводу застойной пневмонии замечательный терапевт Лидия Ивановна Воронкова. Одна из находившихся в ординаторской профессоров за несколько дней до консилиума подтвердила этот диагноз лечащего врача. Но пришедшая на дежурство терапевт, видевшая больного впервые, решила превзойти всех: лихо, в одно мгновение, диагностировала у больного менингит, подняла руководство госпиталя на ноги. Срочно кроме лечащего врача и консультировавшего больного ранее профессора-терапевта пригласили ещё двух профессоров-терапевтов. Они подтвердили диагноз дежурного врача. Тогда срочно вызвали и меня (профессор-невролог не был приглашён).

Когда я вошёл в ординаторскую – был огорошен заявлением терапевтов-консультантов: «Алексей Николаевич, вы допустили диагностическую ошибку, высокий консилиум пришёл к выводу, что у больного не застойная пневмония, а менингит, поскольку у пациента грубая ригидность мышц затылка». Внутренне я был возмущён. Моментально вспомнив уроки моих учителей, внешне спокойно, но твёрдо ответил: «А я как специалист-невролог так не считаю». Они были удивлены моим ответом, однако продолжали настаивать на диагнозе «менингит» и попросили меня сделать больному люмбальную пункцию. Я отдавал отчёт в том, какой технически сложной может оказаться пункция у больного с тяжелейшим паркинсонизмом, но опять-таки невозмутимо произнёс: «Хорошо, сейчас пропункцирую больного». Сказал дочери больного (она прекрасный терапевт, хорошо знала меня), что консилиум настаивает на люмбальной пункции. В душе я надеялся, что дочь откажется от пункции отца, но она согласилась. Отступить было некуда.

В моём отделении дежурили отличные сёстры, на стерильном столе всё всегда было готово для пункции. Необходимый инструментарий принесли в палату.

Наверное, у меня был в медицине ангел-хранитель. Пункцию я сделал моментально: так, как её производили мои учителя М. Г. Штейнберг и Л. Я. Лившиц. Конечно, ликвор был совершенно нормальным. Я вошёл в ординаторскую, скрывая улыбку, всем показал пробирку, сказав: «Смотрите – как стёклышко». В лаборатории быстро сделали анализ – норма. Удивлённые профессора удалились, начальство госпиталя взглянуло на меня с восхищением, а дежурная врач посрамлённо «скисла». Я невольно подумал о медицинской и человеческой этике: нельзя выслуживаться за счёт других; не будучи специалистом, не следует заниматься не своим делом. Ведь она могла позвонить мне, высказать свои подозрения и прочее.

На другой день заместитель главного врача О. С. Волкова спросила меня, почему я был так уверен, что у больного нет менингита. Я ответил, что хорошо знаю больного, что у него общее повышение мышеч-

*Мои любимые учителя в медицине:
М. Г. Штейнберг, М. Д. Поповьян, Л. Я. Лившиц*

ного тонуса, а не избирательное напряжение отдельных мышц, характерное для менингита (ригидность затылочных мышц и некоторых других). Через неделю профессор Лидия Сергеевна Юданова, которая ставила больному диагноз застойной пневмонии, специально нашла меня в госпитале, пожала руку, произнеся: «Алексей Николаевич, вот это был «спектакль!»» Да уж, подумал я, но чего он стоил мне! Если бы не мои великие учителя, ничего у меня не получилось бы. Кстати, случай этот оказался одним из поводов к выдвижению меня главным врачом П. В. Глыбочко на звание заслуженного врача.

P. S. 14 сентября 2014 года в Саратов на фестиваль «Саратовские страдания» приехала Г. И. Яцкина – режиссёр фильма «Натали» (о Н. И. Сухостав). Ещё раз наслаждался, посмотрев его на большом экране. Галина Ивановна подарила свой новый замечательный документальный фильм об академике Г. А. Илизарове, спасшем её в молодости, подарившем ей возможность продолжить артистический путь.

Вспомнил сейчас о фильме потому, что в нём ярко проводится мысль о том, что **медицина не может быть сферой услуг за деньги**. Нет, это никак не предмет купли-продажи. Это – **искусство врачевания больного, подвижническое служение Медицине**. Именно такие традиции были переданы и мне всеми дорогими моими, хорошими, незабвенными учителями, о которых я попытался рассказать. О том же говорили в моей семье мама и папа. Мой дедушка Фёдор Яковлевич Китаев, которого я никогда не видел, умер молодым – в 1935 году поехал зимой в Аткарск Саратовской области спасать тяжёлого больного, простудился, заболел пневмонией и умер. Мой папа в любое время дня и ночи шёл в клинику – выхаживать прооперированных им больных в послеоперационный период. Кстати, мои саратовские учителя ценили и уважали его. Да, мои учителя и мои предки подвижнически служили больным людям! И я пытался всю жизнь следовать этим традициям, привитым мне родными в семье и моими незабвенными учителями. Вечная им память и благодарность!

К 55-ЛЕТИЮ ПОЛЁТА ПЕРВОГО КОСМОНАВТА ЗЕМЛИ Ю. А. ГАГАРИНА В КОСМОС

**Владимир
ЕФИМОВ**

НАЗЕМНЫЕ НЕСТЫКОВОЧНЫЕ УЗЛЫ

Осуществится ли смелый замысел архитекторов возвести на волжском берегу – месте приземления Юрия Гагарина – Международный молодёжный космический центр?

НА ИСТОРИЧЕСКОМ МЕСТЕ

Лето 1995 года. Со взлётно-посадочной площадки Саратовского учебно-авиационного центра имени Юрия Гагарина берёт старт в небо винтокрылая машина. На борту вертолёта – дважды Герой Советского Союза лётчик-космонавт СССР и депутат Государственной думы Виталий Иванович Севастьянов, его коллега по Российскому парламенту Анатолий Николаевич Гордеев и автор этих строк. Эта точка (как и та, куда направлялся наш вертолёт) на противоположном берегу красавицы-Волги очень тесно связана с космосом, с дорогой в заоблачные выси Первого космонавта планеты Земля Юрия Алексеевича Гагарина.

Именно на этом аэродроме в начале июля 1955 года учащийся Саратовского индустриального техникума и одновременно курсант местного аэроклуба ДОСААФ совершил свой первый самостоятельный полёт на самолёте «Як-18». Позади остались труднейшие месяцы овладения теоретическими навыками и азами полётов. Такое неимоверно трудное и непосильное для других совмещение учёбы в техникуме и аэроклубе мог выдержать и преодолеть только он –

-
- Владимир Ефимов окончил филологический факультет Саратовского педагогического института. Работал корреспондентом многих саратовских газет. Собственный корреспондент федеральных еженедельников в Нижнем Поволжье и Республике Беларусь. Печатался в «Советском спорте», «Советской России», еженедельниках «Экономическая и философская газета», «Патриот» и др., сотрудничал с радиостанцией «Юность» и детской редакцией Всесоюзного радио.

Юрий Гагарин. Тяга к небу и к звёздам охватила его с такой силой, что он уже не мыслил себя без них.

Когда вдруг оказалось, что по уважительным причинам он не долетал часов, положенных для сдачи экзамена, дающего «пропуск» в небо, Гагарин, благодаря своей воле и настойчивости наверстал это отставание. И был допущен к самостоятельному полёту. За это упорство в достижении поставленной цели его уважали сокурсники и преподаватели. И когда в день экзаменов на аэродром приехали корреспонденты областной молодёжной газеты «Молодой сталинец» («Заря молодёжи») и спросили инструкторов, о ком – разумеется, лучшим – можно написать, им без колебаний посоветовали рассказать читателям о Гагарине.

Через несколько дней появилась статья «День на аэродроме» – о полётах курсантов, о Гагарине, – с его фотографией в кабине самолёта «Як». Эту публикацию Юрий Алексеевич ценил очень высоко и отметил в своей книге «Дорога в космос», написанной уже после апреля 1961 года, когда он получил мировую известность, проведя в космосе 108 минут и навечно вписав своё имя в список величайших людей планеты.

Глубоко символично, что исторический полёт Гагарина завершился именно на саратовской земле, примерно в пятидесяти километрах от областного центра, на левом берегу Волги, 12 апреля 1961 года, на свежеспаханном перед севом поле между заволжскими сёлами Узморье и Смеловка. Ведь с Саратовом связаны важнейшие этапы жизни Гагарина: он освоил здесь рабочую специальность, получил путёвку в небо, за год до полёта в космос вместе с космонавтами первого набора проходил парашютную подготовку – и вот наша область тем чудным апрельским днём 1961 года тепло приняла его из космических просторов.

Первыми его встретили колхозница Анна Тахтарова со своей маленькой внучкой Ритой, поражённые появлением неизвестного им человека в странном костюме и огромного обгоревшего чёрного шара – спускаемого аппарата.

Поле, навечно получившее имя – Гагаринское, осталось в истории мировой космонавтики. *«Корабль почернел, обгорел, но именно поэтому, – сказал космонавт, – казался мне ещё более красивым и родным, чем до полёта».* Эти слова Юрия Алексеевича после возвращения на Землю процитировали на следующий день все газеты.

На десятки других площадок возвращались потом из космоса космонавты и первого, гагаринского, призыва, в том числе и космонавт-2 Герман Титов, приземлившийся в августе 1961 года в том же степном саратовском Заволжье, и родившиеся уже после апреля шестьдесят первого поколения космонавтов.

На это поле мы и вылетели на вертолёте летом 1995 года. Прекрасный рассказчик и собеседник – 22-й космонавт СССР Виталий Иванович Севастьянов подробно поведал, как неподалёку отсюда, на энгельсской авиационной базе, в 1960 году Первый отряд советских космонавтов проходил парашютную подготовку. Завершив свой

увлекательный рассказ с неизвестными нам ранее подробностями, он спросил о том, как выглядит место приземления Юрия Гагарина.

Что мы могли ответить, по большому счёту? Стела – наподобие знаменитой стелы возле бывшей ВДНХ в Москве, высаженные аллеей деревья – вот и всё, что видят ежегодно в День космонавтики приезжающие на это знаменитое поле покорители космоса и многочисленные гости, в том числе из-за рубежа. Благодаря стеле оно видно издалека. Других примет нет.

Через несколько минут наш вертолёт перелетел Волгу и оказался на Гагаринском поле. Немного времени провели мы здесь. Ожидавший увидеть нечто большее, свидетельствующее о дани уважения советским покорителям космоса, в том числе и саратовским предприятиям, немало сделавшим для оснащения космических кораблей различными приборами, включая «Буран», Севастьянов, как мне показалось, был удивлён неподобающей скромностью исторического места.

МУЗЕЮ БЫТЬ?

А ведь существуют добротные проекты возведения здесь настоящего космического мемориала. Эти макеты – в «космическом» зале Саратовского областного музея краеведения рядом с тем самым «Як-18», на котором Юрий Гагарин совершил свой первый самостоятельный полёт, современным скафандром космонавта и его креслом. Представленная ООО «Проектно-архитектурная мастерская Валерия Ржевского» в масштабе 1:150 архитектурная концепция отражает творческое видение проектов «Интеркосмос» и «Покорителям космоса». Это своеобразный космический музей под открытым небом – с кораблём «Буран», стартовой площадкой, планетарием и другими имеющими непосредственное отношение к космосу атрибутами, которые придают месту приземления Гагарина новое значение.

Однако эти проекты так и остались в стадии макета. Какой там комплекс на Гагаринском поле, если Россия в угоду своему прежде главному конкуренту – США – сдала очень важные позиции в освоении космоса. Поэтапно под давлением американцев в самом начале успешного практического развития была заброшена программа космических челноков, позже затоплена в мировом океане обладавшая высочайшей надёжностью и работоспособностью космическая станция «Мир». Со своей довольно быстрой космической «лошадки» ещё при Горбачёве Россия неожиданно для сотен тысяч специалистов в этой отрасли пересела на американскую «кобылу» и вообще потеряла интерес к дальнейшему самостоятельному освоению космического пространства. В определённых кругах России даже раздаются призывы прекратить интересоваться космосом как пустой затеей, якобы не приносящей дивиденды, что приводит в настоящий шок людей, имеющих прямое отношение к космосу.

Хотя, разумеется, вполне понятно, что через пятьдесят пять лет со времени гагаринского старта исчезли былые космические грёзы

наших соотечественников, воодушевлённых победой СССР в космосе, и их поистине фантастические планы оставить свои следы на пыльных тропинках далёких планет или посадить на Марсе яблоки. Мало кто из современного молодого поколения непременно видит себя космонавтом, как долгое время было после гагаринского полёта, а работа в космосе давно стала привычным делом, таким же, как полёты на самолётах. В отличие от первых лет покорения заоблачных высот, люди уже не помнят имён космонавтов, отправляющихся в многочисленные командировки на орбитальные станции. Наступил новый долгосрочный этап освоения космического пространства. Но этот гигантский скачок был сделан благодаря успешной работе первых космических кораблей – несоизмеримо меньших «востоков» и «союзов». Нельзя забывать, что те корабли давали старт нынешним станциям, как несколько веков назад паровоз Черепанова дал старт более мощным паровозам, тепловозам и нынешним электровозам. И потому человечество не вправе забывать свой первый шаг в далёкий и неизвестный космос и имена наших соотечественников, сделавших этот шаг.

И хотя Россия, как ни прискорбно, добровольно ушла с передовых позиций освоения космоса, но память о первых его покорителях, к счастью, жива благодаря, прежде всего, стараниям фанатично преданных людей.

...Середина марта 2011 года. Саратов. Улица имени Сакко и Ванцетти. Скромное двухэтажное здание Народного музея Первого космонавта, с его бюстом на фасаде главного корпуса колледжа имени Ю. А. Гагарина. Во времена студенчества Гагарина здесь была бесплатная для курсантов столовая техникума. Сюда несколько раз в день по крутой лестнице на второй этаж взбегал и Гагарин. 5 января 1965 года он снова поднялся по ней, но уже в созданный здесь Народный музей своего имени. *«Техникум, – отмечал позже Юрий Алексеевич, – был для меня и для всех комсомольцев не только школой знаний, но и замечательной школой жизни».*

Теперешние студенты своё торжественное посвящение в гагаринцы по традиции проводят на месте приземления Гагарина, а путь в колледж начинают с этого музея. Теперь, накануне юбилея полёта «Восток-1», здесь особенно многолюдно. Молодёжь – главный посетитель. График экскурсий расписан по минутам.

Одну из увлекательных экскурсий проводила бывший преподаватель математики колледжа Галина Николаевна Ильина – племянница погибшего в годы Великой Отечественной в воздушном бою под Барановичами Героя Советского Союза Александра Георгиевича Наконечникова. Школьники как бы переносятся во времени на полвека назад и видят многочисленные книги и предметы, которыми пользовался Гагарин, его фотографии на уроках физики и в общезжитии, картину и множество снимков о его приезде в техникум в 1965 году, увлечённо слушают рассказы о том, каким он славным парнем и отзывчивым товарищем был, как любил учиться, заниматься спортом, особенно баскетболом.

Я внимательно всматривался в детские лица и замечал неподдельный интерес сегодняшних мальчишек и девчонок к тому времени,

к имени и подвигу Гагарина. *«Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением»*, – заявил Гагарин перед своим космическим стартом. *«Облетев Землю в корабле-спутнике, – напишет он позже, – я увидел, как прекрасна наша планета. Люди, будем хранить и приумножать эту красоту, а не разрушать её»*.

Память о Гагарине и других покорителях космоса стала достоянием истории. Она вечна, как сам космос. И я уверен, что когда-нибудь на месте приземления Гагарина всё-таки появится подобающий его высокому статусу мемориальный комплекс.

Пять лет назад, накануне 50-летия полёта Юрия Гагарина, в «космическом» зале областного музея краеведения рядом с самолётом «ЯК-18», на котором в середине пятидесятых годов будущий Первый космонавт, тогда курсант местного аэроклуба ДОСААФ, Юрий Алексеевич Гагарин впервые поднялся в небо, я увидел восхитивший меня сверхоригинальностью макет Международного молодёжного космического центра. Мне показалось, что авторы проекта делом отвечают на высказанное при мне пожелание побывавшего в 1995 году на месте приземления Гагарина космонавта «гагаринского призыва» Виталия Севастьянова не просто облагородить это священное для землян место, а создать здесь мемориальный центр. Конечно, создатели макета не знали об этих мечтах Севастьянова, но как граждане своей страны, открывшей человечеству дорогу в космос, и как профессионалы, по роду своей деятельности заглядывающие далеко вперёд и опережающие время, они ощущали потребность придать более высокий статус этой первой земной «пристани» вернувшихся из заоблачных высот кораблей.

Сотворил этот монументальный крупномасштабный проект будущего «космического города», как гласила табличка на макете, творческий коллектив московской архитектурной мастерской Валерия Ржевского. Однако ни тогда, ни теперь сотрудники краеведческого музея не смогли мне сказать о возможности реализации смелой задумки архитекторов, как и впоследствии назвать причины более чем странного путешествия макета отсюда в Народный музей Гагарина, открытый при профессиональном колледже его имени. Много позже удалось выяснить: завораживающий своим фантастическим решением макет испытывает далеко не первую земную «перестыковку». Причём всякий раз «путешествие» совершалось по нисходящей, подальше от глаз начальства и серьёзной публики: сначала экспонировался в художественном музее, потом в правительстве области, потом – в краеведческом, наконец попал в колледж, как полагаю, «приписанный» к своему последнему тихому земному «причалу», каким для легендарного космического челнока «Буран» намного раньше стала площадка в московском парке имени Горького...

Генеральный директор московского ООО «Проектно-архитектурная мастерская Валерия Ржевского» заслуженный архитектор России, академик Российской академии художеств **Валерий Николаевич Ржевский** оценивает ситуацию так:

– Идея создать проект музея космонавтики появилась за пять лет до полувекового юбилея первого полёта человека в космос у меня, тогда заведующего кафедрой архитектуры Московского государственного академического художественного института имени Сурикова, и одной моей дипломницы. Правда, я вообще считал неэкономичным ставить в поле всего лишь один мемориальный комплекс – такому важному проекту нужно было придать совсем иное значение. Я рассчитывал, что город станет Меккой для технически заинтересованной молодёжи со всего мира. В этом городе можно было бы заниматься техникой, искусством, спортом. Поэтому на следующий год проект трансформировался уже в более крупный мемориальный комплекс вместе с городами-спутниками большого Гагаринграда.

К созданию проекта меня подтолкнуло мероприятие в 2000 году в Финляндии, в «резиденции Санта-Клауса», куда специально на огромных «боингах» прилетали дети со всего мира, в том числе и четыреста юных японцев. Тогда я и подумал: «Вот у них Санта-Клаус, а у нас есть Гагарин, и можно сделать место его приземления городом его имени – Гагаринградом – и такой же Меккой для детей и молодёжи всего мира. А если создать там ещё свободную экономическую зону, зону безвизовую, то и дети могли бы приезжать, и уже побывавшие в космосе космонавты из России, США, Китая, Индии, Канады тоже могли бы найти там применение своим знаниям».

Я поделился идеей с друзьями, знакомыми, космонавтами. Очень активно участвовали в обсуждении космонавты Александр Николаевич Баландин и ныне покойный Павел Романович Попович, мечтавший, чтобы этот комплекс был создан. Он часто приезжал ко мне в мастерскую обговаривать различные возможные варианты, предложил создать Аллею космонавтов всего мира – не только в честь отечественных покорителей космического пространства, но и в честь всех космонавтов нашей планеты.

Мне его идея очень понравилась. Она могла бы стать общеобъединяющей, ибо космос един для всего человечества, это как Антарктида, которую изучают учёные всего мира, а здесь – бесконечное пространство для общения учёных и космонавтов, на самом деле связанных между собой. И китайских, и американских, и российских космонавтов космос объединяет, а все политические распри на них не влияют.

Почему именно в Саратовской области? Байконур как стартовая площадка – давно уже чужая территория, а планетарным должно стать место приземления Гагарина.

Гагарин тогда по праву считался национальным героем, – называет Валерий Николаевич главную причину своего космического интереса. – Гагарин был для нас всё. И я хочу что-то сделать для увековечивания его памяти. Тем более космос не может принадлежать какой-либо одной стране. Как и достижения в его освоении. И, создавая масштабный проект Гагаринграда возле сёл Смеловка и Узморье Энгельсского района Саратовской области, на месте приземления Гагарина, неподалёку от волжского берега, я хотел воплотить космическую мечту здесь, на Земле, в этом священном для всего челове-

чества месте. Я думаю, можно было бы пойти на создание такого комплекса примерно на одной-двух тысячах гектаров и сделать это место Национальным парком не только федерального, но даже международного значения. Я предлагал создать сам мемориал и, отказавшись от слова «лагерь», вызывающего определённые ассоциации, две международные молодёжные станции – «Восток» и «Мир» – на 2200 мест, международную молодёжную туристическую станцию «Афродита», международный экспоцентр «Млечный Путь», жилой район «Альтаир» на основе мобильных модулей заводского изготовления.

Было три проекта, причём один – на берегу Волги, и два – непосредственно на месте приземления. Все начавшие заниматься этим проектом вместе с космонавтами 12 апреля неоднократно ездили туда. Мемориальный комплекс представлял собою, естественно, место приземления Гагарина – святое место, мы его отметили большим крестом, оставляя давно установленную стелу. А рядом планировались большой стартовый стол – установленным в полный размер макетом ракеты, вокруг него – большой амфитеатр на десять-пятнадцать тысяч зрителей для проведения различных торжественных мероприятий, рок-фестивалей, светомузыкальных концертов с элементами лазерного шоу, с фильмами о космосе. Мы также предлагали создать в парке «Млечный Путь» большой музей истории космических исследований, даже мечтали посыпать дорожки в парке привезённым с Камчатки вулканическим чёрным песком и сделать их светящимися, символизируя полёт какого-то спутника. А Млечный Путь – в виде стеклянных конструкций. Музей как бы был нанизан на одну ось из навильонов разных стран – Китая, Канады, США, Франции – всех стран – участников космических полётов. Мы только предоставляем площадь и предлагаем проект, а каждая страна на собственные средства строит навильон, его полностью эксплуатирует и получает прибыль. А у приехавших детей из этих стран не будет чувства отчуждения от своей родины, они могут пообщаться со своими соотечественниками и учёными.

Вот такая, как нам казалось, очень интересная идея была задумана.

Творческий «экипаж» авторов проекта прекрасно понимал, что его реализация придавала бы экономической и социальной импульсы дальнейшему развитию региона, были бы построены новые дороги к Гагаринграду, комплекс притянул бы потенциальных российских и зарубежных инвесторов и местных жителей на новые рабочие места, нашли бы своё научное и практическое применение знания бывших и нынешних специалистов саратовских НИИ и предприятий, связанных с космосом, за счёт появления нового туристического маршрута. Они привозили бы свои проекты на место грядущей гигантской стройки, делились планами, настойчиво их пробивали, их поддержал Владимир Путин (его подпись на согласованном документе Ржевский видел лично). К тому времени авторы нашли российского инвестора, дававшего «под проект» первой очереди 50 миллионов долларов, наконец дошли до «Роскосмоса». Однако тогдашнее руководство главного космического ведом-

ства страны, по мнению Ржевского, очень холодно отнеслось к проекту. Под «перестраховочным» предлогом: мол, начнёте стройку, разведёте, успеете, не успеете, а не успеете – нам всем по шапке дадут, так что мы проведём юбилей тихо, мирно, гладко, – всё «вежливо» замяли.

– Нам было очень обидно. Тогда мы собрались со студентами, взяли два автобуса, обклеили их плакатами с портретами Юрия Гагарина и на космическую тему и совершили марш-бросок по Западной Европе: в Прагу, Братиславу, Вену, Дрезден. В немецком городе Майсен увидели на здании большой портрет Гагарина. Оказалось, местный учитель сделал большой доклад о Гагарине. Нам это особенно запомнилось.

И вспомнилось, как в начале восьмидесятых годов я, работая в военном проектно-институте, создавал проект первого музея космонавтики в Звёздном городке. Вот тогда это было «ДА»! Тогда можно было такую задумку реализовать, правда, не из таких, нами задуманных сейчас строительных материалов, технологий, конструкций, которых тогда просто не было.

Видимо, время для реализации сумасшедшего по своей архитектурной смелости проекта Гагаринграда ещё не пришло. Зато с большей долей вероятности может быть воплощён другой космический проект Ржевского на другом святом месте: месте гибели Гагарина и лётчика-испытателя Владимира Серёгина в Киржаче, на большой поляне, где ежегодно в годовщину трагедии собирается по пять-семь тысяч человек, в основном связанных с космосом: заводчане из Самары, Воронеж, Саратов, молодые космонавты-исследователи из Звёздного городка под патронатом лётчика-космонавта СССР Алексея Архиповича Леонова – он сейчас очень активно ведёт работу.

– И её мы сейчас делаем вместе с ним, – с уверенностью говорит Ржевский. – Это уже достаточно реально: музей, Аллея славы, небольшая часовня, два бюста – Гагарина и Серёгина. Создан фонд по строительству во главе с Леоновым, активное участие принимал и Валерий Николаевич Кубасов, недавно скончавшийся. Неподдалёку от места падения самолёта – лес, в трёхстах метрах от него стоит воссозданный и отреставрированный недавно на средства Леонова храм 1812 года, и в 11 часов этого печального дня, дня гибели космонавта, пробил по всему лесу колокол «Гагарин».

Также будет разбит сквер с ранее установленным на постаменте рвущимся в небо военным самолётом – такой же устремлённой в небо была и осуществлённая Гагариным ещё в юношеские годы в Саратовском аэроклубе ДОСААФ, в Оренбургском военном училище, в Отряде космонавтов и трагически прерванная здесь мечта летать...

Неподдалёку построим небольшой комплекс спортивного назначения и отель – с тренажёром, с марсианскими рельефами, чтобы по ним можно было кататься на квадроциклах.

Кроме того, архитекторы мастерской Ржевского отработывают и другие смелые архитектурные проекты. Они создали уникальный

проект ультрасовременного города «Умка» на пять тысяч жителей, с искусственным климатом и замкнутым циклом жизнеобеспечения, для освоения Северного морского пути. Фактически город – космическая станция на острове Котельный в Ледовитом океане, со школами, детскими садами, жилыми домами. Это не просто вахтовый посёлок, а город для постоянного жительства. Сейчас разрабатывается проект крупного порта и города на 37 тысяч жителей на границе с Норвегией. Архитекторы занимаются и пограничными базами для Министерства обороны, разработкой мобильных посёлков и застав.

Остаётся надеяться, что и проекты Валерия Николаевича Ржевского, посвящённые космической теме, тоже со временем воплотятся в жизнь. Сам Ржевский не теряет надежды увидеть свой проект реализованным:

– Многосложный проект должен осуществиться. Саратову нужен мощный экономический толчок. И этот город, способный стать городом-спутником, в котором проживают представители всех космических держав нашей планеты, рядом с «городом-Ангелом» (так я называю город Энгельс), мог бы стать местом притяжения туристов из всех стран.

P. S.

Валерий Ржевский – потомок легендарного русского дворянского рода Ржевских. Изданный в Санкт-Петербурге в 1906 году «Гербовник Всероссийского дворянства» так описывал герб рода Ржевских: *«В щите, имеющем серебряное поле, изображена чёрная пушка на золотом лафете, и на пушке райская птица. Щит покрыт мантией и шапкой, принадлежащими княжескому достоинству. Княжеские шапка и мантия присвоены издревле дворянскому роду Ржевских, потому что он происходит от князей Смоленских и имеет герб Смоленских князей»*. В лейб-гвардии Семёновском полку в разных воинских званиях служили несколько поколений Ржевских. Отец Валерия Ржевского тоже был кадровым военным: в 1943 году, в 15 лет, добровольцем ушёл на фронт «сыном полка», был стрелком-радистом на штурмовике «Ил-2» на Карельском и Втором Белорусском фронтах, после войны окончил военное училище и юридический институт. Страсть к рисованию тоже передалась «по наследству»: прапрадед расписывал храмы, дед тоже рисовал и много позже был отмечен званием «Заслуженный художник России» за портреты русских и советских военачальников. В родословной матери тоже немало военных: герой событий на Халхин-Голе и финской кампании Яков Соловьёв и дядя – Герой Советского Союза Владимир Максимович Орлов (Андриянов), который сражался в Испании и на фронтах Великой Отечественной войны.

Валерий Николаевич Ржевский окончил архитектурный факультет Куйбышевского строительного института. Кадровый офицер в специальном проектно-бюро Первого Центрального Военпроекта. Разрабатывал проекты госпиталей и военных санаториев, правительственных резиденций, зала заседаний стран – участниц Варшавского Договора, дачи Брежнева и Горбачёва в Форосе, сразу после Чернобыльской катастрофы специальным приказом был направлен в Киевский военный округ для решения вопроса по размещению участников ликвидации последствий аварии. В 1990 году получил приглашение от знаменитого офтальмолога Святослава Фёдорова в качестве главного архитектора на его межотраслевом научно-техническом комплексе «Микрохирургия глаза» – разрабатывать подобные клиники в Риме, Сан-Марино, Дубае, Турции, Германии и лазерные центры в Японии и США. Удостоен высшей архитектурной премии «Золотое сечение».

Михаил
МУЛЛИН

О пользе знакомства со знакомыми

Книга Олега Молоткова «Знакомые всё лица» (Саратов, 2015) составлена из шести частей. В аннотации сообщается, что в ней «собраны... стихотворные посвящения по случаю (здесь и далее выделено мной. – М.М.), пожелания, эпиграммы и дружеские шаржи». При этом, однако, в сборнике в изобилии присутствуют так называемые вечные темы, преподнесённые автором в сатирическом преломлении, со своеобразным молотковским юмором и его же фирменной иронией. Таково уже первое стихотворение книги – «О великих»:

*Великие при жизни не велики.
Живым бывает свойственна и прыть.
А вдруг он не туда направит пики?
Такое может он наворотить!
Велик потом, когда почил он в Бозе,
отлитый в бронзе или чугуне,
на радость всем, стоит в нелепой позе
или сидит на липовом коне.*

Ведь это написано о многих. И верно, пожалуй, для всех времён. К себе же скромный Молотков определения «великий» здесь точно не отнёс, что следует уже сразу из второго стихотворения, в котором печально утверждается, что при справедливой, непредвзятой оценке их значимости из многих «великих» (при жизни) после ухода в мир иной «знали бы только Гомера, / может быть, и Шекспира». Впрочем, кажущихся противоречий между первым и вторым стихотворениями на самом деле нет.

Кстати, один из разделов сборника называется «Тому, кто с вечностью наколотке». И поэтому в книге немало явно уважаемых адресатов – от Виктора Бокова до Расула Гамзатова. И воздаётся им по заслугам: от преклонения перед даром до эпиграмм и пародий. И опять-таки это не сведение счётов, а... обобщение, как,

например, в стихотворении «О Героях соцтруда, ловле рыбки из пруда»:

*Современные Герои –
не герои Древней Трои,
но у них одна беда –
Ахиллесова пята.
Я считал бы всё в порядке,
если б дело было в пятке.
По народной же молве,
тут всё дело в голове.*

Недурно ситуацию изобразил!

И ведь сатира Молоткова в книге распространяется не только, так сказать, на коллег по цеху, но и на тогдашнюю систему власти, в которую ни сильным, ни умным людям, по мнению Молоткова, было не пробиться. А вот и пример, объясняющий, чем следует заниматься вождям:

*Если б я был гениален
так же, как Иосиф Сталин
(а пока я лишь уверен,
что я прост, почти как Ленин),
посложнее я б решал задачи,
чем дерьмо возить на тачке.*

Досталось и журналу, отказавшемуся публиковать «не великого при жизни» Рубцова:

*На таланты многие века,
Перьев оцетинивши кинжалы,
Смотрят как на злейшего врага
Все провинциальные журналы.*

Кстати, это написано вовсе не в «пору гласности», а задолго до «перестройки» – в 1982 году...

Не всё в книге сатира или юмор. Есть и откровенная лирика, скажем, стихотворение, посвящённое столетиям Огюста Ренуара. А вот как не чурается поэт звукописи – оркестровки:

Когда порву со всех сторон
я Ариадны нить,
когда ко мне придёт Харон
и станет хоронить...

И всё-таки абсурдизм современного ему
мира – главная мишень поэта. Таково сти-
хотворение «Телефонное»:

Изобретатель телефона –
известный миру физик Белл –
на основании закона
не много с этого имел.
Ну что нам славы ореол?
Согласно своду наших правил,
король – не тот, кто изобрёл,
а тот, кто нам его поставил.

Или – в «Памяти И. Э. Бабея»:

Поэту или музыканту
дань воздаётся по таланту.
Был Бабель, как писатель-воин,
высокой чести удостоен
в тогда присущей нам манере:
приговорён был к высшей мере.

Однако больше всего уделяется вни-
мания литературе, тому, что для пишуще-
го первично, главное: «*Меня убила прав-
да откровенная, / что у поэтов совесть
переменная. / Если они то с Ельциным,
то с Лениным, / то где ж тут взяться
Пушкиным, Есениным?*»

Но... вообще-то он создавал портрет
времени, картину происходящего в род-
ной и любимой стране России. Стихотворе-
ние о том, как по паспорту (при очеред-
ном обмене такового) узнать, что владе-
лец «серпастого, молоткастого» – совет-
ский инженер. Это ли не печальная и тре-
вожная прелесть, предупреждающая о гря-
дущих (неизбежных!) бедах государства?

Инженера как узнать?
Паспорт: фото в двадцать пять
и на двадцать пять попозже.
А пиджак – один и тот же.

К сожалению, предостережение не было
понято.

А не диагноз ли стихотворение
«К 60-летию журнала «Крокодил»?

Ты, Россия, – гордость мира!
Ты читающая вся!
Почему ж твоя сатира
Пресмыкающаяся?

И опять-таки, не предупреждение ли это
обществу?

Увы, нет пророка в своём отечестве.
А ведь Олег Николаевич говорил о неиз-
бежном крахе государства, если верхи

не сменяют курс! Не послушали. Не прочи-
тали. Да чего там – даже не издавали!

Многие стихи по простоте формы
лозунгово афористичны. Но этот, по выра-
жению В. Маяковского, «*шершавый язык
плаката*» бьёт не в бровь, а в глаз и пото-
му может быть взят на вооружение разум-
ными и равнодушными к судьбе ближ-
него (и страны) людьми. Таковы: «*Зелё-
ный змий и синий дым / сведут в могилу
молодым*», «*Никотин и алкоголь / нище-
ту плодят и голь*», «*Превращает нарко-
та / Homo sapiens в скота*».

А вот его экономический и социаль-
ный диагноз: «*Денег у одних до чёрта /
у других их нету ни черта*».

А вот и новейшее время. По поводу
исчезновения всемирно известной скульпту-
ры Веры Мухиной: «*Нету женщины с сер-
пом, / мужика при молоте – / рубщик
мяса с топором, / продавщица в золо-
те*». Потому-то «*...провалилась пере-
стройка – / не хватило кирпичка*».

Как видим, смех Олега Николаеви-
ча явно сквозь слёзы: «*Очень уж печал-
лен что-то / праздник – День Военмор-
флота. / Вот уже десяток лет / праздник
есть, а флота нет*». Прочитав это, произ-
вольно вдруг начинаешь радоваться: ситу-
ация в России с флотом меняется. Похоже,
теперешнее руководство России соглаша-
ется с выводами нашего поэта-земляка.

А патриотизм (несомненный) может
выражаться в довольно резкой и катего-
рической форме: «*Саратов – это золотая
жила, / людей достойных в нём до чёрта
жило*».

Поэт старается быть объективным, отри-
цая выгодную ангажированность: «*Худож-
ник должен быть умылым, / причём
не красным и не белым*». Не рассчитыва-
вая на официальное признание тех, кого
обличает, он надеется лишь на то, что
«*...Народ печалы и смеха, / моя утешит-
ся душа*».

Книга щедро проиллюстрирована мно-
жеством фотографий, а ещё – вырази-
тельными рисунками самого Молотко-
ва. Но не только. Её несомненно укра-
сил портрет Олега Николаевича, выпол-
ненный ученицей 1«А» класса школы
№ 77 Ритой Адениной. Украсил потому,
что, во-первых, это показатель детской
любви к поэту (много написал для малень-
ких и охотно встречался со школьниками),
во-вторых, портрет действительно «похо-
дит» на Молоткова.

Стихи Олега Молоткова не надуманы.
Он «*своими видел мир очами. / О днях
записывал ночами*». В этом одна из ценно-
стей стихов, написанных, вроде бы, «по слу-
чаю». Они важны и как дневник летописца,
в них – точные факты о тех днях.

*Впечатленья прошедшего дня
почитай в дневнике у меня,
дорогой мой, любимый внучок,
даже ежели ты дурачок,
то для внуков своих сохрани,
интересны для умных они.*

Прочитав книгу, изданную на деньги и стараниями жены Олега Николаевича – Галины Георгиевны Молотковой, хочется сказать молотковскими же стихами:

*Дорогая родная страна,
полистай ты мои письма
и издай хоть частицу из них –
упражнений лет зрелых моих.
Эти строки о нашей судьбе –
В основном обо мне и тебе.*

Потому что «*всю жизнь писал Олег наш вещей / неиздаваемые вещи*».

Название «Знакомые всё лица» означает, в частности, то, что здесь представлен круг общения, знакомств Олега Молоткова. А для изучения биографии поэта и понимания его творчества это большая удача. Ведь верно же утверждение: «С кем поведёшься, от того и наберёшься» или «Скажи мне, кто твой друг – и я скажу тебе, кто ты есть». Позволяет книга отчасти представить условия, в которых жил и творил юморист-сатирик и «детский» поэт.

В книге много стихов с конкретными посвящениями и, более того, написанных к тому или иному событию – так называемых «датских». Это может (да и должно) насторожить непредвзятого читателя. Однако, во-первых, не каждый «датский» текст – «поздравилка» обязательно плох. Ведь всем известно, что стихотворение «Я помню чудное мгновенье» имеет конкретного адресата, но от этого оно не стало менее значимым для других читателей (для нас, например). Ряд стихотворений Ф.И. Тютчева также посвящён конкретным лицам – ну так что ж? Разве мы не зачитываемся ими?

Во-вторых, для нас интересно, что в тех частностях кроме юмора и остроумных характеристик героев отражаются детали того времени, ныне исчезнувшие картины быта или общественных отношений. То есть в них краеведческая и, пожалуй, историческая ценность присутствует.

И, в-третьих, в полном издании, скажем, классиков нам дорога каждая строчка. Так вот и жена Олега Молотков, Галина Георгиевна, имеет право (а при возможности и обязанность) сохранить «на всякий случай» всё, что написано Олегом Молотковым. И очень многие читатели будут ей за это благодарны.

Безусловно, нынешний читатель обнаружит в книге ряд противоречий. Но эта особенность сборника говорит вовсе не о конформизме автора или конъюнктурности произведений, не об неустойчивости взглядов поэта. Тогда нам всем постоянно открывались новые и новые факты. Поэтому неизбежно менялись наши (и Олега Николаевича тоже) представления об истории, политических деятелях. В свете каждых очередных доз обнародованной правды (а чаще – полуправды, а то и лжи, закамуфлированной под правду) наши только что сформировавшиеся взгляды неизбежно и немедленно менялись. Как и оценка тех или иных событий или художественных произведений. Честно реагирующий на всё, Олег Молотков тогда писал новые стихи, уточняющие, а то и почти опровергающие предыдущие или противоречащие им. Но эти «противоречия» говорят в пользу поэта. Кстати, таких противоречивых утверждений много и у искренне-го А.С. Пушкина.

Думается, оценки событий «перестройки» («катастрофки»), по мнению уже очень многих аналитиков) ещё много раз будут меняться. И вообще, у разных людей они будут разными. Так что, выходит, должны мы и Молоткову с его оригинальным и парадоксальным мышлением позолотить иметь *своё* мнение. Читателю же интересно это мышление узнать, чтобы полнее представить личность поэта, ибо писал он, как и Маяковский, «о времени и о себе».

Поможет книга полнее представить и литературную жизнь страны и Саратова, особенно раздел «*Все стихи в обложке сей – для знакомых и друзей*».

И вот что ещё следует из сборника: несмотря на трудности, в изобилии свалившиеся на голову сатирика, прожил он счастливую жизнь! В большой любви. Не зря же так много строк посвящено автором своей жене. Тут не только искренняя любовь (одна на всю жизнь!), но и глубокое уважение, даже преклонение, причём осмысленное, осознанное. И то, что он не ошибался в оценках и чувствах, стопроцентно доказывает сам факт издания именно Галиной Георгиевной этой и предыдущих книг Молоткова. Посвящения же Олега Николаевича супруге доказывают, что он – человек благодарный. А это, согласно Данте, одно из важнейших достоинств человека! А ещё, прочитав посвящённые жене стихи, понимаешь, что Молотков – это же Петрарка, только юмористический!

А впрочем, есть и прямое признание поэтом своего счастья: «*Хоть неказист мой вид, / Жизнь прожил я счастливо. / В искусстве индивид / сильнее коллектива*».

Ну а тем, кто будет недоволен этой книгой (таковые непременно найдутся), Олег Николаевич уже дал ответ в посвящении конкретному рецензенту в 1985 году:

*Хвала сатирику и честь!
Успеха он добился.
Дар Божий в нём, конечно, есть,
Раз рецензент взбесился.*

**Елизавета
МАРТЫНОВА**

О серьёзном и несерьёзном

В.Г. Реснянский. Жертва лирики. — Саратов: Издательство «Новый ветер», 2013. — 148 с.

Писатель юмористический – это талант особый, редко встречающийся. Таким талантом обладает Василий Григорьевич Реснянский – писатель из Энгельса. Он и поэмы пишет, и стихи всех направлений – от пронзительно-лирических до совсем несерьёзных, и прозу, которую можно было бы назвать по традиции «деревенской», но всё-таки по преимуществу она юмористическая.

Подобные рассказы подобрались и в сборнике «Жертва лирики». В основе каждого из них – житейский, бытовой анекдот. Автор «в маленьком анекдоте... видит и трагедию, и комедию, заставляя думать и чувствовать», – пишет в предисловии к книге Денис Маркелов.

Писатель точно изображает абсурдность каждой ситуации, иногда в совершенно фольклорном (народном) духе (как, например, в рассказе «Нечистый»), и с увлечением рассказывает очередную смешную сказку из реальной жизни. Причём закручивает с самого начала интригу так, что сразу читателю становится интересно, начинается с какой-нибудь загадки:

«Гришка Даманок не ест сало! Сало! Представляете? Нет, прежде он очень даже любил его и считал наипервейшей закуской. Только однажды обстоятельства сложились так, что стал он брезговать этим наинатуральнейшим продуктом, как заправский мусульманин. А случилось всё то аккуратно под Пасху, на Страстной неделе, в пятницу. Каждому известно, что в Страстную неделю самый разгул тёмных сил...» («Нечистый»).

Конечно, автор книги не «живописец прозе», не ищет украшений для выбран-

ного сюжета – ему это и не нужно. Рассказчику в каждом произведении настолько не терпится передать слушателям историю, такая энергия идёт от его слов, что, думаю, читатель извинит его за отсутствие распространённых описаний природы.

Впрочем, иногда он полуиронически эти описания всё же предлагает: *«День переломился напололам, и солнце по образовавшейся наклонной плоскости стало скатываться к горизонту, обещая тёплый погожий вечер. Я сидел за столом на остеклённой веранде деревенского дома, наблюдая, как зарождается закат, и пытался что-то писать* (рассказ «Писатель»).

Рассказчик максимально приближен не просто к читателю, а к слушателю-современнику, скажем, жителю той же деревни. Но это не значит, что в оборотах речи (ярком просторечии), оценке персонажей и ситуаций нет элемента игры. Серьёзное смешано с несерьёзным, жизнь – с вымыслом, и рассказчик наслаждается тем, как это хорошо у него получается, ему самому увлекательно и интересно. Юмор его не нарочит, скорее, комизм возникает там, где рассказчик говорит правду, где-то ехидно, а где-то просто душно:

«— А как же рассказ? — остановил я его.

— Да чё там писать осталось? Начал уже есть, сюжет определился, стиль я выдержал. Завтра приду и допишем. А пока извини...

(...) — Слышь, Григорич, ты там у меня текст проверь, а то я в орфографии не силен. Может, где-то надо точку поставить или восклицательный знак...

Я открыл тетрадь. Вверху на чистой странице было крупно написано: «Раскас», и ниже, уже мелко и еле разборчиво: «Был хороший вечер. Мы с Григорием сидели на веранде и пили водку». Я взял авторучку и поставил в конце предложения жирный восклицательный знак» («Писатель»).

Такие пассажи вовсе не свидетельствуют о том, что автор над своими персонажами издевается. Напротив, он героев своих любит и жалеет, как и положено настоящему писателю, а шуточная манера изложения становится для него способом поговорить о серьезных вещах: о литературе и об отношении к ней людей непишущих, о культуре, о сложности человеческих отношений.

**Елизавета
ДАНИЛОВА**

Незримое в зримом

А. Л. Генералов Избранное. Стихотворения. Саратов: Издательство «Новый ветер». — 276 с. с илл.

Вапреле 2016 года вышла в свет поэтическая книга члена Союза писателей России и Союза писателей-переводчиков, обладателя ордена «Золотая осень» им. С. А. Есенина, медалей им. А. П. Чехова и А. С. Грибоедова — Анатолия Лукьяновича Генералова. Эта итоговая книга — «Избранное» — составлена из произведений, входивших в различные поэтические авторские сборники: «Белый ветер», «Вечер купается в красном закате», «Миражи», «Тихий свет». Произведения эти написаны в разное время и, таким образом, отслеживают творческий путь автора.

Книга Анатолия Генералова будет интересна читателю, который видит мир глазами художника: так же ярко и живописно. Стоит отметить, что это не просто живопись в привычном смысле слова, не «литературное рисование», а умение увидеть мир, окружающую нас жизнь как произведение искусства. В этом и заключается особенность творческого почерка А. Л. Генералова. Понятие «художник слова» применительно к автору в буквальном смысле. Это умение не столько изображать, сколько — видеть. Видеть вещи, которые не способны увидеть другие, творить из жизненно-го пространства — пространство художественное.

Свое творческое кредо поэт сформулировал так:

*Я люблю стихи читать и слушать.
Но, дивясь на строчки-кружева,*

*Хочется сначала видеть душу,
А потом — осмысливать слова.*

Важно, что душу автор этого стихотворения собирает не «слышать», «слушать» или «ощущать», «понимать», а именно — «видеть». Это — «овеществление», живописное изображение души, её образа.

Душа мира — и человека — проступает в результате постижения отдельных пространств, отдельных моментов бытия. Практически каждое произведение А. Л. Генералова начинается с картины, или этюда, или мгновенной зарисовки, которые помогают понять основную мысль автора, приводят к философскому заключению в стихотворении.

Ключом к миропониманию поэта становится цвет. Большинство эпитетов — цветные. Поражает их своеобразие и многообразие. Чёткие названия чистых цветов порою смешиваются в полутона, дают неожиданные оттенки. Но цвета эти — изначально не символические, а скорее образные: «Порыжел и дождик серый»; «Серебряный туман сошёл с отрогов красных»; «Костерок из красных листьев / Запылал — и согревает / Золотым теплом округу...»; «Поздние красные птицы / Вмиг обожгли небосвод...»

Дымка — «сиреневая», месяц — «оснеженный», вечер — «хрустальный», утро — «желтеющее»...

Автор действительно наслаждается красотой изображаемого мира:

*На солнце воздух серебрится.
Снежинок синих кутерьма...
Подводит инеем ресницы,
Как перед зеркалом, зима.*

Иногда для изображения поэтического мгновения достаточно лишь искусствоведческих терминов:

*Крыло заката осветило
Пространство россыпью цветной,
Убавив яркость светосилы,
Прибавив свежести ночной.*

А иногда простой пейзаж создаёт ощущение полноты жизни, её гармонии:

*И вот опять легко
На старте лета
Летят в поля внезапные дожди.
Клубничная гряда под шапкой света
На земляной румянятся груди.
Лысеют одуванчики... Седые
Их зонтики пушистым грезят сном.
И яблони стоят как часовые
И шепчутся о чём-то под окном.
Взрослеет день... Торопятся рассветы
Надеждами печали отвести.
И луч весны расцветивает лето,
И розы обещают зацвести.*

(«На старте лета»)

Очень важна пластика – именно она диктует сравнения. Снежинки напоминают рыбок, сам снег – розы («снежные розы»). Ипи: «...И в зимнюю пору мой взгляд / Увидит природы движенье...»

Попытка перейти от изображения к философии видения зачастую удачная. Зримое автор видит в незримом. В стихах – не избыток образности, а скорее – её необходимость, характеризующая индивидуальность автора. Увидеть для поэта значит понять, но не умом, а чувствами.

Показательно стихотворение «Три лилии». Это не просто словесное изображение букета – это авторская философия «цвета», его восприятия:

*Три лилии – в объятьях синевы
На фоне отцветающего лета.
Как три невесты – юны и чисты –
Они цветут нездешним белым цветом.*

*...Замри, душа, – вне музыки и слов –
Позволь мне этим цветом насладиться!
А лилии вот-вот смежат ресницы,
И дай мне Бог увидеть чудо вновь!*

Довольно часто авторы, наскоро обучившиеся технике стихосложения, создают множество гладко-правильных стихов,

в которых изложение мотивов правильного поступка заменяет образность, вырастающую из чуткой образности. Но стихи Анатолия Генералова, напротив, хороши именно живописностью образов. В большинстве своём они не дидактичны, их автор чурается публицистики в плохом, прямолинейном смысле этого слова.

С моей точки зрения, стихи Анатолия Генералова, посвящённые общественным проблемам, несколько проигрывают стихам лирическим. Но ведь любой автор (поэт, прозаик), если он не равнодушен к судьбе своей страны, к своему времени, в котором он живёт, так или иначе может высказать своё мнение в литературной форме. Другое дело, что очень трудно вдохнуть в стихотворную публицистику лирическое начало, совместить своё мироощущение с актуальностью, с современностью.

Впрочем, и в этой области в стихах А. Л. Генералова есть свои находки.

*Страна поэтов – Родина моя...
Лукавых слов она не принимает.
Ей по душе бескрайние края,
Её струна не для врага играет.*

*Певчий голос слушают поля.
Берёзы подпевают в многолесье.
И внемлет зову Матушка-земля,
Когда из чащи
Льются грустно песни.*

*Качнётся боль в надломленном лесу –
Невольню сердцу сердце отзовется:
Спешу спасти печальную красу,
Поддай воды из чистого колодца.*

*Страна напевов – это ты и я.
Нас слышат травы
Севера и Юга...
Когда мы все – единая семья,
Когда слова как братья –
Друг за друга...*

(«Страна поэтов»)

Это стихотворение говорит о том, что автор его обращается к читателю, способному задаваться философскими вопросами, но при этом мыслить не абстрактно, а образно, поэтично. Самое главное – сквозь зримое, понятное увидеть и постичь незримое, смысл событий и судеб. Одно из стихотворений А. Л. Генералова так и называется «Незримое».

*Уймутся метания дня
И в сердце тревоги приглушат.
Незримое манит меня –
Далёкие дали и души.*

*Я раньше их где-то встречал,
А может, придумал когда-то.
Ведь в сердце начало начал
Надеждой на счастье богато.*

*Когда от потерь загрустим,
В незримом сойдёмся мы ближе.
И я не останусь один,
Доколе незримое вижу.*

Стихи Анатолия Генералова подразумевают постижение Бога, Божьего мира, природы – и своего места в этом мире, мире любви и света. Один из разделов книги называется «Тихий свет» – таково воспри-

ятие поэта: он прежде всего видит вокруг себя прекрасное, доброе и светлое – то, чему можно радоваться в жизни: всем временам года, их краскам, их разнообразию, солнцу, дождю и ветру, звёздам и луне, многократно варьируя картины природных явлений, меняя палитру, пробуя самые разные пастельные оттенки. Но всё это – ради постижения красоты Божьего мира, природы и своего места в этом мире, мире любви и света: «...И тогда ты отыщешь в начале, / На очаянно-белом холсте – / Время снов, и любви, и печали, / Удивившись его красоте...»

Елизавета МАРТЫНОВА

Следуя музыке

В. Е. Мялин. Вином и хлебом... Стихотворения. – Владивосток. Дальневосточный федеральный университет, 2014. – 454 с.

Стихи Владимира Мялина и легки, и трудны для читательского восприятия одновременно. Легки – оттого что в них он следует русской классической традиции, и музыка стиха, его ритм на первый взгляд – традиционные, привычные, родные.

*Из мест, где сумрачно и тесно –
Из ниш, подвалов и углов
Я слышу музыки чудесной
Мне душу просквозивший зов.*

Трудны – потому, что постепенно музыка стиха приобретает индивидуальное звучание, даёт толчок иным, авторским смыслам, отличным от смыслов классических стихотворений. Сотворение поэтического мира здесь начинается с незначительных на первый взгляд, нарочито укрупнённых деталей, перечисления предметов или явлений, окружающих автора.

«Овечий треух, телогрейка, жетон...» – в одном стихотворении; «...и телега с извозчиком боком, / И весны голубые кули...» – в другом; в третьем: «Всё, что казалось озорством, / Ребячьей выдумкой, волчком, / Лошадкой, пущенной по кругу, – / В подвалы времени

ушло, / Где пар и битое стекло, / И снов проржавленные трубы...»; или: «Жилая, комнатная доля, / Дворовой вербы серебро, / И бант на девочке, и поле, / Где в воздухе ввинчено перо...»

Бросается в глаза трёхчастность строки – чаще всего перечислений три: «и улыбка, и голос, и дрожь...», «карминный, червонный, червлёный... закат». Эти перечисления создают нарастание энергетики стихотворения. Все предметы, вроде бы наспех собранные в одной строке, обозначают то поэтическое состояние души, когда ей дорога каждая мелочь – как зацепка за жизнь, как символ движения жизни, действительно состоящей из мелочей, складывающейся из подробностей: «...тогда душа твоя / Поинялыми пойдёт дворами / Мимо кучи сизого угля, / Мимо ящиков с сосновой стружкой, / Мимо деда, улицы, куля, / Обезьянки – брошенной игрушки...»

Особенно в этом смысле показательно стихотворение «О Беатриче, о судьбе...», в котором перечисление становится сюжетом стихотворения, его смыслом, его волшебством:

О Беатриче, о судьбе,
О золотоголосых винах —
И о кузнечике в траве
Сухом, с прозрачностью заспиной;

О флорентийской пестроте
Огней сквозь прорезь маскарада —
И о мерцающей воде
Роняющего груши сада...

О рыжем мороке глубин,
Где ходит рыба голубая —
И о сиянье вечных льдин,
Про Герду, бабушку и Кая,—

Легко и весело текли
Мои невдумчивые речи...
И бессловесностью земли
Я был озвучен и отмечен.

Но затем подробности эти претворяют-ся в метафорическое видение мира, когда одно перетекает в другое, снег превраща-ется в одинокий дом, со своим интерьером, и снова дом открывается в космическое пространство, и старые виниловые пластин-ки, которые уже никому не нужны, стано-вятся музыкой вселенной: «Свеченья проём, тишины поворот / И снег, словно дом, где никто не живёт — / С глухим телефо-ном настенным, — / Где ветра порою стучат башмаки / И музыки чёрной пылятся круги / В картонной коробке вселенной...»

Владимира Мялина отличают нацелен-ность на сложность, многоплановость вос-приятия читателя. Автор предисловия к книге «Вином и хлебом...», замечатель-ная поэтесса Марьян Шейхова называет среди любимых поэтов Владимира Мяли-на Пушкина и Блока. Но, скорее всего, по своему поэтическому восприятию авто-ру книги ближе всего стихи Осипа Мандель-штама. Разумеется, стихи Владимира Мяли-на ни в коей мере не являются стилизацией или подражанием, но есть сходство в самой оптике, в точке зрения, в сложности мета-фор, в восхитительных темнотах речи.

Смотрит на мир как на сказку или на пре-красную картину, а на картину художника — как на мир, готовый воплотиться в стихотво-рение. Таких стихотворений, посвящённых работам знаменитых художников, у Влади-мира Мялина много. Очень точно чувству-ет не только авторскую манеру живописца, но и эпоху, в которую он жил, людей, кото-рые ему послужили моделями. Вот «Охотни-ки на снегу» Питера Брейгеля:

1

Зима. Как крестик мельницы далёкой,
В пространстве пористом летит сорока:
Что жизнь и смерть — два взмаха
колонка?..

На лёд зелёный вышла мелюзга,
Рассыпалась, как зёрна чечевицы...
И тяжкий хлеб из житницы струится...

2

Скупа зима, как трезвый человек...
Но праздник на носу; но холм, но снег —
Где три охотника и дерева — рогагы,
Борзые гнутые... В селенье небогатом
На дне Фламандии, художнику родной,—
Канун Сочельника, заботы, выходной...

Или стихотворение, посвящённое Ольге Аникиной:

Одуванчик охряный, медовый,
Фиолетовый кобальт полей...
Сам Ван Гог Ваш — от света до слова —
Поселился в квартире моей.

Он — сутулая тень у мольберта,
Он — подсолнух на стебле сухом...
Сам Ван Гог Ваш — от слова до сердца —
В золотом наважденье моём.

Интересно, что, несмотря на выбран-ную чёткую традиционную силлабо-тони-ческую систему стихосложения и метафо-рическую сложность стиля, автор пытается экспериментировать. Он пишет и длинной, и короткой строкой, создаёт стихотворные миниатюры. Язык Владимира Мялина клас-сически чист и прозрачен, но он не боит-ся использовать в своих стихах просторе-чие, разговорные слова, и получает это у него органично. Порой он выходит к ред-кой прозрачности и простоте прямой речи, незамысловатой, но близкой человеческо-му сердцу:

Я счастлив, что попали в строки
Мои дороги и огни,
И тепловозные тревоги,
И сны, и комнатные дни.

Лирический герой Мялина — чело-век, живущий и в современности, и в веч-ности, чувствующий свою принадлеж-ность и короткой своей земной жизни, и жизни бессмертной. «Мой дом — про-двунная вселенная, / Её неподъёмный закут, / Где вертится музыка тленная / И листья под окнами жгут...» Он остро ощу-щает себя и частью бытия, и обычным, «маленьким» человеком, и поэтом, кото-рый не может жить без стихов и музыки. Как по-настоящему творческий человек, он всегда удивляется миру, восхищается им: «От тяжёлого снега — до смеха / Зажи-гаемых водами крыш. / Вместо звонко-го сердца — прореха; / Удивляешься, веришь, молчишь...». И почти в каждом стихотворении Владимира Мялина — музы-

ка, дом с его предметами быта, московские улицы, снег, свет – и снова музыка. Последние строфы его стихов действительно звучат так, как могут звучать только последние аккорды чистой настоящей музыки:

*...Зовёт меня радость грудная
За морок, за ночь и пургу...*

Елизавета МАРТЫНОВА

«Светом любви обручённый...»

С. С. Бударин. Сторона речного ветра. Стихотворения. — М.: ИПО «У Никитских ворот», главная редакция литературных приложений и книг МСПС, 2013. — 64 с.

Творческий почерк Сергея Бударина значительно отличается от почерка его молодых сверстников, прежде всего, следованием классической традиции, осознанной ориентацией на неё: на стихи Кольцова, Некрасова, Есенина, Рубцова. Это для современного молодого автора действительно необычно. И хорошо то, что стихи Сергея Бударина представляют собой не прямые подражания, а продолжение традиции, и в его произведениях ощущается опосредованное влияние классической поэзии.

И даже когда в стихах вдруг слышится прямо-таки есенинская интонация, индивидуальность автора поддерживают собственные, сотворённые вновь поэтические образы:

*Ива в осеннем дворе
Тихим задумчивым днём,
Словно свеча в алтаре,
Вспыхнула жёлтым огнём.*

*Ветер метёт по земле
Воск шелестящей листвы.
Плещут в заоблачной мгле
Лебеди свет-синевы.*

*Осень, молитву шепча
Перед иконой небес,
Светится словно свеча
В предощущенье чудес.*

(«Ива в осеннем дворе»)

*Из жизненной комы? — Не знаю...
Из смерти? — Понять не могу.*

Владимир Мялин создал свой особый поэтический мир: его можно узнать по одной строке, по одному эпитету. И сделал он это ненавязчиво, не конструируя, а созидая, следуя той музыке, которая его ведёт.

В стихах Сергея Бударина прослеживается связь человека, лирического «я» не просто с природой, а с жизнью. Природа, любой, самый простой пейзаж становится олицетворением человеческой души, тех чувств, которые испытывает лирический герой. Ему не нужно говорить «прямо от себя» (местоимение «я», кстати, Бударин использует довольно редко) и нечасто ведёт речь от первого лица), за него говорит природа, её стихии: ветры, зори, дожди и деревья. И это очень мудро: автор не индивидуалист, не эгоист («Никого не хочу я обидеть, / Всем на свете желаю добра...»). Он никого не обвиняет в своих поэтических страданиях, даже если пишет о несложившейся любви: «Дорогая, пойми меня верно: / Я за руку тебя не держу. / Но и дереву осенью скверно, / Если шепчет листва: «Ухожу» (...) / Дорогая, пойму тебя верно: / Кто листвою сорвался с ветвей, / Отлетает от дерева нервно, / Ощущая утрату большей...»

Стихи Сергея Бударина чистые и светлые, образы в его стихах яркие, чётко прорисованные. При этом во многих стихах автор – скорее созерцатель, наблюдатель в этом мире, но это созерцание не отстранённое, а действительное: «С бледной ладони небес / Снял ты кольцо золотое. / Светом рассеял окрест / Вещее слово святое. / В млечной магической мгле, /

*В бездне космической чёрной / Встал
я, чтоб жить на земле, / Светом любви
обручанный...» («С бледной ладони
небес...»)*

Сергей Бударин очень естественно и проникновенно пишет о родине. Для молодого автора это удивительно. Патристические стихи у Сергея Бударина получаются естественными, не высокопарными, не абстрактными – а лишёнными фальши и действительно передающими движения человеческой души: *«Сердце объято любовью... / Русь, я тебя ль полюбил? / Снежной морозной порою / Нежный твой образ хранил (...) / Всякий –*

весёлый и грустный – / Принадлежу тебе весь / Только за то, что я русский, / Только за то, что ты есть».

Во все свои стихи Сергей Бударин вкладывает яркую, нерастраченную энергию, жажду дорог, путешествий, свершений (*«Я уйду в ночные степи...»*). И печаль сожаления о разлуках и покинутом родном доме уравновешивается радостью светлого пути: *«Будет встреча, как песня, светла»*, – пишет Сергей Бударин. И действительно, все его напевные стихи исполнены света и любви, и именно своей гармонией они и привлекают читателя.

**Ирина
СЕМЁНОВА**

ТАЛАНТЛИВОЕ И БЫСТРОЕ ПЕРО

В декабре этого года исполняется 120 лет со дня рождения Почётного гражданина Саратова, заслуженного работника культуры РСФСР Нины Михайловны Чернышевской. Внучка русского мыслителя и писателя Н. Г. Чернышевского, кавалер двух орденов Трудового Красного Знамени и медалей, она на протяжении 50 лет возглавляла Дом-музей Н. Г. Чернышевского. Ещё в период учёбы на историко-филологическом факультете Саратовского государственного университета Н. М. Чернышевская занималась в семинаре профессора Н. К. Пиксанова, заложившего теоретические основы изучения областных культурных гнезд, когда провинция рассматривается как особая культурная единица России. Директор стремилась сделать Дом-музей Н. Г. Чернышевского именно таким культурным гнездом, значимым не только для Саратова.

Кандидат филологических наук, она стала автором свыше 220 печатных работ, среди которых главной является «Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского», номинированная на Государственную премию. Нельзя не упомянуть и о том, что с 1935 по 1953 год Н. М. Чернышевская вела текстологическую и библиографическую работу для подготовки Полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского в 16 томах.

С самых ранних лет Нина Чернышевская начала сочинять, и семейная обстановка содействовала раскрытию её способностей. Дядя по отцовской линии, Александр Чернышевский, был автором поэтических сборников и фантастической прозы, и, хотя он уехал за границу ещё до рождения племянницы, Н. М. Чернышевская всег-

-
- Ирина Викторовна Семёнова родилась в 1960 году в Саратове. В 1984 году окончила исторический факультет Саратовского государственного университета. Научный сотрудник музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского. Публиковалась в журнале «Волга—XXI век».

да помнила о нём и в течение многих лет собирала материалы для посвящённого ему биографического очерка. Отец в дружеском кругу был импровизатором шуточных стихов и великолепным декламатором, среди родственников по материнской линии были пианисты, учёные, литераторы.

В 1905 году Нина поступила в Петровскую гимназию Петербурга и окончила её в 1915 году с золотой медалью. В классе сочинения внучки писателя считались образцовыми. Кроме того, гимназистка обменивалась стихотворными посланиями со своим преподавателем истории. А вела этот предмет в Петровской гимназии Елизавета Дмитриева – знаменитая Черубина де Габриак. Лирика юной Нины в принятом у символистов стиле нравилась гимназическим подругам, среди которых была Верочка Кербицкая – будущая жена писателя Михаила Зощенко. Много лет спустя в своих мемуарах Н. М. Чернышевская вспоминала, как Михаил, будучи гимназистом, ходил с ней и её сестрой-двойняшкой Еленой на каток. Ему были посвящены строки из позднего стихотворения Нины Михайловны:

*Но всех молчаливей и тише
Входил он юным в наш дом
И был тогда просто Мишей,
А Зощенко стал потом.*

Н. М. Чернышевская добавляет, что её стихи переписывали для себя подруги по гимназии. Были там, например, такие строфы:

*Я хочу, чтоб любили не грёзу во мне
О далёкой нездешной весне.*

При этом Верочка Зощенко до пожилых лет сберегала поэтические опыты своей подруги и читала, когда автор их уже забыла. «Чёрт возьми, из Вас выйдет вторая Лохвицкая», – говорил молодой Нине один из её петербургских знакомых, преподнося свои стихи и цветы.

В 1916 году девушка сблизилась с двоюродной тётёй В. А. Пыпиной-Ляцкой, старшей дочерью слависта и историка русской литературы, действительного члена Петербургской Академии Наук, Почётного гражданина Саратова А. Н. Пыпина. Выпускница педагогических курсов и школы Общества поощрения художников при Императорской Академии художеств, Вера Александровна, чтобы дать Нине возможность внести плату за учёбу на высших женских (Бестужевских) курсах, привлекла свою юную родственницу к разборке архива отца, и девушка с успехом выполнила описание научной переписки А. Н. Пыпина из нескольких тысяч писем.

Тогда же Н. М. Чернышевская работала литературным секретарём редакции издательства «Огни». Основателем был второй муж Веры Александровны, Е. А. Ляцкий, впоследствии профессор русской филологии Пражского университета. По случаю отъезда В. А. Пыпиной-

Ляцкой на Кавказ Нине было поручено ведение домашнего хозяйства Евгения Александровича. В то время в круг его общения входили поэты-символисты З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский и Д. Философов, и у Н. М. Чернышевской состоялось тогда с ними личное знакомство. В квартире Ляцких юная родственница слушала, как поэт Саша Чёрный читает свои стихи. Кроме того, в период учёбы на Бестужевских курсах (1916–1918 гг.) внучка писателя посетила вечер революционной поэзии, на котором перед курсистками выступали Сергей Есенин, Владимир Маяковский, Рюрик Ивнев, Корней Чуковский, Лидия Яворская.

Судя по всему, поколение Н. М. Чернышевской, по крайней мере в столице Российской империи, жило поэзией, как позднее, в XX веке, дети «оттепели», шестидесятники. Рассказывая о переселении их семьи из Петрограда для устройства в нашем городе музея в доме семьи Чернышевских, Нина Михайловна добавляет: «...*В Саратов в 1918 году... я привезла тетрадь со списком моих стихотворений. Их было 500*».

После переезда в Саратов родственная связь Чернышевских с В. А. Пыпиной оставалась всё такой же тесной: переписка Веры Александровны с Ниной Михайловной и её матерью Еленой Матвеевной Чернышевской продолжалась 34 года!

Опытный литератор-мемуарист, В. А. Пыпина поручила своей юной родственнице записывать рассказы Екатерины Николаевны Пыпиной-Нейман, проживавшей в Саратове. То была примечательная личность из числа первых в России женщин, принятых на государственную службу. За 14 лет, в течение которых продолжались её беседы с Ниной Михайловной, Екатерина Николаевна смогла многое поведать о своих встречах с Николаем Гавриловичем, о саратовской старине, об укладе жизни Чернышевских и Пыпиных и их окружении, о событиях примечательных и характерных именно для нашего города.

Знакомство с саратовской двоюродной бабушкой произвело большое впечатление на Н. М. Чернышевскую, что отразилось в её стихотворении «Старый дом» (1918). Написанное от лица Е. Н. Пыпиной, оно кажется «моментальным снимком» с натуры. Здесь ожили рассказы бабушки Кати о старинной обстановке комнат мемориального дома, когда в спальне Чернышевских находился богатый семейный иконостас, позднее сторевший во время пожара, в Синей гостиной – роспись на потолке в виде букетов, синий ковёр на полу, украшенный гирляндами цветов и райскими птицами. А вот и сама рассказчица – тогда ещё маленькая девочка из числа младших детей в семье. Избалованная с детства, она, став вдовой, не сумела поладить с мужем своей дочери и на старости лет была вынуждена вернуться в Саратов в родовую усадьбу, чтобы коротать там в одиночестве свой век. И только переезд родственников, движимых планами по созданию мемориального музея, придал новый смысл существованию бабушки Кати. Пожалуй, музыкальная форма и ритм стихотворения напоминают о творчестве А. Блока; тем не менее Н. М. Чернышевская с нема-

лым, на наш взгляд, мастерством сумела в довольно сжатой форме воплотить оригинальное содержание, параллельно развернув картины жизни старого дома и текущей жизни в тех же стенах:

*Брожу по комнатам усталая,
Под чёрным шёлковым платком,
И словно сказка небывалая
За мною входит в старый дом.*

*Мне снятся образа старинные
В их потемневшем серебре
И птицы райские невинные
На удивительном ковре.*

*Рукою тонкой разрисованный
В цветах вознёся потолок
Над девочкою избалованной,
Упрямо севшей в уголок.*

*Мелькают кринолины пышные
В лучах закатного огня,
И речи девичьи неслышные
Чуть-чуть доходят до меня.*

*Но я молчу, мечтою скована,
Боюсь спугнуть игру теней
И, прошлым нежно околдована,
Брожу всё тише, всё грустней.*

*Дорога, в дали уходящая,
К окну приковывает взгляд.
«Там жизнь большая, настоящая,
Оттуда нет пути назад!»*

*В окно летят снежинки сонные,
Но сердце, сердце под платком
Уже трепещет, просветлённое,
Своим надломленным крылом!*

Очевидно, что Нина Михайловна обладала способностью вчувствоваться в переживания окружающих, абсолютно необходимой для художника слова. Свои мгновенные зарисовки, подобные «Старому дому», внучка писателя не считала нужным публиковать, придавая значение только идейной поэзии – гражданской лирике. В этом отношении характерно письмо, написанное ею в сентябре 1928 года неизменному корреспонденту, В. А. Пыпиной: «...Самое сокровенное – это два моих стихотворения, посвящённых Чернышевскому. Все статьи, комментарии, указатели, летописи я отдаю на обществен-

ный суд без смущения: это плод моей архивной работы, дети научной выучки. Но мои стихи... дети моего сердца... я послала одно из этих стихотворений, вместе со статьёй о музее, в Москву, причём написала, что автор желал бы сохранить своё имя в тайне. Пришёл ответ, что стихотворение будет напечатано. Сердце забилось, будто мне 16 лет, а не 32 года! И только Вам открываю это. Ведь это – самое дорогое в моей внутренней жизни...»

Трудно не увидеть в поэтических опытах, в записи воспоминаний Е. Н. Пыпиной и других саратовских старожилов – современников Н. Г. Чернышевского – школу подготовки к созданию беллетристических произведений, занимающих центральное место в художественном творчестве внучки великого писателя. Уже за «пробу пера» в этом направлении – повесть «Вилюйский узник» – Н. М. Чернышевская в 1939 году была удостоена литературной премии имени М. Горького. Это дало ей возможность вступить в Саратовское отделение Союза писателей СССР (1949).

Когда Ниной Михайловной была написана (на материалах Государственного архива Саратовской области и газет 1840-х и 1880-х годов) документальная книга «Н. Г. Чернышевский в Саратове», как вспоминает она, «стали складываться в уме отдельные сцены из детства Н. Чернышевского, стала стучаться в память автобиография его, так живо и образно написанная, припомнились рассказы бабушки Пыпиной». Так, перейдя от научного стиля к беллетристическому, Н. М. Чернышевская создала свою вторую, неоднократно впоследствии переизданную повесть «Саратовский мальчик», а затем «Повесть о Чернышевском».

К. И. Чуковский писал ей в восторге: «Как это чудесно, что Вы владеете таким талантливым и быстрым пером! Процесс писания даётся Вам необыкновенно легко: кажется, что нужные слова сами бегут к Вам под перо. Меня всегда восхищала флюидность Вашей речи, позволяющая Вам в один день написать 22 страницы».

Не только языком беллетристики – в равной степени Нина Михайловна владела и мемуарным стилем, на протяжении как минимум двенадцати лет работая над своими интереснейшими воспоминаниями «Н. Г. Чернышевский в моей жизни». В тот период она записывала: «Поняла, что нужно, прежде всего, чтоб начать: чтоб вспыхнул огонёк любви и благоговения к самому дорогому в жизни, сошедшему в могилу, – иначе не будет ничего, кроме заказа».

Представляется, что в этих словах выражен итог раздумий Н. М. Чернышевской над трудом литератора. Это – её завет.

Натэлла
ЛЕВИЦКА*

ЛИЧНОСТИ И ЛИЧИНКИ

Журнальный вариант

Парафраз:
«Театр – яблоко. А мы в нём – червячки»
(Театр: вид изнутри)

Действующие лица и исполнители:

Я: «Вся такая неземная, вся возвышенная я».

ОНИ: тролли, ангелы и насекомые,
падишие и палящие, рыцари и швейцары,
принцы и нищие, упыри и вурдалаки,
личности и личинки.

Глава I

ПРЕДТЕЧА

ДВЕ МАЛЕНЬКИЕ БОЖЬИ КОРОВКИ

По сути, я моделировала ситуации... И они же воплощались...

Например, отправляясь в Сибирь почти на год, я иду в конце процессии. Вереница провожающих – как в последний путь... Люди идут обречённо. Гуськом. Окидываю взором: невероятно разношёрстная толпа – и вопрошаю рядом идущую:

– Как ты думаешь, что объединяет всех этих людей?

Она тоже окинула. Пожала плечами:

– Даже не знаю...

– Мои вещи.

И в начале славных дел, садясь с поезда в такси, говорю:

– Вот и началась моя ссылка.

Таксист засмеялся, обернулся:

– К нам в ссылку не ссылали. К нам – на каторгу...

* По желанию автора биографическая справка отсутствует.

– Тем более. А вы на дорогу-то поглядывайте.

И вот практика чуть было не оказалась дословно – каторгой. Приезжаю и с ужасом замечаю: последние-то вести с фронта сюда не дошли. И они до сих пор работают в режиме: тыл – фронту. Так никакого здоровья не хватит...

Огородила себе кусочек воображения. И каждую ночь перед сном строила НЕКУЮ ФАНТАЗИЮ.

Там было всё. Ещё неизвестно, в каком именно качестве, но точно знаю: буду работать именно в этом театре, вижу его внутренности – всё закулисье, все дверцы и ходы... Вижу тёмные улицы, трамвай, остановку, ЕГО, своего тогдашнего кумира, и он – мне (а не я – ему) дарит цветы...

Работа над ситуацией продолжалась. Фэнтези выстраивалось чётче и чётче. И вот – ВСЁ ОДИН В ОДИН, только остановка – не та! И я одна стою в ночи с огромною охапкою белоснежных цветов невесты; трамвай открылся – и закрылся, а я стою... не успев переключиться... С этого момента, воплотившись, мечта утратилась. Надо было работать над новой.

А «мечт» не было...

С НИМ же (дважды за лето вдруг совпадает): иду из гостей, после ванны, закоулками, переулками, волосы сушатся на ходу, через все буераки и проулки выхожу к остановке, а там – ОН. С собакой. Чёрной, кудлатой. Непонятной породы.

Смотрю:

– Как зовут?

– Меня-то?

– Его!

– Боб.

– В честь Гребенщикова, что ль?

– Нет, – смеётся. – Он просится на улицу в час ночи так: подходит к двери и говорит: «боб-боб-боб...»

И – через время:

– Ой, что это у тебя?

И начинает копошиться в моих шикарных волосах – и достаёт божью коровку...

...Месяца три спустя. Иду с соседкой. Доходим до той же остановки – они с Бобом.

– А вот сейчас я вас и познакомлю... – Называю имя-отчество. – И Боб.

– Бобик, – уточняет.

– Как? – возмущаюсь. – Для кого-то – Бобик, а для меня – Боб!

Смеётся. Выясняется, бобик – пудель, нестриженный только. Слово за слово...

И вдруг:

– Ой, что это у тебя?! – И начинает путаться в волосах.

Внутренне напрягаюсь, внешне – злюсь: не терплю фамильярности при посторонних. А ОН достаёт... божью коровку. И смотрит тёмненькими глазками, весь рыжий и такой же кудряво-лохматый, как я... И такое удивление в глазёнках. И я смотрю, всё ещё вспущённая, но уже примирительно. Такая вот законченная сюжетная линия. Хоть на глаза не попадайся: что-нибудь да достанет...

В другой раз говорю:

– У вас глаза цвета кофейных зёрен.

ОН, секунду помешкав, засмеялся:

– Да-а! В большо-ом дефиците!

К чести сказать, за все годы работы в театре я соблюдала дистанцию, как бы и к кому трепетно ни относилась. А вот его своими бесконечными розами поставила-таки под удар: обо мне поползли чудовищные слухи.

Немного яда: люди талантливые не интригуют, поскольку работают как лошади. Людям бездарным ничего не остаётся – только интриговать. Чем больше актёр, тем меньше у него времени на глупости. Но вот обслужа... Та, что стирает носочки... Эти питаются исключительно слухами. Точнее, создают их, выращивают и ими же питаются.

Слава Богу, по истечении первого же сезона мне преподали мастер-класс гастролирующие питерцы. Менеджеры оказались чудесными психологами; никогда ни до, ни после не довелось видеть больших интеллигентов. Зритель ещё только-только подходил к входной афише, а они:

– Этот будет скандалить сразу. А эта киска не знает, чего хочет, советоваться будет.

И ведь – скандалили! И ведь – советовались!

Но самые памятные уроки – как себя вести с актёрами.

– С ними лучше не вступать в панибратство и держать от себя подальше. Конечно, они дети. Но в самых худших своих проявлениях. Никогда не говорите с ними по душам, и упаси вас Бог с ними откровенничать! Сейчас они с вами любезны, вышли – и забыли о вашем существовании. И ещё – они ужасные сплетники. Мне, если надо, чтоб весь театр знал новость, не нужно собирать всех вместе. Достаточно СЛУЧАЙНО столкнуться с определённым типом в коридоре и по ВЕЛИЧАЙШЕМУ СЕКРЕТУ, доверительно сказать, что мы едем в Гамбург. И – обязательно тихо попросить его НИКОМУ НЕ ГОВОРИТЬ, ни-ко-му! Всё. Через два часа знает весь театр – от вахтёра до гардеробщика. Включая и тех, кто вечером не занят.

Помню, как они опекали мою персону два месяца. Никаких недовольств – сплошное благорасположение.

Однажды в перерыве оказываюсь в центре города: жара, хожу по рядам, покупаю обед – огромные эдемские яблоки, после по этой духоте направляюсь к остановке и вижу, что спешить-то, собственно, некуда: плюс-минус полчаса, уже опоздала! И вдруг сзади голоса:

– Надо же, идёт ведь – и не торопится! А обед пятнадцать минут как закончился.

А они втроем шли за мной так же не спеша по всему рынку, наблюдали!

– А почём яблоки взяли? По тридцать? Надо было поторговаться, за двадцать пять уступили б!

Один раз смотрю на приближающуюся к окошечку девицу и роняю:

– Какие ножки...

– Ба! Да у вас мужской критерий оценки! – диву даются питерцы. Другой раз – уже вот-вот премьера. И один из них приходит ко мне с миссией:

– Завтра у нас праздник такой... Открытие гастролей... – И не знает, как бы поделикатнее: – Вы бы, что ль, глазки подкрасили...

Во-на... А у меня принципиально **ВООБЩЕ** нет косметики...

И с утречка пилю через город и пополняю запасы: тушь чёрная, синяя, коричневая, зелёная. Тени итальянские, пудра французская...

Они заходят – я сижу. Обомлевают.

– А давайте-ка с нами в Питер! Что вам тут делать? Работать будете так же... Жить в театральном общежитии... Прописку как-нибудь сделаем. Всё-таки наш-то город получше вашего.

Но я же – патриот. Всея Руси. Куда я – без своего-то театра!

– А вы подумайте. Приедете в отпуск к нам. Встретим. Гостиница за наш счёт. Повозим вас по музеям. А там всё само собой и решится...

Не судьбец. Глупость одерживает верх. Ну, и патриотизм тоже...

Глава II

...ХОРОШО БЫТЬ КАМНЕМ...

Но уроки не прошли даром. Стала несколько трезвее смотреть вокруг.

И убивало-то как раз то, о чём предупреждали. Стоит немного приподнаться, времени остаётся – лишь вставить ключ в замок, – и именно в этот момент из-за угла, из сумерек кулис, в курилке, где угодно, выворачивает на тебя некая дама, всегда одна и та же, и с хода, будто и не видит, что пар из ушей, начинает (с вечно натянутой улыбкой, причём ей кажется, что она хорошая актриса и может быть искренней) интересоваться делами, настроением, здоровьем и прочая, и прочая... Хотя ей-то никакого дела нет ни до дел твоих, ни до мировоззрений – за два метра видно! Но – время идёт неумолимо, и вот уже не успеваешь вовремя вставить ключ... снять шубу... привести в порядок... подкрасить реснички... И наконец, она подводит к цели: «На сегодня контрамарочку на двоих...»

Этот кошмар – с настроением, с самочувствием и контрамарками в день её эпизодических ролей – повторялся от раза к разу, из года в год... И пока мною управляли интеллигенты, можно было кое-как переносить. Но стоило подуть ветру перемен и верх взять хамам, я тоже покончила со своим интеллигентным прошлым.

В тысячный раз, мчась во мраке и натываясь всё на ту же даму и замечая порыв, торопливо опережаю:

– Да, да. На сегодня. Контрамарка. На двоих.

Насколько помню, после этого она ко мне более не обращалась...

Но. Что касается больших величин.

Пензенский (в то время) актёр, доверительно:

– Особенно мне у вас одна актриса нравится... – И называет.

Я удивилась: он знает наши кадры поимённо. Но после выясняется: она его жена.

И вот в один прекрасный момент заходит она – вся, как всегда, неземная и загадочно-отрешённая, видит: я не в духе – и спрашивает:

– Что-нибудь произошло?

– С другом.

Она:

– Вы счастливая, у вас есть друзья. А у меня нет друзей. Одни любовники. Постарайтесь подольше не взрослеть. И не показывать мужчинам, что вы повзрослели...

И ещё – слова мальчика из фильма: «Хорошо быть камнем. Лежать тысячу лет. Всё видеть, всё слышать – и ничего не чувствовать».

В момент произнесения я так не думала. Но позже, значительно позже (когда повзрослела) дошло. Когда человека часто и сильно обижают или обманывают, когда он устал смертельно от всего и боится предстоящей неизвестности – а вдруг опять боль, обида, обман, – наступает смертельная апатия. Умирать – страшновато. А жить – не-вы-но-си-мо. И хочется, чтоб ЭТО происходило, но без затраты душевных сил, безболезненно... Хорошо быть камнем...

Но была женщина, чьё присутствие особенно радовало. Огромные глаза – таких просто не бывает, нереально, где они умещаются? А сама вся истончена, хрупка – настоящая булгаковская Маргарита.

Внезапно возьми и скажи ей. А она – будто от удара... Тихо... Пауза... Глаза бездонны и безбрежны:

– А знаешь, меня ведь сюда на эту роль пригласили...

Ужас. Поманили – обманули. Ужас!

Вижу её выпорхнувшую к старинному трюмо на проходную, в некоем массовочном коричневом костюме «под средние века». Выпорхнула, глянула – в огромное зеркало в тяжелой дубовой раме:

– Ах, хорошая какая! Неужели я помру?

И мимо, мимо, в дверь.

Бабулька-вахтёр:

– Да что же ты говоришь-то такое! Кошмар...

Шикарная фраза. Шика-арная! Всё в ней.

Следующий момент: на ней отрываються, заставляют форсировать голос уже на читках, к генеральным – голос сорван. И так – бесконечно, методично...

Заходит...

...А надо сказать, все странно заходили. Почему-то толкали дверь, а нужно тянуть. Всё стеклянное, стекло толстенное. И вначале лёгкий удар, люди, словно птицы, бьются и лишь со второй попытки открывают. Всегда – этот лёгкий шорох мотылька, летящего на свет. Кругом темнотища, а в конце, в бордовом тупике, еле заметный свет.

Так вот, вначале удар. Поднимаю глаза: в свинцовой раме в полный рост – человек на чёрном фоне. Будто призраки. Таинственно и жутко. Портрет, потемневший от времени...

Заходит... Горло закутано, и обе руки – на нём. И эти НЕВОЗМОЖНЫЕ глаза...

– Болит?..

(«Чудовищно щемит. Такая актрисища, а за толстыми задками не пробиться...»)

Кивает. Хрипит:

– Сорвала...

Садится. А завтра премьеры...

– И что делать?

Она:

– Сейчас бы коньяку, грамм тридцать...

Я:

– Коньяку?!

– Согреть связки...

– Открывай шкаф.

Изумлённо:

– Серьёзно?

– Открывай!

– У тебя?!

Открывает, ещё более опешив, поднимает глазища:

– Она не открыта...

– Открой.

Колелется:

– Она закупорена.

– Откупорь.

– Серьёзно? – А после: – А куда?..

– Вот, а чашка только одна.

Уходит. Возвращается с гранёным стаканом. Наливает, недоумевая над самым фактом: у меня-то как раз не ожидала... Обхватывает двумя руками свои тридцать граммов... Смотрит, словно не коньяк в ладошках, а жизнь ей возвращают... И удаляется, не веря.

Её-таки выперли. После самой оглушительной премьеры, какую я здесь только видела. Он нахамил. Она – подала заявление. Всё.

И ни одна живая душа, как всегда, не заступилась. А ведь чьи-то голоса – весьма решающи. Нет. Актёрской солидарности нет вообще. Женской – в частности. Оживляется второй состав. Оживляются вышедшие в тираж – у всех реальный шанс доносить чьи-то роли...

Иду из церкви. Несу медальон Владимирской Богоматери, эмаль в мельхиоре...

«...фиолетовые руки на эмалевой стене...» Только что куплен. Рисую, как подарю его самому-самому красивому мэню театра: блондин, кося сажень в плечах, за два метра ростом... С ним тоже связан анекдот, но о нём позже...

...А сейчас: промозглость, снег – грязной чайной содой. Транспорт стоит. Нос краснеет. Всегда так: белые щёки и совершенно по-утиному красный клюв! Вида не прибавляет... И вдруг в этом же месте, в это же время бежит она. Окликаю. И внезапно говорю:

- Правильно всё. Зачем душу уродовать?
Невообразимые глаза:
– Знаешь... только ты так сказала... Остальные уговаривают вернуться... А зачем? Только ты меня поняла...
Отдаю ей медальон. На её замешательство:
– Он только что из церкви.
Взяла, держит... И переполняет её, переполняет...
Больше никогда не встретились.

Глава III

ТАКИХ – НЕ ДЕЛАЮТ!

Анекдотическое. Блондин. Вот такой вышины, вот такой красоты. Он заходил раз в месяц, перед своими спектаклями. За контрамаркой. Обомлеваю в первый раз, с ума сойти и не вернуться: ТАКИХ – НЕ ДЕЛАЮТ! Платиновые локоны, невероятные глазница: в серебряной ложке – вода, пронизанная солнцем... Он удаляется, скользя столь грациозно, сколь и появился... После его ухода на старом, покрашенном маслом паркете – несколько длинных белоснежных перьев из оперенья крыл... (Как позже сказала его жена: «Идёт по жизни, левой ногой двери открывая. А кому это понравится?») Вот так и ко мне.левой ногой. Открыл бы. Да в другую сторону! Мягкий шлепок о стекло – и стоит... Невероятный красавец. По телевидению видела. А так чтобы... никогда... Даже не знаю, КТО ЭТО... Ну, немыслимо красив! Похож на ангела-хранителя. Он – нулями на мой немой восторг:

– Как, много билетов на сегодня?

Поднимаю кипу:

– Никто не берёт.

Хамка... Иду в зал и вижу его – в главной роли.

У-ужас!..

Но забавно... Начинаю смеяться, представив его, такого победительного – в свете этаким оценки... Кому хочешь крылышки пооборвёт...

Ритуальное пришествие небесного воинства повторяется в определённые дни. И, главное, со всеми уже как-то пообтесалось, все здороваются, но этот! Будто микроба встречает – не видит. Ладно... Ужо я вас!..

Сидим с какой-то девчонкой. Вечер. Смеркалось. Лампа на столе. И ни единого проблеска кроме. Полнейший мрак. И просветом нутряным – лишь мой закуток. Удар о стекло. Пришёл. Ни здравствуйте, ни до свиданья:

– Приглашение, на два лица.

И на выход.

И тут я проделываю невероятную вещь. Вспомнив сразу два фильма юности, где девица просит купить коробку конфет: «Ахмат, купите мне коробку», и «Здравствуйте, я ваша тётя!» Здесь надо с именем! Без него – никак. Он уже уходит. А я, быстренько подмигнув девчон-

ке, выгибаю этак спинку по-кошачьи, ставлю локотки на стол, кладу лицо на сплетённые пальчики и самым елейным и сексуальным голосом, вкрадчиво мурлычу, с придыханием так, томно:

– Алексей...

Он резко встаёт и медленно, не веря ушам, разворачивается на интонацию – мед-лен-но! – как в рапиде... И глаза его округляются при виде позы, мною занятой, и, главное, от тех речей, что он от меня слышит.

– Алек-се-э-й, – продолжаю мурлыкать я и делаю такие дымные, с поволокой очи... и так закусываю губку:

– ВЫ – та-кой мужчина – это ПРОСТО ЧТО-ТО!..

От неожиданности и возмущения он открывает рот, хватает – и давится воздухом. И так закашлялся! И покраснел! И пулей вон! А мы как грохнем вслед! Только раскаты эха... И он удрал от этого смеха как ошпаренный, без оглядки.

– Есть! – в полном восторге я.

Никогда не видела его вышедшим из ампула.

Вечером смотрю на него (не пропускала ни разу) и смеюсь, и ревлюсь от удовольствия – так сама себе нравлюсь.

А утром...

Тихо пробираюсь по сцене. Идёт монтаж. И я иду. Всем сказала «здрасьте» – и краешком, краешком, глазки долу... И вдруг от толпы монтировщиков отделяется мощная фигура и – сам! – он... Герцог... надвигается на меня, настигает – нет выхода! – и ухмыляется... Я – бочком, бочком, вдоль стеночки, сердце – ёк...

А он:

– Ну, ЗДРАВСТВУЙТЕ... – И имя моё произносит с ТАКИМ сексуальным ударением!..

Господи, провалиться б на месте! Теперь ошпаренно улепётываю я. Но с тех пор при встрече мы глядим и заранее улыбаемся, вспоминая все шалости и словечки. Оттаял! Потеплело!

По этому поводу, да и по другим тоже, говорю о себе: я – как та собачка Габа...

Габа – Габриэль – чёрный средний пудель у девочки с радио, что интервьюировала меня по великим праздникам. Как полагается, для случки собачке Габе приводят карликовых пуделей. Она их забрëхивает. И женихи, вжавшись во входную дверь, ждут, дрожа, своих хозяев. Проходит три года, пять лет, а Габа ведёт себя не лучшим образом. Зато! Стоит ей на улице, в парке – да где угодно – встретить огромного дога, как она тут же готова отдаться и, тоскливо повизгивая, сворачивает шею с поводка в его сторону...

Вот и я – как та собачка Габа...

Что же касается блондина...

По выходным истинный аристократ Герцог грузит собак в авто и едет на охоту. «На корову». Или «на свинью». (Кстати, в его домашнем интерьере с потолка до пола свисает мишкина шкура с оскаленной мордой.)

Две охотничьих псины. По мне, без особой разницы – борзые или гончие... Вот кто-то из них. Во всём барчук. Даже в собаках...

По его фактуре – ролей в театре нет... Авторские моноспектакли на телевидении – куда интереснее того, что дают играть на сцене... В одном телеэпизоде появляется безмолвная хищная девица, обнимает ножкой контрабас. Говорю ему: сцена с контрабасом весьма эротична... Да и вообще... Много авторских находок.

Он – циник страшный... И в образе Герцога, допустим, появляется в платиновых коконах, кожаных штанцах, ботфортах и в кружевной сорочке. Целиком его стиль – ни убавить ни прибавить. Начинает медленно, искушая, по пояс раздеваться... Такой торс... Боже ж ты мой!.. Женская половина зрителей делает глубокий громкий вдох... А он, негодник, знает о производимом впечатлении... Подаётся этак любвеобильно к героине... И женская часть зала делает громкий выдох... И откидывается в изнеможении в кресла...

Вот ещё эпизод.

...Он выходит на плаху, такой огромный и – беззащитный. В лайковых штанах. И белоснежной рубашке. А на втором плане, будто гигантский нож гильотины, уже идёт железный противопожарный занавес...

Конец.

Дамочка из предыдущего ряда встаёт, пожимает плечами и хмыкает: – Х-м, и не понятно совсем, отрубили ему голову или нет.

А сзади:

– А вы хотите, чтоб за три рубля вам голова покатилась?

В телеспектаклях, где он и драматург, и режиссёр, и исполнитель, обаятелен сверх меры. А на подмостках получает рольку: вывести под уздцы белого коня с главным персонажем верхом. В какой-то момент пособляет тому взобраться, едва не опрокидывает через седло, да и коня с места толкнул – силища! И мордаха при этом – дово-ольная...

Персонаж после премьеры:

– Ну, как я?

Самолюбование ещё то – первый парень на деревне. Был... До Герцога. А этот и в плечиках пошире, и на голову повыше! И – блондин, блондин...

– Здорово! – восторгаюсь. – Особенно когда Алёша помогает залезть на Секстанта – и роняет. И вас. И коня...

Мрачнеет:

– Ну... допустим... Коня-то он не свалил...

Вечером сажусь в такси, и вдруг в снежном мраке проскакал белый всадник на белом коне. Делают круг... Останавливаемся... Чуть тронемся – снова кружат... А счётчик щёлкает... И так – на протяжении всего выезда из парка. Коняга сверху заглядывает чёрным глазом в лобовое стекло, фыркает паром... По стёклам – марево тумана от конского дыхания... Когда наконец оставляют в покое, берут с места в галоп, и шматки снега комьями летят в стёкла... Оказалось, Герцог ревзвился...

У главного-то героя катастрофически не сложились отношения с жеребцом. Тот и бьёт его копытом, и зубами рвёт воротник, и кусается... (Стоит и методично бьёт копытом прямёхонько в колено... раз, другой, третий... После десятого удара герой не выдержал и хлест-

нул коня по морде уздечкой... Тот – на дыбы... Говорят, колено – в хлам... Или – с остервенением, просто-таки по-собачьи мутузит ворот рубахи, пока герой читает монолог...) А с блондином белый конь – душа в душу. И Герцог вызвался моционить конягу своим ходом после спектакля, ночью, через весь город, до конюшен...

Провели АНОНИМНОЕ анкетирование... Анонимное! Вопрос: «Национальность» Ответы: белорус... или литовец... Вопрос: «Сколько лет работаете в театре?» Ответы: 28... 30... Более всех порезвились студенты, им-то терять нечего, все в один год поступили. На вопрос: «Ваш любимый современный драматург» – хором назвали его фамилию.

Поставленная в условия, когда невозможно не подрабатывать, часть актёров дополнительно монтирует... И вот, улучив такой момент, когда Герцог в холщовой робе грузит декорации, Маэстро походя ехидно говорит:

– А-а, любимый драматург всей труппы?..

Говорят, лицо было... желваки прошлись по скулам... Ещё бы! Он – и в этом рубище – не своим делом занят... В то время как в других городах идут его пьесы...

(Сюда же: зима, у крыльца – Птичка Додо – большеглазая ОНА, со снеговой лопатицей.

– Привет... – безмолвно спрашиваю: что сие значит?

Она лихо, нарочито залихватски утирает нос рукавичицей и говорит, напирая на лопату:

– У нас каждая дворничиха может управлять государством!)

Мне, наверное, повезло, что на некий, пусть микроскопически малый срок я прошла возле людей искромётных и деятельных, дико работоспособных. Людей-творцов. Любить стоит лишь людей талантливых. Талантливых по большому счёту. Другим как-то нет места в душе...

Глава IV

ДЕМИУРГИЯ И ДРАМАТУРГИЯ

Итак. Передо мною блюдо клубники. Или малины.

Пальцы перепачканы соком, под ногтями затёки. Следовательно, все билеты и квиточки перепачканы розовым.

Лето. Жара.

Жизнь как-то благорасположена и развернулась анфас. Я наивна, глупа, если не сказать больше. Мои глаза распахнуты огромно, и я люблю весь мир и всех по отдельности взятых. Точно знаю: меня просто нельзя обидеть, обмануть или причинить мне боль. Этого не может быть по определению, ибо – мир так прекрасен...

А я столь бесхитростна.

В поле моего зрения не появился и никак ещё не проявился ни один из «учителей». Мне кажется, я уже слишком претерпела, перенесла и намучилась, и теперь-то предо мною – лишь солнце, море, пальмы...

Мне – так казалось...

С таким мироощущением долго не живут...

Моё излюбленное место и время – закуток за шторой бельэтажа на протяжении репетиции.

Где-то далеко-далеко внизу разворачивается ДЕЙСТВО. Актёры – крошечные, будто игрушки. Маленькие, беззащитные в потоке бушующего света. От ослепляющих софитов фигуры людей обведены белым абрисом. Ощущение НАД схоже с ощущениями демиурга, смотрящего с небес на землю, на беготню и страсти.

Когда появляется любимец (условно: Тролль) – прилив нежности. Хочется взять его – и спрятать за пазуху.

Стою часами за серыми складками шёлка. ВСЁ ВИЖУ И ВСЁ ЗНАЮ. То, что сотворится на моих глазах, сродни чуду...

Присутствие при сотворении – вообще таинство.

Хотя сама не люблю и не допускаю постороннего в момент работы. Пробовала – не получается! Чего бы это ни касалось. (Когда же творчество как таковое иссякло, таинство перенеслось на приготовление пищи. И – чтоб ни единой души, кроме моей, на кухне.)

Но пока... пока я – в этом ВОЗЗРЕНИИ сверху вниз и, чтоб не засекали, в тихом отклонении вглубь, за шёлковые складки мышинового цвета.

...Вбираю каждый звук, вбираю каждый цвет, вбираю эту суть – как будущий сюжет...

Любовь к родному театру обуславливается ещё и тем, что во всех театрах одинаковое время работы и выходные. Маленький зазор – пересмотреть чужие репертуары – остаётся лишь в момент гастролей. Но! Какой отрыв! Какая полная палитра! Только летом возможны сравнительные анализы. Когда бессрочный отпуск и «ноль» в кармане.

Маэстро желал, чтоб спектакли создавались и актёры в них порхали вопреки законам физики. Один раз по ходу репетиции он лёгким мановением руки повелел соорудить эстакаду из прислонённых друг к другу, ничем не закреплённых нескольких деревянных лестниц.

Эстакада вмиг была возведена.

По его задумке актёр должен был ЛЕГКО И НЕПРИНУЖДЁННО взбежать, подобно эквилибристу или канатоходцу, по лестницам на самый верх. Хотя – ТЕОРЕТИЧЕСКИ – со стороны было очевидно: сей трюк невыполним. И актёры толпились, поглядывая в нескрываемом смятении.

Вспорхнуть надлежало именно Троллю. Но он стоял и не торопился расстаться с жизнью.

На понукания Маэстро он ответил, что-де он не камикадзе, или что-то в этом роде.

Тогда, уже начиная раздражаться, маленький деспот предложил кому-либо ИЗ МОЛОДЫХ совершить триумфальное восхождение. Но добровольца не нашлось.

И здесь Тролль сделал гениальный поворот: предложил самому Маэстро продемонстрировать, опробировать, показать пример, сделав

жест руками, как бы приглашающий на плаху, мол, сделайте милость, прошу в сторону сооружения... И остальные актёры так же воздели руки в том же направлении.

Маэстро ступил на первую рейку (всё заходило ходуном, заскрипело, затрещало угрожающе), мгновенно осознал степень безумия и немислимости собственной затеи, но не отступил и, будто в последний путь, ползком, с грехом пополам добрался до середины вавилона, им же и сооружённого. Да он и сам понимал, что эстетичного в том мало, и осторожно, при общей поддержке полез назад. Несколько озадаченный ФИЗИЧЕСКОЙ НЕВЫПОЛНИМОСТЬЮ прожекта... Спустившись с небес на землю, он отказался от задумки, хотя видно было: находка-то ему нравилась...

Он вообще любил эпатировать трюкачеством и злился, коли на поверку актрисы на шпильках лазили по станкам не столь изящно, как ему бы хотелось. Кажется, временами он ПОЗАБЫВАЛ, что имеет дело не с оперной труппой, не с балетными и уж точно не с цирковыми...

Если ему хотелось получить ЭФФЕКТНОЕ ЗРЕЛИЩЕ в ущерб чьему-то здоровью – и это делалось.

Подобно капризному баловню, он ломал свои любимые игрушки, а после злился, что в них больше не сыграешь...

Его способ работы с живым материалом напоминал мне метод художника-экспрессиониста, нещадно выдавливающего без остатка какой-нибудь один тюбик и безжалостно выбрасывающего выжатый досуха туб.

При нещадной эксплуатации в коробке первыми заканчиваются белила. Как правило. Но в коробке каждого художника есть ещё парочка красок, опустошаемых до конца. В моей – это крапак и умбра.

В коробке нашего гения первой заканчивалась сажа.

О мертворождённых спектаклях

Чего я более всего боялась, так это длиннот и заунывных монологов, когда на 20-й минуте люди начинают ёрзать, подкашливать, а на 40-й – встают и уходят.

Не всякий зритель мог долететь до середины спектакля... Гармоничных, на одном дыхании, спектаклей – три-четыре.

И иногда на премьере сидишь и думаешь: «Ну, слава Богу, пронесло! Живой спектакль».

А во втором акте – бац! – и начнут размазывать киселём да по блюду, да от середины к краю, да ложкой, да с приволокой...

В такие моменты жутко и стыдно. Перед рядом сидящими.

Но этим Маэстро грешил постоянно. Какая-то страсть мазохистская: расковырять самое слабое место, дотереть до дыры, чтоб сквозь неё разглядывать несуществующий пейзаж.

Было во всём этом нечто недужное...

Его вседозволенность и капризы граничили порой с самодурством.

Например, он мог позволить себе роскошь выписывать столичного актёра раз в месяц на роль Мастера. Сюда входили командировочные, самолёт, двухсуточные, проживание и т. д.

Так вот, ОН МОГ СЕБЕ ПОЗВОЛИТЬ ПРИХОТЬ: по приезде актёра ЗАМЕНИТЬ ЕГО ДУБЛЁРОМ, чтобы показать, КАК НАДО играть...

Стыдоба... И актёр, оторванный от работы, от съёмок, недоуменно сидит возле него в зале. И ничего не попишешь: кто платит, тот и заказывает зрелище.

Однажды, приблизительно за месяц до этого позорища, Мастера каким-то ветром занесло на мою половину. Он ходил по театру в поисках живой души, и единственным, кого он застал на месте, была я. Кажется, он искал телефон или ещё что-то. Разговорились.

Час или полтора... Точнее, говорил он, а я поддерживала горение. Параллельно СЛИЧАЯ то, что о нём знала, с тем, что сейчас видела... И, главное, одно с другим не вступало в диссонанс: всё совпадало!

Он говорил с первой попавшейся незнакомой девчонкой и того не знал, что она когда-то бросилась защищать его перед согруппниками...

История не стоила выеденного яйца и заключалась в следующем: в далёком сибирском городке студенческая группа коллективно посмотрела жутко патриотический фильм С НИМ в главной роли. И стала обсуждать: мол, людей с таким волевым характером в жизни не бывает, и т. д., и т. п. И, хоть я не вступала до сего с одноклеточными в полемики, тем не менее сказала: «ОН И В ЖИЗНИ ТОЧНО ТАКОЙ ЖЕ». Ибо знала о ситуации, создавшейся в стенах нашего театра, где он проявил себя жёстко и бескомпромиссно, а с чьей-то точки зрения – и аномально... Прилетев на спектакль, он после первого вечера, после первой части, получает вести из дома: там насмерть сбило его сына... Он мог улететь – и все бы поняли... Но он – остался доигрывать...

Конечно, я не распространялась – не считала нужным. Но и этой одной фразы было довольно: куры подпрыгнули, гуси заготовали, и стадо набросилось на меня, как на инакомыслящую.

И вот поди ж ты... Прошло каких-нибудь два-три года, и он сидит передо мною, по ту сторону настольной лампы – протяни руку... И вальяжно рассуждает о том о сём... А глаза – синие-синие и холодные-холодные... И строение подбородка подразумевает, что лет через тридцать он превратится в очень желчного старца.

В числе прочего, он говорит, что играть на сцене, вечно погружённой во мрак, где не видно ни лиц партнёров, ни лиц актёров, вообще абсурдно...

А я просто вслушиваюсь и всматриваюсь. Этот столичный лоск и респектабельность прут из него со страшной силой. Со стороны-то, видимо, всё смотрится так: столичная штучка фанфаронит перед провинциальной матроной...

И внезапно он сделал паузу, будто ощутил момент, и говорит:

– Вот я сейчас разговариваю с вами. Нас только двое, и больше ни-ко-го.

«Никого» – это мало сказано: никого в половине здания!

– Но... – Всё это с богатейшей жестикующей. – Подсознательно... – И он покручивает рукой около головы. – ...я веду себя так, будто вот здесь или, – переносит ракурс, – вот здесь стоит камера.

То есть да, я, безусловно, общаясь с вами, в то же время работаю на камеру.

Так мы общаемся до определённого момента. Потом он смотрит на часы. Шесть. Галантно встаёт, кланяется:

– А сейчас я вас покину. Пойду играть в антиусловиях...

И надо же, во время спектакля я уже как-то по-родственному рассматриваю его лицо. Мне он уже понятен и дорог...

(Да, там, в холодном сыром Питере, он может оставить родных и близких в жутком для всех положении и во что бы то ни стало прилететь – и отыграть... И, как выяснится позднее, его жертвенность ни в коем разе не оправдана, ибо нельзя жертвовать людям, заранее неблагодарным, которые моментально перестроят ряды и, не имея за душой ничего святого, учинят на алтаре буйство и вакханалию.)

А в следующий раз он вновь приходит... Причём шеф в поисках обнаруживает его у меня, заглядывает:

– А, вот вы где! Уже звонок прозвенел, идёте в зал!

Маэстро уже решил показать столичной штучке, КАК НАДО играть, и взял на роль доморощенного «мастера» – маленького, щупленького, убогонького мужичка с дьяконской бородёнкой, зашуганного и запуганного. Ничего, кроме жалости, даже ЖАЛКОСТИ, не вызывающего... Хотя Мастер и должен быть надломлен... По идее... Но – не расплющен же, не кишками наружу! Если трактовать связь меж героями так: «Она его за муки полюбила...» – то да. Но тогда не личность, талант и прочая... А просто униженного и оскорблённого, хронического неудачника...

Мы видим полнейший распад личности и не можем воссоздать образ авторского героя. Его – героя – просто нет. И сколько бы, по тексту, о нём ни говорилось, вместо ожидаемого – вдруг появляется НЕЧТО, и первая мысль: «Так, а это кто?»

Меня поразила в юности фраза одной девушки: «Если б я была Офелией, Гамлет бы не умер». Я творчески переосмыслила, и в моём прочтении это звучало так: «ЕСЛИ Б Я БЫЛА ОФЕЛИЕЙ, ГАМЛЕТ ВСЁ РАВНО БЫ УМЕР».

Так вот, если бы я была Маргаритой, то мои печальные глаза даже при великой депрессии не остановились бы на данном типаже.

Он напоминал масенького, тщедушного, старого воробья рядом с огромной – совершенно деблой героиней.

В принципе, вернув синеглазого Мастера и дополнив его ТОЙ, НАСТОЯЩЕЙ, большеглазой Марго, я бы утолила эстетический голод.

Он – такой большой и сильный.

Она – такая невесомая и хрупкая, неземного происхождения.

Моя бы душенька была спокойна.

Но отнюдь!

Введя «мастерка», Маэстро подмахнул спектаклю смертный приговор.

Явление Черкески

Входя в конфликт с каким-либо актёром, исполнителем главных партий, Маэстро срывал с него роль, как срывают одежду,

кожу, и бросал вторым, третьим, статистам... Не желая мириться ни с чьей личностью, кроме собственной, он наносил ущерб спектаклю, но не шёл на попятную.

Так он содрал «шкурку» вместе с черкеской с Герцога, репетировавшего Шервинского, и предложил одному выпускнику.

Но тот отверг...

Тогда Маэстро стал предлагать роль, как завидный кусок, по кругу.

Но самые достойные из чувства солидарности с блондином отказывались.

И вот, когда исход борьбы был очевиден: ещё чуть-чуть – и мэтр вернулся бы к Шервинскому «номер один», – поносить роль, словно из небытия, из массовки, вызвался штрейкбрехер, в чьём исполнении роль выглядела б карикатурой на самоё себя...

Актёр настолько давно простился с идеалами, иллюзиями, моральными кодексами, самокритикой, и жизнь его порядком поизносила и потёрла, что только с великого ума или отчаянья – всё равно не дали б! – он мог ПРЕТЕНДНУТЬ на роль героя-любовника.

Все ахнули подобной наглости. И – произошло то, чего никто никак не ожидал...

Маэстро швырнул ему шкуру Шервинского... хотя и сам ужаснулся креатуре.

Общий шок. Булгаков перевернулся...

Цеха бросились ушивать, ужимать, утягивать черкеску с исполина под шибзика.

А назавтра была премьера...

И вышла Черкеска, а в ней, выпятив из последних силёнок грудь, топорщилось нечто... Создавалось впечатление, будто костюм вышел и живёт сам по себе, независимо от начинки... Всё бы, наверно, носило окрас мистически-жуткий, если б не было смешно... Швы сильно морщили, размерчик явно не соответствовал, будто на военнопленном – шинель с чужого плеча...

Но как же пыжился бедняга, задирая голову – жёлтые волосики под бриолином, головёшка с кулачишко... Он пытался изобразить ДОСТОИНСТВО и оттого держал спину колом, неестественно, даже шея не поворачивалась, словно его скрутило. И при всём этом какое-то внутреннее злорадство пёрло из него, такой вызов всем за неудавшуюся жизнь...

И на словах главной героини: «Красив как Бог...» – её аж повело в голосе, ибо персонаж не тянул даже на не очень страшенького...

А если учесть, что по сюжету она так молилась о том и о сём... И вдруг ей явили... Насколько же надо не любить героиню, чтоб сотворить ТАКОГО партнёра!

А играла-то она мощно, с надрывом (большеглазая Додо), и ей нельзя было не верить... Но взоры переводились на того, о ком она говорила, и зрелище столь разяще не вязалось с канвой спектакля в целом и по отдельности... Даже с великой безысходности сильная, умная женщина не может пасть столь низко...

А тут ещё, как на грех, по тексту, он должен был петь. Басом...

В общем, занавес следовало дать ещё в первый момент: «Действие такое-то. Явление Черчески. Занавес».

Наши в городе

А в ночь перед этой премьерой группа особо каскадёрски настроенных актёров во главе с Троллем при помощи альпинистской связки взобралась на крышу театра и закрепила на шпиле огромный триколор, чтоб утром окрестные горожане смогли оценить размах предстоящей премьеры...

И горожане оценили...

Часиков в восемь в многоэтажке напротив подошёл позевать к окошку закосневший коммунистический дедок. Глянул в окно...

И рот его, думаю, не закрылся. Он бросился звонить КУДА НАДО – настучать и узнать заодно, заняли ли белые за ночь город... ОТКУДА НАДО позвонили в театр и повелели снять НЕМЕДЛЕННО это безобразие...

...Снимать Тролля не полез. Лазили монтировщики.

А месяца этак через три СЛУЧИСЬ ПЕРЕВОРОТУ...

И все покарабкались опять вешать разноцветный стяг...

Звучу!

Пытаться понять логику архитектора, проектировавшего здание, – труд напрасный. Эта громадина и махина расположена таким образом, что сцена – основная транспортная развязка. Лишь через неё и сквозь неё сообщаются все пути и коммуникации.

Во время репетиции или спектакля попасть из одной половины здания в другую нереально.

И люди ищут окольные пути, наматывая за день километры лестниц.

Моя ходка в один конец – 12-этажный дом насквозь. А если учесть туда-сюда-обратно, то 56 этажей...

Особенно глумились над новенькими... Спускаясь в подвал, они, как правило, там и оставались, блуждая и голося, пока за ними когонибудь не посылали на помощь...

Не избежала и я...

Поздоровавшись с вахтёром, я спускалась в подземелье, ходила по лабиринту и через полчаса вдруг появлялась на той же вахте. Ничего не оставалось, как вновь поприветствовать – и затем снова нырять в недра...

Однажды, вот так тычась от одной лестницы к другой, сворачивая под мрачными, тускло освещёнными сводами и запутываясь ещё больше... (А для колорита добавить сюда – боковые задраенные железные двери с винтовыми ручками по центру, и вообще, полная автономия, как на подводной лодке... Столько раз прикидывала, какой шикарный ужастик здесь можно отснять, даже декорации не потребуются... Эти серые сквозные туннели, с эхом, овальные дверщи полуметровой толщины...) ...вдруг слышу... пение, аж рулады, резонирует всё.

«Эк его разбирает-то!» – подумалось.

Эхо и резонанс приближаются... Даже остановилась, не зная, чего и ожидать-то. И вот выходит навстречу молодой мужчина, внешнестью не соответствующий собственному голосу. Увидев во мраке меня

и круглые горящие глаза, улыбнулся, взял ещё несколько «ля» и, артистично поводя рукой: «ЗВУЧУ!» – так же напевая, удалился.

...А я как дура осталась столбеть, ругая себя, что не спросила, где выход.

Хоть мне настолько совестно признать, что Я БЛУЖДАЮ...

И на вопрос: «Вам помочь?» – отвечаю:

– Что вы, не нужно.

Они, иронически:

– Ну-ну...

(Было: звонит на вахту руководство и вопрошает: «Пришла?» – «Пришла». – «Давно?» – «Давно». – «А где ж она?» – «В подвале». «Что она там делает?!» – с удивлением восклицает вышестоящее. «Блуждает», – меланхолично отвечает бабуля.)

И вот, уже освоившись, иду торной тропой, ПО ОСОБЫМ МЕТКАМ (кстати, хорошая мысль – ставить крестики мелом), и – опять пение. Но! На этот раз я в себе уверена: правильным курсом идёте, товарищ! И, поравнявшись, говорю одобряюще:

– Здорово!

А он:

– А то! А как я звучу утром в ванне! Представляешь, а-кус-ти-ка! Особенно... – И уточняет, от какой именно сантехники его голос особенно удачно резонирует.

В то время я ещё краснела...

Про ничего святого

Расправившись с очередным инакомыслящим, Маэстро мог устроить пляску буквально на костях.

После ругани и брани старый актёр-правдоруб выскакивает от шефа, садится в авто и разбивается вдребезги на кольцевой.

И тут происходит нечто дьявольское. В день похорон иду и слышу: вовсю репетиции, разгул – недоумеваю, как же так, следовательно, все уже с кладбища вернулись и веселятся? Распахиваю дверь с балкона... и упираюсь в стоящий гроб с останками погибшего... Первоначально – шок. Захлопываю дверь, ибо панически боюсь мертвецов.

И остаюсь в таком безобразном положении: слева от меня, за дверью, – небутафорный гроб, а справа идёт репетиция вечернего спектакля...

И я тихо, задом, возвращаюсь в кулуары, обхожу тысячными пролётами лестниц, только чтоб где-то выйти из боковых дверей...

Демиургия имеет послесловие. Когда все актёры, продрогнув, вернулись с похорон, то послали за шефом, не хоронившим, – хоть помянуть новопреставленного.

Шеф из кабинета прислал отказ присоединиться и распоряжение: ВОДОЧКУ СЮДА ПРИНЕСТИ...

ЗАНАВЕС...

Глава V

ПОДМАСТЕРЬЕ И МАРГАРИТИЦА

Маргарита...

...О, это кошмар моей жизни...

Трудно совместить внутренний образ – с постановочным воплощением.

Недопустимо, коль тридцатилетнюю, двадцатилетнюю героиню играет особа, на двадцать лет не совпадающая по возрасту...

И если бы хоть внешние данные... Но и визуально – не то...

Согласна, некоторые отцветшие дамы в летах могут дать фору молодым – образ, ими созданный, не царапает эстетический вкус... Но здесь – всё от обратного.

Её голос груб и резок, слова отрывистые и каркающие. Её лицо бесцветно и потёрто, всё в пятнах, с белёсенькими ресничками. Как бы её ни ретушировали и ни накладывали волосы – вид манекена из паноптикума восковых фигур.

Но когда дело доходит до откровенно-обнажённых сцен... Вот где весь ужас, весь кошмар...

Напрашивается Портосовское: «Я уважаю старость... но не в раздетом же виде».

И главное – все всё понимают...

Пока в первой части играет основной состав, библейский сюжет затмевает все несовпадения остальных персонажей...

О Маргарите как-то и не вспоминаешь, примиряешься, закрываешь на неё глаза... Сильная часть спектакля сглаживает все шероховатости.

Но стоило поменять библейских героев на дублёров, где не на ком остановиться взору – и из всех щелей попёрла она – с каркающим голосом, циничная и отталкивающая.

Она во всей роли будто усмотрела только ведьму, причём ведьму в плохом смысле слова: бабу-ягу-в-ступе, – и трансформирует её образ грубо, вульгарно, глуповато, надменно.

Мне стыдно и совестно смотреть, я опускаю глаза... А в ушах стоит этот жуткий ор визгливой стервозинки.

(...Вспомнилось из юности. Рассуждение дамы, проводящей сравнительный анализ французского варианта «Олеси» – с советским, не в пользу последнего: «Насколько там изящная героиня. И наша – 30-летняя бабища. На суку повисла». Ёмко. И метко.)

Тысячу раз вспомнишь булгаковскую двадцатилетнюю героиню на метле.

И сценический образ под 50, в ступе, с указанием грузоподъёмности. Образы, образа и образины...

Одно дело, коль играешь простую деревенскую бабу, в переднике, косынке, со снопом... Кто ж спорит, да за ради Бога!

Но – особу королевской крови... а сноп всё равно в руках – это перебор.

Впрочем, и её иногда посещали сомнения...

Трудно сказать, было ли то рисовкой или истинными думами о пережитом...

Другой спектакль, другая роль.

– Ну какая из меня королева? – задумчиво, но вслух молвит она.

И партнёр тут же влёт подхватил:

– Не бойсь! Короля играет свита! Я так сыграю страсть, что у зрителя на тебя слюнки потекут!

Остряк.

И ведь сыграл!

...И всю королевскую свиту, и конницу, и рать...

Но один момент запечатлелся в памяти особенно.

Чествовали юного актёра, поздравляли тесным кругом меж репетициями с днём рождения. В закутках, в закулисье... И вот очередь дошла до неё. Какие-то слова... А после впивается, облепляет мальчика своим покрашенным ртом... (а мы с ним, на беду, однолетки...)

(Заметила однажды, как, вручая балетному конкурсанту диплом, целовала его юные уста дряхлая примадонна.

...Почему-то старушечки носят либо морковные, либо поросячьи – розоватые губы... И – обязательно тени – едко-голубым, мимо глаз, будто у мима... И вот прима вытягивает губы, сморщив их куриной гузкой, и лобызает, сощурившись и разомлев, будто вытягивает из жертвы себе пару лет жизни.)

Но здесь... чем дольше длился непристойный поцелуй, тем всё большую неловкость ощущали присутствующие. Сначала все стали смущённо отводить глаза, после – переглядываться иронически... Некоторые, ближе к дверям, «улизывать» и улепётывать.

А я, ПОИЗУЧАВ доски пола, вдруг посмотрела на её лицо... Никогда не забуду сластолюбивого, порочно-развратного выражения – несомненно, в мечтах она уже отдавалась где-нибудь в гамбургском борделе... Пять, десять минут... Вечность... Кто-то прошептал: «Горько». А кто-то закашлялся.

В конце концов, вдоволь над всеми поглумившись, она отлепилась...

...И вид актёра... Если б он мог, он бы провалился сквозь землю, и, куда бы ни метнулись его карие глазёнки, кругом натыкались на сочувствие и соболезнования.

...Чего не скажешь о Маргаритище. Она самостоятельно распрямила богатырские плечи, подобрала чёрный подол – и отправилась репетировать...

(Раньше думала: а с кем же совпадает моё ощущение булгаковской героини? Да с Тереховой только... Если б ей в своё время предложили роль...)

И – последний эпизод.

Я в зале, а остальные за кулисами слушают трансляцию... (Как всегда, жалела, что в моём «аквариуме» нет прямого включения! Столько приятных моментов, тонкие нюансы и находки...)

Но в этот раз: спектакль, бал сатаны, висельники целуют неслабое колено королевы, она отшатывается, по сценарию, в кресле – и... Сверзается вместе с креслом за мостки с диким, душераздирающим визгом.

Секундное замешательство: торчат ножки трона и белые туфли примадонны. А она продолжает истошно вопить... Потом невозмутимый мужской состав (Троль и ещё кто-то) водворяет кресло с героиней на место... Но, право, лучше бы они этого не делали: красная от прилива крови, волосы, те самые, накладные, дыбом, вид... убитый и перепуганный. Она – уже не развалившись, а на краешке трона – досиживает бал... (И позднее во всех спектаклях будет осторожно ощупывать, проверяя перед посадкой, правильно ли установили кресло монтировщики или вновь поглумились.)

А за сценой, в цехах, где транслирование как фон и все привыкли и только сверяют фразы с выходом, от этого крика все изумлённо оторвались от своих дел: столь натурально вдруг завопила Маргаритица, будто впрямь увидела душегуба.

– Ведь может орать естественно! – резюмируют все.

О способах и методах воздухоплавания

Однажды Анн, дабы поддержать новоиспечённого «мастера» морально, попросила передать ему подборку своих стихов. Осведомившись, в театре ли адресат, я написала сопроводительную записочку и оставила пакет на вахте...

По чести говоря, в течение вечера смутно и трепетно ожидала его визита или звонка, ибо стихи того стоили... Но.

...Вечером, уходя, поинтересовалась на проходной и, получив утвердительный ответ, ТЕМ БОЛЕЕ НЕДОУМЕВАЯ, сочла миссию выполненной. И вот ровно через месяц, когда я стала забывать эту историю, но именно в день, когда мне особо пакостно и муторно – я разбита, растерзана и апатична, – «мастер» нагоняет меня на остановке (а ведь не попадись на глаза – и с концами...) и в каком-то СУЕТНОМ ВОСТОРГЕ начинает живописать СОБСТВЕННЫЕ ЧУВСТВА относительно прочитанного.

Он буквально едва не хватает меня за руки, но те заняты. И всё как-то ЧЕРЕСЧУР утрированно, гротесково.

И чем больше он суетится и машет ручонками, тем более замыкаюсь и отстраняюсь я. Взрослые люди так обычно не восторгаются...

А я меланхолично стою и молча слушаю – о чувствах, его переполняющих, ибо уже прочувствовала и знаю... А он:

– Так неожиданно: за грубостью манер – ВДРУГ такая тонкая душа... Вы ей обязательно передайте, что она – талант!

Ему хочется быть великодушным...

– Да она знает, – отвечаю я.

Что не свойственно Анн – так это суетливость. А ты, словно оценщик в городском ломбарде, за грубостью манер и сигаретой души-то и не предполагал...

– Да?! – удивляется он.

Надо же, а он-то метил в первооткрыватели...

– Тогда вы ей скажите, что ей обязательно нужно печататься! Издаваться! Обязательно!

– Да? А зачем? – столь же апатично реагирую я, уже зная позицию Анн на сей счёт...

– То есть как это – зачем?! – Подскакивает и суетится пуще прежнего он. – Каждому человеку свойственны тщеславие и желание прославиться.

– Да будто бы? А может, ей тщеславие-то как раз и не свойственно?

– Да вы не понимаете! – восклицает он. – Вы просто не понимаете!

Теперь он с такой же лёгкостью отказывает в душе мне. И дальше, жестикуюлируя, начинает показывать якобы воображаемое:

– Как это приятно – держать в руках СВОЮ книгу! И читать на ней СВОЮ ФАМИЛИЮ!

Достаточно. Достаточно сказать, что я чего-то не понимаю и что я глупее паровоза – и я вяло «всплёскиваюсь»:

– Да?

– Конечно! ЕСЛИ Б ВЫ ЗНАЛИ, ВЫ БЫ ПОНИМАЛИ, О ЧЁМ Я ГОВОРЮ!

Да где уж нам...

Усмехаюсь:

– Я печаталась. И уверяю вас, никакого особого восторга фамилия на обложке не вызывает.

– Вы... – он осёкся.

А я довешиваю:

– И уж если б она хотела, то уж, наверное, издавалась бы. В издательстве работая... Просто ей ЭТОГО не надо.

И – о! – спасительный трамвай...

«Мастер» стоит, несколько обескураженный...

Но теперь-то мы знаем, что движет солнце и светила. Тщеславие. И фамилия на обложке.

А точнее – на афишке.

Я стояла и сравнивала: галантность, достоинство ТОГО Мастера – с лакейской суетливостью этого...

Резюме: глядя то на «Шервинского», то на «Маргариту», то на «мастера» – Булгаков замучился переворачиваться...

Глава VI

«СО МНОЮ СНОВА ОН»...

Родом из детства же.

Вижу фильм, а там Пушкин... – «И с вами снова я...»*

Поначалу смущает: фильм не костюмный. Но, как пояснила другая преподаватель словесности: «Это не обязательно. Очень тонко переданы взаимоотношения: Пушкин–Жуковский; Пушкин–Гончарова; Пушкин–Николай...»

* «И с вами снова я...» – советский художественный телефильм 1981 года режиссёра Бориса Галантера о жизни и творчестве великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Смотрю всякий раз – и всякий раз убеждаюсь: другим он и не был – а именно с этой улыбкой, с голосом этим... Просто невероятное попадание: совпадение этого Пушкина – с моим внутренним Пушкиным.

И – как он уходит. По снегу – в свет, в небытие. И свет его поглощает...

Шли годы.

И вдруг...

Вот я уже здесь, в этом пространстве и временном промежутке... И приезжает «Эрмитаж»...

Со спектаклем «Нищий, или Смерть Занда».

Невообразимо!

Смотрю репетицию. Смотрю спектакль, вновь репетицию, смотрю съёмку... Где провинциальные киношники попытались втереть режиссёру, как, куда и что нужно передвинуть из реквизита, чтоб кадр прошёл... Режиссёр их очень внимательно выслушивает, даёт возможность подвигать мебель:

– Так! – И ставит всё на места. – Спектакль ломать не будем. Либо так – либо никак...

Ужас состоит в том, что вижу-то я Пушкина с 17-го ряда. Где абрис света расслаивает контур... Злая ирония судьбы.

У меня за спиной крылья, вскруженная головёнка: опять влюблена, как и десять лет назад...

Уговариваю Вамп отнести ему розовый куст – целый розовый куст, а не отдельно взятые розы – и шепнуть: «Спасибо за Пушкина».

– А при чём тут Пушкин? – не въезжает девица.

– Ты скажи. А он поймёт...

Позднее разведка доложила: после спектакля заходит растерянный, с кустом, за кулисы и говорит удивлённо и нежно:

– Ребята, а меня здесь как Пушкина помнят...

И полная абстракция...

Сажу вся в крыльях. Заходит замдиректора. Видит и крылья розовые, и амура за левым ухом...

– А что не стали съёмку досматривать?

– А толку? – тоскливо замечаю. – Приехал любимый актёр – а я его не вижу!

И, видимо, такое отчаянье просквозило...

Посидели. Поговорили... У них вообще весь административный состав доброжелательный...

...А из зала – музыка... И – душою-то я там... А он после съёмки – в аэропорт.

И все мои ощущения читаются на лице...

– А хотите, автограф у него возьму? – предлагает зам.

– Хочу.

Хотя по росчеркам пера не загоняюсь, не фанатею.

Он приносит на афишке завиточек – виньетку... Смотрит, непонятно даже, как... Только потом понимаю, КАК...

Сажу в одиночестве. Крылья потихоньку увядают...

И вдруг доходит: ни до, ни после не увижу ничего подобного. Настолько спектакль соткан из солнца... С его синим блюдцем... Шиманской... и вообще...

Внезапно – удар о стекло, поднимаю глаза... – ОН! Пушкин!
Стоит – весь в солнечных лучиках – и не знает, как открыть...
Заходит – а у меня... голова кругом, сухость на губах – и ни одной целой мысли.

– А меня к вам зам. прислал (имя-отчество), чтоб такси вызвали, сказал, что вы знаете, КАК, – говорит он.

А сам – ничуть не изменился с тех пор, НИ-ЧУТЬ!

Смотрю круглыми глазами (О, хитрец – мой благодетель! Прогнать вдребезги уставшего, из края в край опустошённого Занда через весь театр, хотя – повсюду телефоны!)

А мой, мой Пушкин и в самом деле НИКАКОЙ, сполз на стул – и нет его здесь, весь остался на подмостках...

Набираю номер, а сама – во все глаза: эти шикарные, тугие кудри; плечи неимоверно широкие, сам просто огромный, ещё больше, чем на сцене... И его глаза – такие... такие...

Но, наверное, вид у меня слишком взвинчен – он делает вопросительный жест: что, мол, не так?

А я пожимаю плечами и говорю де-мо-ра-ли-зо-ван-но:

– Ничего... просто... Ангел... спустился...

Он шарахается смущённо:

– Да что вы, в самом деле!

А о Пушкине-то и не сказала – уже не было места.

А такси за десять минут не приходит...

– Жаль... НИЧЕМ НЕ МОГУ БЫТЬ ВАМ ПОЛЕЗНОЙ! А здесь недалеко, две остановки... Можно пешком...

И в процессе говорения понимаю, какая же дура: он не то чтоб две остановки... Он смертельно устал: за сутки – четыре спектакля по четыре часа... Да и в чужом городе...

Посмотрел... начинает подниматься... Двухметровый, в кудрях... А я всеми фибрами – его запоминаю...

Ушёл, а внутри... звенит и поёт...

Заходит зам. Видит и звон, и пение, и разворот крыла с новой силой...

– Только он мог явиться в аэропорт, к трапу, без паспорта! – кипятится он. – И приходится отправлять за десять минут – поездом! Но он ведь и на поезд опоздает!

А я мыслю: продюсеры должны суетиться. От актёра, если он за два дня вжахал четыре раза такую махину, как «Занд», физически ничего не остаётся.

Глава VII

ТЕАТР КАК ОН ЕСТЬ

В те времена театральная команда по травматизму напоминала сборную по хоккею.

А по численности аварий, пожарищ и «ЧП» – экстремальное шоу.

Иду во время монтажа через сцену. (А надо доложить, проход этот стоил определённых моральных усилий... Ибо: я русский бы

выучил только за то, что мат в нём уж больно ядрёный... А я краснею, и уши горят – я-то ещё не проникла в ткань реальной жизни...)

...И рядом ахает нечто. Шаг вперёд – и мы бы неминуемо встретились...

– Ужас какой, – бормочу и иду далее...

Наутро на проходной уже сидит инженер по технике безопасности, манит пальцем, даёт на подпись кипу листов: каждый отдельно подписать. Подписываю.

– А что это?

– А это, – собирает листочки ехидный дядька, – чтоб как вчера: если убьёт – никто не отвечает. Понятно?

– Понятно.

И пошла. Через сцену. Во время монтажа: другого пути нет.

(Причём дядька довольно чудаковатый... Если не больше...

Однажды летом смоталась в центр, на рынок, купила малины, сижу наслаждаюсь. И вдруг заходит дядя с какими-то липковато-студенисто-маслянистыми глазками:

– К вам можно?

– Можно.

Но сама, конечно, в недоумке: с чего ради?

Сел, слюнит меня глазами, аж гадко, потом слащавенько так показывает:

– А малинку можно попробовать?

– Попробуйте.

А сама опять в непонятке: со своей надо приходиться.

И вот этот хмырь ягодку за ягодкой – начинает поедать мой килограмм, не меняя при этом скользкого обличья, и спрашивает:

– А у вас дача?

– У меня нет дачи, – тонко намекаю я: мол, пасть прикрой.

– Садовый участок?

– И участка нет.

– А малинка откуда? – так же без остановки наяривая и с тем же мерзким выражением любопытствует дядя.

– С базара! – уже без намёков заявляю я.

– Да? – удивляется, но продолжает нагло жрать и строить глазки.

«Ба, – думаю, – а он того... И ведь не скажешь: «Возмести ущерб...»

Наконец, нажравшись и наманерничавшись (хотя надо видеть эту пропитую рожу с красной шкуркой!), он с ужимками и прыжками идёт вон.

Но – само ощущение... Бр-р!

«Да-а... – подумалось мне, – я, конечно, люблю контрасты... Но – не до такой же степени!»

В другой раз, не глядя, монтировщики сбрасывают с колосников на ВМС (ведущего мастера сцены) тюк в 800 кг. Бабахнуло мощно. Он залетает весь в дыму, кашляет. А только что уходил из реквизиторского цеха – нормальный... Оказывается, не дым – пыль.

А тюк с колосников – бархатный чёрный занавес с «Мастера и Маргариты».

Вот вам. Но кота Бегемота этим не зашибить! Слишком уж... Бегемот... (Которого валили с конём.)

Кто мне положительно нравится, так это Директор. Тонкий и удлинённый интеллигент с шикарным профилем. В клетчатых штанашках и джемперах крупной вязки, он представляется мне таким... домовитым и одомашненным, и обвязанным...

Чаще всего встречаемся, когда он носит вёдра воды наверх и поливает «зелёный уголок». Так не спеша поливает, обстоятельно... Может, для него это – релаксация своего рода. А скорее: уборщицы – уж очень занятой народ. Не всякая уборщица долетит до середины театра...

Так же спокойно и обстоятельно перетаскивает репертуарные стенды... Монтировщики тоже весьма занятой народ, пока трезвы...

Он же вешает шторы...

Может, затем, чтоб никому ничего не объяснять в сотый раз. И не напоминать о прямых обязанностях. По интеллигентности... А скорее – потому что хозяин. А кто лучше хозяина сделает?..

Питерцы сказали: «Он вас опекает».

Я удивилась. Настолько боюсь его, когда меня отчитывает! И прямого телефона боюсь. Вдрагиваю при звонке. Пыталась звук убавить – тщетно.

Потом начинаю сопоставлять: и впрямь опекает. Сам грызёт, но другим в обиду не даст, сразу пресечёт.

(Когда же и его слопали – ощутила это в полной мере.)

Выбранивал за посторонних. Чтобы никого, ни ногой. Материально ответственна... А в кабинете – вечная толкучка...

После очередного нагоняя вижу: опять идут... Как завоплю:

– Не заходите! У меня испанка!

Наутро на проходной:

– Говорят, вы чем-то серьёзно заболели?..

После премьер он приходил ИСПРАШИВАТЬ моё мнение... По-моему, его это забавляло. Ему вообще нравилось, заходя внезапно, шокировать замечаниями типа:

– А что это у вас тут за порнография висит?

У меня испуганные глаза и предобморочное состояние от одного только слова: «порно».

А он, оказывается, имел в виду полинявшие от времени шторы, сто лет тут до меня провисевшие.

Или:

Поговорив с людьми из школы жокеев, я знала наверняка, что полное имя Сеньки (коня) звучит как «СекСтант» – от навигационного прибора.

В театре же его называли Сектантом. И, услыша мой вариант произношения, Директор тихо улыбнулся и говорит:

– Не СекСтант, а Сектант. Что-то вас всё время на секс тянет...

После премьеры, где коняга откровенно поднял хвост и стал под седоком делать свои конские неотложные дела, да так, что триумфального выезда в белой бурке, да в белой папахе, да на белом-то коне у Бегемота не получилось, он зашёл и спросил:

– Как вам?

Я рассказала о взаимоотношениях белокурого юноши с белым жеребцом... И о взаимоотношениях того же коня с главным персонажем. Увы!

Он улыбнулся:

– Да, что-то у них не сложилось. А Герцог и Сеня друг друга поняли. Как конь – коня...

(Правда, там фигурировало иное определение...)

После вчерашней премьеры «Опасных связей»:

– Ну, как вам?

(Художественная вольность – это одно. Но нельзя грешить против этикета. Ну не мог виконт бегать босиком по парку, то бишь по никогда не мытой, а только подметаемой сцене. Тем паче при даме...)

– С бельэтажа были видны только его чёрные пятки, – отвечаю я.

О том, как он полез вешать штору, а попал в безвыходное положение

Явившись наводить порядок, он ловко со стула переместился на шкаф и закрепил злополучный зажим. Где-то на пятиметровой высоте, на пирамиде из шкафа и стула.

Но когда глянул вниз, то понял: в пылу хозяйствования загнал себя в весьма сомнительную позицию. Причём до того они с помощником недолго рядились, кто полезет. И он сказал:

– Я повыше, я и полезу...

А вот эстетично слезть со шкафа, сохранив при этом лицо перед подчинёнными, было задачей невыполнимой.

И вот он ходил по шкафу, прикидывая и так, и этак...

А подчинённый подобострастно гнулся, предлагая наступить себе... на спину.

– Отойдите, отойдите! – отмахивался от назойливого хозяин.

Но к какому бы краю ни подошёл, кругом видел согбённую спину подобострастья.

История, прямо скажем, комическая.

Я прятала улыбку. Но глазёнки лукаво поблёскивали. И меня чрезвычайно мучил вопрос: если сейчас подойдут зрители, то КАК объяснить присутствие НА МОЁМ ШКАФУ МУЖЧИНЫ?

Тут инженер допустил бестактность, предложив сбегать за подмогой и совместными усилиями снять ВЫШЕСТОЯЩЕГО со шкафа... Н-да-а... более глупого совета он и не мог дать...

Слава Богу, никто в этот процесс не вмешался, и хозяин благополучно умудрился покинуть шкаф, жутко недовольный поведением помощника, столь дискредитировавшего его в моих глазах...

Но! Честное слово: как хорошо он смотрелся на моём шкафу!

В клетчатых штанцах и с римским профилем! Просто монумент нерукотворный!

...После этого он долго не посещал меня и не звонил мне...

А у меня так долго ещё вызывало улыбку воспоминание... о хождении под потолком туда-сюда...

Но были два момента, о коих и вспоминать-то страшно...

Первый: стихия, бедствие, каскад грязной ледяной воды, с горы несутся потоки, пути размыло и транспорт не ходит. Пытаюсь вброд ли, вплавь ли выбраться к трассе, но, промокнув до нитки, вновь и вновь возвращаюсь переодеваться. Наконец, перемочив и перешлёпав в таз весь гардероб, ничего не остаётся, как выплывать по колено в воде на торные тропы...

И наконец – пешком, вымокшая до нитки – добираюсь-таки до работы...

На проходной – звукооператор-весельчак, осмотрев жалкую фигурку и мокрый след, за мною стелющийся, вопрошает:

– Никак дождик на дворе?

(Зарисовка на ходу.

Звукооператор – отдельная глава: кудлато-бородатый, в обрамлении, в облаке седины, пышный и монументальный. Его колоритная и КАЛОРИЙНАЯ внешность жутко напоминала эмблему театра: отгиск на всех билетах и афишах: бунтарская, львиная голова могучего Маркса.

Понятное дело, на гастролях, стоя в вестибюлях театров, он принимал поздравления и благодарности от зрителей, ибо те видели во внушительной фигурище директора, не меньше. Выслушав приветствия, он медлительно отсылал их к настоящему руководству:

– Это не ко мне. Это вон к тем.

Но шутки его носили бесцеремонный и подчас жестокий окрас.)

...Так вот, захожу, и тут же раздаётся звонок:

– Вы почему сегодня опоздали?

Выливая воду из ушей, отвечаю:

– А вы сами КАК думаете?

То есть вопрос кажется неуместным и нелепым, но гробовая пауза, возникшая в трубке, заставляет объяснить:

– Транспорт не ходит.

И, уже объясняя, понимаю: они там совершенно на другом континенте, и из их окошка – только лужицы немножко...

И второй момент.

Режим работы – с утра до ночи, без отпуска и выходных – уже через полтора месяца заставляет отказаться от обеденного перерыва, и, вместо того, чтоб лакомиться ягодами и фруктами с базара, никуда не езжу, а просто отключаю на час все телефоны, ухожу в тёмную администраторскую и сплю в кресле.

(А в гардеробной, на банкетках, прикорнули бабули...)

После очередного «тихого часа» включаю связь – вдруг тут же звонок и тихий, деликатный голос – задание на вечер. С оговоркой по Фрейду:

– У вас телефоны не отвечали...

И я понимаю, в чём дело: Директор, не дозвонившись, спустился, по обыкновению, и наткнулся на меня – спящую, свернувшуюся в закутке калачиком... И, главное, не стал будить, вернулся к себе и дождался конца обеденного перерыва...

Его замом в то время был тоже остроумный шутник. Респектабельный полный мэн с профессорской бородкой. Лет тридцати пяти, но тогда он казался мне чуть ли ни отечески взрослым...

Если я сетовала, что бордовые шторы выглядели куда как лучше, нежели серые, и что театр потерял в цвете, то он со вздохом отвечал:

– Ну что вы хотите (имя-отчество). У нас ведь серый театр.

Я успела отработать каких-нибудь два-три месяца, как выпал снег, упал мороз... (у щенка на тёмной спинке тают крупные дензнаки...) И мои ВЫЕЗДЫ И РАЗЪЕЗДЫ стали всем очевидны.

И вот мчусь, со свистком, с сигнальными огнями, залетаю в проходной дежурный кабинет и внезапно – со свету да в темень – замечаю в креслах вальяжную профессорскую бородку и пристальные очки.

Он всегда обращался по имени-отчеству, добавляя «маленькая», ибо была ещё «большая», с такими же инициалами.

И вот, обращаясь, молвит:

– А позвольте задать вам один нескромный вопрос...

– Да-да, – ободряюще, с готовностью киваю я, мол, не стесняйтесь, удовлетворю любое ваше любопытство, слишком вы миляга и джентльмен.

А миляга-душка продолжает:

– Вы ведь сейчас на такси приехали?

– Да, – понимая, куда он клонит, куражно отвечаю я.

– И с работы на такси поедете?

– Конечно.

– А теперь нескромный вопрос: а откуда у вас такие деньги?

Я – удивляюсь:

– Так ведь я же работаю! – И глазищи так артистично недоуменны.

Он оценил, как актёр актёрку, и захохотал. Настолько ему понравился и ответ, и моя рожа при этом. Действительно, остроумнее не ответишь. (Учитывая «минималку» и... – подоходный налог с ея!)

Это было пять. И – ай, браво!..

...А стоило мне на следующий день явиться, раздеться, усесться – тут же – бац! – раздаётся звоночек. Поднимаю трубку – его голос:

– Поднимитесь в бухгалтерию. Там вам премия за прошлый месяц полагается...

Невероятно! Тоньше и деликатнее не придумаешь предложить вспоможение... Ай да дядька!

Но однажды он же разыгрывает меня по-чёрному.

Городской телефон. И голос – одновременно похожий на все голоса всех любимых мужчин мира. Без имени-отчества, по-простому, чуть ли не на «ты»:

– Узнаёшь?

Кровь к голове, голос такой баритональный, сексуальный, а я столь давно отчаялась дожидаться ИМЕННО ТОГО САМОГО ЗВОНКА, что моментально веду:

– Н-нет... – А сердечко – сплошной кульбит...

– А ты подумай хорошенько...

– Боюсь поверить... – лепечу я и едва не называю этот голос именем...

Как вдруг тембр меняется и – по имени-отчеству:

– А теперь к делу: достаньте-ка из сейфа бронь на сегодня, места такие-то и такие...

И я – оглушена. И, Господи, как же хорошо, что не успела назвать тайное имя! Ну, миляга, ну, артист! Жутко стыдно...

...Когда зритель волновался, желая попасть на премьеру, а билетов уже не было... он говаривал, высовываясь из моего окошечка:

– А вы придите перед спектаклем, билеты будут.

– А откуда же будут, если всё продано? – недоумеваает дама.

– Один-то всегда найдём.

– А два?

– И два. Обязательно кто-нибудь да не придёт.

– Да как же – не придёт?

– Ну, кто опоздает, кто под трамвай попадёт...

– Да что вы! – пугается женщина, но уже успокаивается такой перспективой, веселеет...

И вот, свершив круг, перетасовав все роли, Маэстро даёт ему Берлиоза...

И он приходит поинтересоваться:

– Как я вам?

– Честно?

– Конечно, честно.

– Вас не надо было пристраивать под трамвай. Вас ещё можно было перевоспитать.

Он ошарашен и огорчён:

– Спа-асибо... – Сидит на стульчике напротив растерянно. – Вы единственная сказали правду. Остальные так хвалили...

Правду говорить легко и приятно...

...А остальные – все его подчинённые...

Я бы закусила губу от досады на собственный язык. Но он и впрямь – слишком интеллигентен и мягкотел для Берлиоза.

(И с какой же радостью вдруг увидела его в каком-то сериале, спустя «надцать» лет! Ещё более располневшего... Если тогда, в юности, он казался взрослым, солидным дядей, то теперь – всё ещё мужчиной средних лет...)

Глава VIII

ТЕАТР КАК ОН ЕСТЬ

(продолжение)

Правду говорить легко и приятно...

Но как объяснить зрителю, почему отменён вечерний спектакль?

А правда-то заключается в том, что Маэстро репетирует новый спектакль и ему так понравилась утренняя репетиция, что он четвёртый день не велит разбирать декорации.

Так и репетирует с утра до ночи, так и репетирует...

Вы, конечно, приходите завтра... Только вся беда в том, ЧТО НИКТО НЕ ЗНАЕТ (...настанет ли завтра...), будет ли завтра спектакль, заявленный в репертуаре...

Глупые нерпы...

Понятное дело, когда перед глазами постоянно живые образцы мужской красоты и достоинств, талантов и разносторонности, трудно совместить эти картинки с реальной жизнью.

Пытаюсь! Но мои ожидания не совпадают с действительностью...

Я отвожу свой взор со сцены – и упираюсь в псевдогероев, псевдомэнов, псевдогомо...

Вся беда глупых, перешедших из разряда поклонниц в разряд обслуги: они ищут идеалы там, где их нет по определению...

Один большой театр застилает маленький мир.

Не знаю... что я любила больше: себя в театре или театр в себе.

Но постепенно актёрское ретивое, и кураж, и игровой момент распространились на все пласты и напластования.

Что бы я ни делала – я куражилась.

Театр зимой

Это лёд и стужа.

По всем пролётам, во всех направлениях дуют ветры. Сцена – роза ветров.

В зале – воздух аж скрипит от стужи.

Все ходят скукоженные и закутанные.

Греются – кто чем может. Актёр-важняк – коньячком. Для Маэстро варят кофе, и, пока чашку несут по лестницам, из неё успевают отхлебнуть все хористки, сбегаящие сверху. Причём вначале вопрос: «Для кого кофеёк?» «Мальчик на побегушках» отвечает, пытаясь грозной фамилией защитить содержимое, но девчонки на бегу отпивают и проносятся далее. А разносчик балансирует на лестницах с кофейной парой, дабы не расплескать остатки.

Остальные – кто чаем, кто растворимым... Кипятильники бурлят по всем гримёрным.

Я не исключение. Кажется, кофе и чай не переводятся в недрах шкафа. Порой обслуживаешь зрителя, а сама зришь тоскливо на выкипающий стакан...

Но если я укутаюсь... – это отпугнёт теплолюбивого зрителя. И сижу при плюс четырёх... Пока наконец шея, хрустнув, не перестаёт шевелиться. Любая попытка сдвинуть её сопровождается электрошоком.

Две недели хожу, под стать «деревянной» Черкеске, не видя пути, по коему ступаю...

И вот, отправляясь на службу, на одном дыхании пересекаю строй курящих на парадном – на глубоком вдохе, и выдох – за пределами смрада смердящего... Как вдруг слышу в свой адрес, в спину:

– А рожу-то можно и попроще...

О, моя негнущаяся шея!.. Сколь гордый взор имею я при ней!..

Театр летом

В моём кубическом стеклянном «аквариуме» нечем дышать.

Ноль движения воздушных масс. Но стоит приоткрыть прозрачную дверь – и немислимая тяга, вихревой поток, сносящий всё на своём пути: мои кудри трепещут, бумаги шуршат, дензнаки вырываются и пролетают мимо, под шкаф, под настил... И я прошу каждого встречного:

– Не отпускайте деньги.

А после вопрошаю, глядя на денежный вихрь:

– А сколько там было? – верю на слово и сдаю сдачу...

Иные насыпают сверху бумажки горстку мелочи, для груза, – и она картечью влетает в прогал, осыпаясь под пол...

(Монтировщики говорят, что всякий раз, поднимая доски, находят там достаточно для пива и закуски...)

И вот.

Молодой человек. В сотый раз предупреждаю о сквозняках.

Он НАГЛО прижимает денежку пальчиком. Она вибрирует, и он «ея» отпускает. Денежка с шелестом проносится мимо моего носа; нагибаюсь, изгибаюсь под стул, комментирую:

– Не кладите деньги, я возьму...

Выпрямляюсь, а он НАХАЛЬНО поднимает указательный пальчик – и вторая денежка шуршит мимо. Я лезу куда-то под стол, но не успеваю вернуться – третья свистит. И тут я опускаю взор... и с УЖАСОМ ПОНИМАЮ, что, наклоняясь, в вырез обозрима до пупа...

Вскидываю глаза. Паршивец нагло ждёт продолжения аттракциона...

– Сколько там было?

Он нахально пожимает плечами, в глазах – змеиное, победительное.

Перетягиваю декольте на спину и, придерживая край, ныряю под стол в третий раз...

Премьера...

Давка, шум, люди толкаются, нервничают и треплют нервы.

Первым пришёл солдатик-срочник, надоедливый как не знаю что, всё время тарабанит по стеклу.

Первые полчаса знаками показываю: будь человеком – не мешай.

Но по мере людского притока он всё более и более, чаще и чаще барабанит, напоминает, что первый. (А я – сбиваюсь в счёте, начинаю считать заново и деньжищи, и билеты, кипы накладных, и опять сбиваюсь, и снова пересчитываю. И так тридцать три раза... Самообладание помалу покидает...)

А этот раздолбай, скрежеща по стёклам, пытается острить.

Его притиснуло вплотную. Он играет перед толпой роль паяца – в общем и целом казарма сильно прёт, наверное, даже и не подозревает, насколько смешон и ставит меня в неловкое положение.

Наконец задёргиваю шторы. Общая паника. Тарабанит нервически. Царапается, царапается... Чувствую: закипаю...

Раздвигаю шторы:

– Молодой человек, возьмите же себя в руки! Все ждут.

– А вы помните, что я первый пришёл?

– И что?

– Чтоб не забыли.

– У меня хорошая память, не стучите больше.

– А можно с вами познакомиться?

Игра на публику...

– Не стоит. Я не люблю военных.

– А зря! Между прочим, пока вы спите, я ваш сон охраняю!

– Когда я сплю, меня другой охраняет.

Общее ликование. Зашториваюсь. А он стоит и – царапается...

До звонка – четверть часа, и вот долгожданные входные.

Стекло отодвигается, и первым – неугомонный солдатик.

Но я-то – холодно и садистски – за все неудобства, им мне доставленные:

– А вот вы у меня за плохое поведение ничего не получите – в сторону!

Он обомлевает, его оттесняют, и вторые, третьи, четвёртые руки получают долгожданные билетки. Толпа засмеялась в едином порыве, смотрят на него иронично. И проходят в фойе. А он – сразу жалкий, с испуганными глазёнками. И каждый, каждый, проходя, фыркает ему в лицо.

Правда, мучаю недолго: он меня – полтора часа, я его – десять минут. Но – каких! Когда же он отчаялся и понял, что не попадает в зал, подманиваю пальчиком. Он тих и пришиблен, берёт билетик без шуточек, без прибауточек и смотрит по-собачьи.

– И больше так не делайте, – нравочаю я.

Отмены.

Всех сдувает ветром – ни одного дежурного. Выслушивать мнения разъярённых зрителей – охотников нет. А я – так за всегда пожалуйста!

Сижу впотьмах и одна отдуваюсь. Приказ: назад билеты не принимать. Переносить, уговаривать на другой день, на другой спектакль, но – не брать!

А представить: вот я иду на одно, а попадаю на иное... или вообще ни на что не попадаю... а планов на вечер – более никаких... ужас!..

А если человек, к тому же уже трижды, четырежды отправленный, а всё ходит маниакально, с тысячу раз просроченным билетиком и всё ещё пытается попасть? Исчерпывающая кредит доверия...

Подходит гость с юга. Уже слышал мои уговоры предыдущих злобных зрителей, понял, в чём фишка. Бросает билет – и кратко:

– Дэнги хочу.

– А в другой день хотите прийти? По этому же билету...

– Нэ хочу.

– Завтра, например, очень хороший спектакль...
 – Дэнги дай, а?
 – Вы получите массу удовольствия, ну о-очень хороший спектакль!
 – Нэт. Дэнги хочю.
 – Посмотрите репертуар, вы можете выбрать любой спектакль...
 (Со стороны, наверное, выглядит диалогом с глухим или с тупым: она смотрит на него наивным взором – и «не понимает русский говорит».)

– Э-э, слюшай, я тэбэ русский язык говорю: нэ хочю!

– Тогда давайте-ка завтра...

– Завтра я домой улэтаю.

– Куда?

– В Баку.

– Залив, огни, тепло... Утром улэтаете?

– Нэт, вечером.

– А во сколько?

– В одынадцат.

(Это его тактический промах!)

– Тем более! Посмотрите спектакль – и с чистой совестью да и с хорошим настроением, массой впечатлений, с чемоданами – прямёхонько в аэропорт. Давайте, а?

У меня кураж: столько «окучивать», а он – ни в какую!

– Честно, не пожалеете. Я даже ваши чемоданы постерегу!

Смотрит уже залюбопыченно, разглядывает и говорит:

– Э-э, я понал! Ты – артистка.

– Я-а?! Да что вы! Нет.

– Да, да. Артистка! – убеждённо приговорил гость. – Самый главный артистка тут. Тэбя наказал, суда посадыл. Дэнги дай, а?

То есть концовка такова: премьера – все радостные, довольные, друг друга поздравляют, общее оживление. Отмены – все смываются, никого нет, люки задраены, кладбищенская тишь...

Чуть позднее – джентльмен в красных носочках:

– Зачем вообще в театр ходить? Достаточно тут постоять с часок.

Конечно, и в лицах, и вприсядку, и впритруску, и вприглядку, и вприкуску, и в интонациях к тому же...

Этакая этуаль.

Глава IX

О НОГТЯХ, И НЕ ТОЛЬКО

О ногтях: «...А в кустах притаился маньяк»

Возвращаюсь с вечеринки.

Ночью. Слегка подшофе. С одной розой в руках – и звенящей радостью в душе.

Трамвай свирепо мчит почти без остановок. При резком торможении люди падают, возмущаются громко:

– Безобразие! Хоть бы остановки объявляли!

«Трамвайщица» рывкает в ответ, срывает в галоп, люди падают в противоположную сторону.

Мне весело смотреть на катающихся по полу пассажиров.

Весело слушать рывканье водителя – молодой девчушки.

В руках моих роза, в груди моей счастье – я люблю весь мир. Наконец моя остановка. Подхожу к дверце водителя и барабаню по стеклу. Она рычит и не открывает.

Наконец распахнула резко, готова броситься и растерзать – а я ей – розу!

С улыбкой от уха до уха. Секунду она медлит, после берёт розу и улыбается в ответ...

Я спокойно, не торопясь выхожу в ночь, во мрак и темень. И слышу, каким небесным голосом девушка объявляет следующую остановку, как плавно закрывает двери и столь же плавно уплывает во мрак...

Ведь может... когда захочет...

Мне хорошо, и всю меня переполняет...

...Из ночи, из потёмок, из кустов набрасывается маньяк.

– Да вы маньяк! – удивлённо восклицаю я, оказывая бешеное сопротивление.

Все ногти вонзились в его рожу. Он с воплем и ногтями убегает в одну сторону, я – в другую.

...И после сражения, залетая к себе, что вижу?

Цепочка на часах – сорвана, «аурум», между прочим. И – ни одного ногтя! Заливаю кровоточащие лунки йодом, сижу, плачу и морщусь, обрезая остатки... Утром, глядя на запёкшиеся лунки, маникюрша не находит слов – ведь только что от неё...

– Ну ты даёшь! Да здесь же ничего нельзя сделать! И где это ты так?

– Да так... вчера... С молодым человеком познакомилась...

– Ну, приходи... недельки через две... Только больше ни с кем не знакомься!

Транспорт не ходит. Ловлю беленький «жигулёнок». Сажусь. Отъезжаем, хорошо если два квартала – и прямёхонько на нас из-за поворота, из-за деревьев вылетает мотоциклист.

Справа – трамвай – наконец-то! Слева – мотоциклист. И, летя в лобовое стекло, я на всякий случай теряю сознание, ненадолго, на секунду – резкая боль в шейном отделе, и всё... И тишина...

Я – умерла...

Медленно возвращаюсь... Картинка: водитель, прервав полёт, резко вдавливая меня правой рукой в спинку сиденья, левой – справляется с рулём. Трамвай благополучно с нами разминулся. Мотоциклиста с мотоциклом – след простыл. Все живы и здоровы.

Только мы стоим в перекошенной позе на крутой обочине дороги...

И тут спаситель, отходя от первоначального шока, начинает ужасно материться.

Вскидываю руки к глазам и – радостно:

– Фух! Слава Богу! Ногти целы!

Он осёкся, вспомнил о моём существовании, перестал держать железной хваткой за горло и от неожиданности засмеялся, глядя на такую наивность.

Тронулись. Дальше ехали в хорошем настроении. Он, правда, силищи не рассчитал, и шею ломило аж жуть. Каков, а? Реакция – что надо. Если бы не это – разможилась бы о стекло. Он подставил под мотоциклиста свою сторону, вот что... Просто знаю другой случай, когда в подобной ситуации молодой человек подставил свою юную жену... В медовый месяц.

Всё в подкорочке пронеслось. Подъехали. Даже неловко, и всё же:

– Сколько я вам должна?

– Да вы что! – покрутил головой. – Шутите?!

То есть ощущение почти интима: только что были в довольно щекотливом положении, оба, вместе, в одно и то же время. Общность некоего совместного акта во спасение.

Представляю, как после он рассказывал анекдот об этом возгласе: «Слава Богу...». Подразумевалось: какое счастье, что мы целы, а на поверку – ногти...

Глава X

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ФИШКИ

Театр. Жара. Стекло. Удушье.

За стеной – распевак. Через полтора часа в дверь заглядывает молодой актёр. Распаренный, мокрый и обессиленный. Светлые волосики слиплись, будто у только что вылупившегося цыпленка:

– У вас водички можно попить?

Пьёт.

– А ещё – можно?

– Да сколько угодно.

И потому, как он пьёт, я с пониманием («иду в народ») и сочувствием замечаю:

– Сейчас бы бокал холодного шампанского...

Он прекращает пить. Изумлённо смотрит:

– Да что вы! Сейчас бы пивка холодненького!

...А ещё через полтора часа – ещё более разомлевший и умиротворённый, нежели при входе:

– Мне кажется, вы меня гипнотизируете...

Была бы охота...

Или – другой:

– А почему у тебя чёрно-белые рисунки?

(О графике...)

Не скажешь же: жизнь такая...

– Так я ж дальтоник, – отвечаю, лишь бы не распространяться всерьёз...

Слухи завершают виток:

– Говорят, у вас большие проблемы со зрением?

– Зачем ты сама о себе слухи распускаешь? – залетает Вампирёза (та, с которой «оборжали» Герцога...)

– А что, опять?

– Не опять! А постоянно!

Ужас... Сидишь, никого не трогаешь... Вроде бы.

Очередная гастролирующая леди-босс, глядя на часы:

– А ты, оказывается, любишь дорогие вещи?..

Было б странно наоборот. Кто же не любит?

В «ссылке» судьба свела с девочкой-одногодкою. Фамилия – нечто феерическое (аж – Герц-Добровольская!) А лицо... Иконопись... Не выдерживаю:

– Лицо у тебя породистое.

– А мой прадед – граф, ссыльный.

А её престарелая, дряхлая, чудаковатая тётка до сих пор сохранила свои привычки. Средства не позволяют ей содержать и одевать себя достойно титулу. Но у неё всегда – шикарные туфли и безумно дорогие духи. Хотя и древняя старушка...

– Но ты же – советская девушка! – та же «босс» в порыве полемики.

– Я – не советская! – оцетинилась я.

Она, после секундной паузы:

– Не советская, говоришь? А что тогда здесь живёшь?

Анекдотическое:

Звонок. Молоденький голос:

– Здравствуйте! Вам звонят из дома престарелых. Мы хотим предложить вам своих бабушек для эротического шоу...

(...И перед моим внутренним взором пронёсся радужный канкан бабуленций, бодро вскидывающих ножки к голове... Адский ад...)

Позднее выяснилось: дипломники разыгрывают по-чёрному... Но, доложу я вам... глаза мои вылезли...

Анекдотическое же:

– Ну, и где вы Новый год встречали?

– В компании спелеологов.

– Да?! И о чём же вы с ними говорили?!

– Как о чём? Об альпинистах.

Однажды позвонили, я сказала обычное: «Добрый день» – спросили информацию – ответила – попрощались – пожелала всего доброго. Положила трубку – звонок. Подняла: «Добрый день» – спросили ту же информацию тем же голосом – ответила – попрощались – пожелала всего доброго... Кладу трубку. Да что ты будешь делать – опять звонок.

«Добрый день» – и тот же голос спросил всё то же самое! – ответила – попрощались – пожелала всего доброго. Но трубку не положили. Молодой нахал спросил:

– Девушка, а вы – автоответчик?

– Что?! – возмутилась было я...

Засмеялся... хотелось поболтать.

– Всего доброго! – попрощалась я.

Но рассказывала об этом эпизоде иначе. Всё то же самое, но в конце – посылаю сленгом. Впечатляло.

Однажды, например, подошёл весь дёрганный молодой человек, брюнет. Вполне красив, если б не зубы и не некоторая нервозность, и без обиняков спросил:

– А читали ли вы «Мастера и Маргариту»?

Мне бы в пору обидеться, но я терпеливо ответила, да, мол, читала. И не раз.

– НУ И КАК? – раздельно полюбопытствовал психоватый юноша.

– ЧТО – КАК? – не менее раздельно перелюбопытствовала я.

– Вы думаете, было ЭТО на самом деле?

– Вполне. Почему бы и нет, – пожала плечами, – чего не случается в подлунном мире...

Он как-то весь обрадовался, засветился, показались его ладони с длиннющими нервическими пальцами скрипача.

– Я – Мастер... Но моя женщина... оно... Она меня не понимает! – отчаянье.

– Значит, одно из двух... – подытожила я, кивнув.

Он превратился в знак вопроса.

– Либо она – не Маргарита...

Он закивал усиленно.

– ...либо вы – не Мастер, – заключила я.

Его лицо было таким... словно он получил пощёчину. Tактический промах...

Время от времени я вспоминала об этом.

Ночью после спектакля с Людоведкой садимся в такси. Справа по курсу невысказанно ярко стоит Кассиопея:

– Как сегодня хорошо видно Кассиопею! – говорю.

– Да-а? А ты ориентируешься в звёздах? – всё ещё удивляется мне дама.

– Я когда в такси сажусь, только по звёздам и ориентируюсь...

Дамища, что ловит меня в кулуарах и покрывает беглой шрапнелью по пристрелянным точкам, заглядывает в пакет, а там... мясные деликатесы в баночках... (А кругом глад и талоны на кур...) До встречи с котом я была убеждённой вегетарианкой, чему он ожесточённо сопротивлялся. И, если теперь меня застукивали с мясом, чувствовала панику и жуткое неудобство: вегетарьянка, а что себе позволяет – полный пакет мяска!

– Это не мне! Это кошке! – тут же опережаю я.

– Хотела бы я быть вашей киской! – восклицает дама.

...Сто двадцать килограммов живого веса... Ни фига себе...

...Смотрю в ужасе, и на лице моём: «Не дай мне Бог такую кису!»

И тем не менее именно она советует кому-то снимать депрессию покупкой вещи: побалуй себя, и стресс – как рукой.

Решаю воспользоваться. Покупаю юбку...

Не греет...

Через день покупаю к ней блузку...

Не греет...

И вот ахаю немереный, трёхзарплатный эквивалент – и добываю через тех, других, пятых дорожные-не-знай-какущие духи...

И постигаю сакральный смысл: конечно, не до душевных мук, ежели жрать нечего...

Киса и хлеб

Кто никак не хотел мириться с экономическим кризисом в стране – так это кошки. Ночую у Людоведки. И поутру слышу из кухни требовательный тон кота.

Голос:

– Кис-кис, на...

Минутная тишина, и вновь требовательный кошачий рёв. И комментарий хозяина:

– Что, киска, не хочешь хлеба? А пора бы...

В кулуарах сталкиваемся с неким озабоченным журналистом. Меня ему представляют. Он, прямо видно, молниеносно что-то раскладывает в мозгу: тут подчеркнул, здесь вычеркнул:

– Так вы – график?

– В какой-то степени...

– А что рисуете?

– Гротеск.

Задумывается, прикидывает – всё у него сходится:

– А мы тут журнальчик затеяли...

– Вряд ли, я не рисую на заказ.

– Да вы не спешите отказываться... Детский, типа «Мурзилки»...

«Мурзилка». Я с живой иронией состыковываю бородача, детский журнальчик и мои... гротески.

– Да вы же моих работ не видели!

– А я вам верю...

- Ваши детки со страха обкакаются.
- Да вы что-о? Так страшно?

Люблю красиво завершённые истории.

Например, если кто-то на ком-то забывает жениться, и сынишка – как-то есть, а вроде б и нет... И папашка такой: метр с кепкой, но независимый и весь из себя единственный экземпляр после потопа. И вдруг: её семья эмигрирует, внезапно для неё самой. И он – сразу же – не прочь бы жениться...

...А – фигуршки. Уезжают все. Кроме тебя. А ты остаёшься грязь месить.

Или. Народному артисту устраивают выволочку. И он – с инфарктом. И долго болеет. Вернулся – а ролей уже нет, зарплата – вполовину, и вообще, борец за справедливость, иди-ка ты... Уходит. Такие, собственно, интеллигенты – первые под ударом. Уходит... В министерство культуры! И – на новый же спектакль денег просить – куда? – к нему!

А он выдерживает обидчика в приёмной, за занятостью. А после того, как тот дозрел, принимает, и – денег нет.

Говорят, примчался шеф, аки лев рыкающий. Чуть было гнездовье родное не разнёс в щепки.

Кра-асиво...

Сразу же воздалось. Не стало дожидаться Судного дня.

Глава XI

«...И ТО, ЧТО НЕЛЬЗЯ...»

В детстве полагала за редкость зелёный цвет глаз. Каково же было удивление со временем обнаружить, что зеленоглазых людей подавляющее большинство.

Цвет: листья, похожие на тонко нарезанный зелёный мармелад...

Передо мною вечер от вечера, месяц за месяцем на директорскую бронь садится невероятный по колоритности персонаж – студент-второкурсник артфака.

Немыслимая внешность: длинные узкие зелёные глаза, хитрые и опасные, великолепная лепка черепа. («Глаз корейский, череп арийский, профиль еврейский» – как после он даст свой словесный портрет). Гремучая смесь. И вот это лицо обрамляют спущенные вдоль лица крыла густых, тёмных, длинных, прямых волос – каре...

Шея обнажена. А у длинного, растянутого и растасканного вязаного джемпера нет ворота – и эта мощная шея, вырастающая из мощ-

нейших плеч, открыта, с нежной, детской кожей, – и ВСЁ ЭТО сидит впотьмах передо мной – сплошная эрогенная зона.

Не могу смотреть спектакли...

На десятый или пятнадцатый вечер ловлю себя на желании сзади обнять эту шею – и поцеловать под волосами. Было бы лихо. И дико... хоть я и не ем маленьких мальчиков.

Он обращает на себя внимание всех. Что за роль можно получить, имея такую экзотическую внешность? Маугли? Тарзана? Рахметушку?

Нет аналога.

Ранняя тёплая осень, открытие сезона.

Иду с троллейбуса и вижу ЕГО возле Дома быта. Стоит запрокинув голову и самозабвенно читает вывеску на уровне второго этажа. Кадычок торчит под прямым углом.

Хочется подойти и сзади попридержать затылок.

Джемпер тот же.

Открываю. И – первым заходит он. Не успел рта раскрыть.

Я:

– На Гребенщикова?

Удивляется как ребёнок:

– А-а... как вы догадались?

Конечно, сложно догадаться, что привело студента – ко мне, если у них беспрепятственный пропуск на все спектакли.

Билеты безумно дороги. Он огорчается.

– У вас же пропуск, – напоминаю я.

– А нам сказали, что не пустят.

– Но есть же вахта – ищите лазейки...

– Вы думаете?

– Думаю. Не в зале, так за кулисами.

Поболтали о том-сём. В том числе о том, что возле «прачки» он ожидал истечения двух часов, – самообслуживание...

Ещё и хозяйственный...

Вдруг в один прекрасный вечер – идёт! – ударяется о стекло.

– А я – через проходную! Здравствуйте.

Топчется – большой, но ребёнок.

У него огромные ладони. Чайная чашка в них выглядит кофейной.

И – пишет стихи.

И – поёт их под гитару. Но мне не дано было услышать. А вот читать – слава Богу – довелось – обменялись стихами.

Он приносит свои, скатанные трубочкой. Перепечатаваю их той же ночью. Ждала, когда же придёт, заберёт. А когда протянула назад, он крутит в руках свиток, удивляется:

– Это я вам.

– А я уже. В смысле – перепечатала.

Разные люди по-разному самоутверждаются. Одни – в подпитии ночью разбивают стеклянные остановки...

А этот – пешком шёл из Москвы в Питер. Один. День и ночь. («Думал: дойду или нет? Дошёл!»). Ночевал в перелесках, сходя с обочины...

В нём такая притягательная мощь...

Начинаю узнавать о нём, говорят: самый перспективный мальчик на курсе, очень талантлив и незаурядная личность...

...А после приезжает Гребенщиков...

Если на меня всё увиденное и услышанное и то биополице подействовали оглушающе, то на Маугли – роковым образом.

(«Если вы приглядитесь, то заметите, точку между «Б» и «Г» в виде маленького кружочка. «БоГ». Он всегда так подписывается...»)

На следующее после концерта утро он зашёл ко мне поделиться. Мы посмотрели друг на друга – оба со снесёнными башнями, и всё-то поняли. Просто сидели – и было хорошо в единомыслии, единоверии, в единовосприятии...

Так было все четыре вечера, какое-то неизъяснимое осознание, что ради этого, собственно, стоило жить...

И вдруг.

К нам заходит вульгарный постановщик света. При его появлении мы с Маугли как по команде замолчали и тягостно ожидали, когда же дядька поймёт и выйдет вон. Но дядя – отнюдь.

Был как раз из тех, кто поймёт – и помучает. Поймёт – и постарается опошлить.

– Захожу, а он сидит один: бутылка коньяка и во-от такая рюмочка, – показывает он. – Говорю: «Мужик, ты чё, стакана не нашёл?» «Не нашёл», – отвечает. «Щас найду». Пошарил по гримёрке, нашёл, вытряхнул карандаши, дунул в него, обтёр слегка, ставлю. Он наливает полный гранёный стакан. Залпом выпиваю, утираюсь и говорю:

– Ну, а ты чё?

– Спасибо. А я уж так...

Чувствую, как мы одинаково с Маугли сжимаемся, он рядышком, на банкетке, внутренне съживается, и я... не знаю, куда провалиться... Перед нами прокручивается вся эта жуткая сцена – и как серпом по идеалу. Как дальше жить? Мы оба молчим, как-то враждебно и выжидающе. Сомкнули мысленно ряды. Дядька смотрит, понимает, что его выпирают, но разглагольствует дальше.

Моя мина выражает откровенное: п-шёл вон, пошляк.

Наконец, помолчав, он встает, в гробовой тишине направляется на выход и у двери довшивает:

– Нет, ребята, всё же скучный мужик – этот ваш Гребенщиков.

Сидим нахохлившись...

В первую ходку передаю Б.Г. с продюсером Евангелие и цветочки.

А продюсер – умереть не встать – ТОТ САМЫЙ, что и Понтий Пилат в «Мастере», а позже – диктор в «Гран-Мишель»... А я-то в своё время сколько ему цветов перебросала... А теперь он у меня вроде как посыльный? Ужас...

Тесен, ох уж тесен мир!

В канун концерта Понтий Пилат ходит по театру и собирает со всех дань – обогреватели, чтоб гастролёр не окочурился на нашей сцене от холода. Заглядывает ко мне – хищно смотрит на рефлектор и изъясняет суть дела... О! если бы раньше – я тебе всё отдала и безвозмездно, то теперь – всё, но только не камелёк! без него – мне карбышевская смерть...

– Не дам, – говорю.
– Для Гребенщикова?! И – не дадите?! А если он замёрзнет? Голос потеряет? Охрипнет?
– Не охрипнет, у него глотка лужёная..
– Это у него-то – лужёная?! – опешив и не ожидая отпора, удивлённо смотрит, не узнавая, Пилат: – Да у него нежный голосочек!
– Не дам!
С Маугли – передаю стихи. И карандашный рисунок – другим днём. Но рисунок он так и не получил – не суждено было, не состыковалось.

– А ведь в чём-то он прав, – неожиданно, после отбытия мужика и нависшей паузы, тихо роняет Маугли, – Гребенщиков действительно может показаться скучным..

...И общая мысль, одна на две головы: философского склада человек и не должен ломать коленца, вприсядку, на потребу публики.

И всякий раз, прощаясь, Маугли – поклон головой, воображаемое щёлканье шпорами...

Но сегодня – последний вечер. И сие ощущалось в воздухе... Все как-то находились в приподнято-романтическом, подвешенном, отрешённом от реальности состоянии. Все были как-то по-особенному... взаимовежливы – и любили весь мир...

А после...

После вернулась в своё чистенькое, выкрашенное и выбеленное жилище, с кружащимися по стенам цветными бликами настольного фонаря...

И постигла истину: это – конец. Всё. Больше ничего не будет. Больше ловить рыбку в стенах театра не придётся – рыба ушла...

И было столь тошно и одиноко!

Хорошо, соседка не ночевала дома.

Бросила сумочку на стул. Села. Над постелью плакат с автографом (а ведь действительно – БоГ!) – и как-то опустошённо и неуютно сделалось в целом мире. Мне необходимы были музыка, слова, голос... – ВСЁ ЭТО. Я ПРИУЧИЛАСЬ к этому за четыре вечера. Подсела, вот что...

И такая вселенская скорбь, такая тоска... Больше ЭТО не повторится! По мере крайней, в моей жизни – ни-ког-да...

Открыла холодильник... И налила... полный фужер... коньяку!

Залпом выпила – и понеслось: следом за скользящими цветными пятнами закружились стены, потолок – и я исчезла.

До утра.

А утром всё осталось тем же самым. Только чуть сдвинулись акценты.

Еду на службу. Тот же самый пейзаж урбанистический, тот же раскисший чайной содой грязный снег... И ничего не произошло... Но ощущение радости угасло... Те же лица, речи те же... но разница несопоставимая. Если ДО этого фильм снимался на плёнку «кодак», то ПОСЛЕ этого – на плёнку «свема»... О-пус-то-ше-ни-е...

Приходит Маугли...

Ещё раньше попросила у него фотографию. Принёс кипу ВГИКовских фотопроб. Качественные, шикарные портреты... Выбираю один, где совершенно не похож на себя: лирический, вдумчиво-отрешённый. Гамлет, только рафф добавить!

– Эту!

Он перетасовал и выбрал задиристо-лукавую, с ухмылочкой и хитрющими глазами, ёрническую...

...А жаль.

И вот пришёл:

– А я зашёл проститься.

–?!

– Уезжаю. В Питер.

–?!

– Я понял, что театр уже мёртв... А рок-н-ролл, – прищёлкнул языком, – всё-таки жив...

– А как же училище?!

– А я уже заявление написал.

– Как?!

– Знаете... Я ведь своей спиной им дорогу загораживаю. Честнее уйти. Я-то смогу без этого. У меня есть рок. А они – не могут.

То есть он всё это время знал, что талантливее всех их, вместе взятых... Реально знал реальность – вот что...

Шок.

И будь не в подавленном состоянии после отъезда Б. Г., наверно, иначе отреагировала, стала бы отговаривать... Отговорила... Попыталась БЫ отговорить... Да хоть что-нибудь!

Но – не сказала и не сделала ровным счётом ни-че-го.

В тот момент мы с ним одинаково чувствовали, ощущали разницу, и для него, и мне это решение показалось правильным...

Если, конечно, после он не растворил свой талант в толпе мальчиков на побегушках, бегунках за пивом.

Горько было б осознать, что он – канул. В общей массе завёрнутых в водоворот энергетической кумира...

(...Позже дали послушать плёнку, записанную во время занятия тибетского монаха, ламы, профессора и проч. Перевод синхронный, дикий. Но дело в другом: в момент, когда он по часовой стрелке собирает энергию «ци», отчётливо слышен всенарастающий вращательный гул, будто запускают турбину. Вначале тихо, а после чётче, мощнее раз от раза. Спросила, был ли ощутим и слышен этот круговорот в зале во время сеанса.

Вроде бы нет... А – записало!

То есть тонкую материю можно иной раз запечатлеть на плёнку вполне материально.)

Нечто похожее творилось и на гастролях... Только всё физически ощущалось, перетекало, переливалось... Имело взвесь.

И – с небес об землю. В первое утро после Б. Г. выяснилось: тем же вечером у гастролёров попятити дорожную японскую серебряную флейту. Флейтист чуть не плакал, просил вернуть – впереди

целый тур по Волге-матушке, а как же он без инструмента?.. А Б. Г. улыбнулся тихо:

– Пошла на сувениры.

Постфактум...

Гребенщиков как некий свет растворял в себе и собой сонмы. Перефразируя какого-то поэта: «И жадно шли их стада напиться из его прохлады...»

Но некоторых, что растворились (см. выше), мне жаль...

Маугли как-то попросил его написать что-либо для младшего братишки, подсевшего на травку.

Все дружно подписались под воззванием Б. Г., мол, туда-сюда, нехорошо и прочая...

Все. Кроме бас-гитариста: «Ну, против травы я ничего писать не буду...»

Последнее впечатление о пребывании.

Второй-третий вечер: стою на проходной и взираю на телефон, ожидая звонка такси. Мучительно долго в этот раз... Не едут. Невыносимо. И внезапно распахиваются тяжеленные, обитые железом врата (... «с прозрачными воротами...») – и со сцены гуськом направляется процессия.

Каждый здороваётся и тут же прощается с бабушкой-вахтёром (попутно и со мной)... Взор мой поднят под углом, соответствующим двухметровым верзилам. И где-то на установленной отметке ожидаю ЕГО – последнего, главного...

И вдруг – на тебе, глобалистка, гигантоманка: выходит маленькое и щупленькое, с невероятно синими глазами. Такое ощущение, будто сквозь них видно февральское или майское небо...

То есть буквально – НА ПРОСВЕТ...

Невероятное ощущение...

Продолжение следует.

*Саратовский государственный
профессионально-педагогический колледж
им. Ю.А. Гагарина. Фото Александра Михайлова*

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – Владислав Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Елизавета Данилова.

Дизайн и вёрстка – Лилия Баранова.

Корректор – Елена Березина.

Подписано в печать 14 апреля 2016 года.

Дата выхода в свет 29 апреля 2016 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 02/14046

Цена свободная.

Почтовый адрес: 410005, г. Саратов, а/я 3535.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Соборная, 42.

Тел. (факс): (845-2) 28-63-49.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс 14320

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж свободный.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2016.

© «Волга–XXI век», 2016.

Алёна Жилкина

Кселена Литвинова

Победители литературного конкурса молодых авторов
«ВОЛЖСКАЯ ВОЛНА» стр. 98

Памятник «Одноклассники».
Фото Александра Михайлова

ISSN 1993-9477

9 0 4 1 6